

Бред Гуч

СЕКРЕТ РУМИ
ЖИЗНЬ СУФИЙСКОГО
ПОЭТА ЛЮБВИ

Перевод с английского П. Джамshedов

Душанбе
«ЭР-граф»
2021

ТАКЖЕ БРЭД ГУЧ

Smash Cut: Воспоминания о Говарде и искусстве 70-х и 80-х годов

Фланнери: Жизнь Флэннери О'Коннора

Городской поэт: Жизнь и времена Фрэнка О'Хара

Страшные поцелуи

Зомби

Золотой век распущенности

Godtalk: Путешествие по духовной Америке

В поисках парня внутри

Встречи с греческими богами

Джайлбай и другие истории

Ежедневные новости

ББК 83.3(0)9 + 86.38 + 87.3(2) + 72.3 + 83.3Тадж
Г-93

Бред Гуч

Секрет Руми. Жизнь суфийского поэта любви. – Душанбе:
«ЭР-граф», 2021. – 368 с.

СЕКРЕТ РУМИ. Copyright © 2017 by Brad Gooch. Все права защищены. печатается в Соединенных Штатах Америки. Никакая часть этой книги не может быть использована или воспроизведена каким-либо образом без письменного разрешения, за исключением кратких цитат, содержащихся в критических статьях и обзорах. Для получения дополнительной информации обращайтесь по адресу HarperCollins Publishers, 195 Broadway, New York, NY 10007.

Книги Harper Collins можно приобрести для образовательных, деловых или рекламных целей. Для получения дополнительной информации, пожалуйста, напишите в Отдел специальных рынков по адресу [SPsales@harpercollins.com/](mailto:SPsales@harpercollins.com)

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-99985-62-15-8

Печатается по решению президиума
Национальной Академии наук Таджикистана
решение № 89 от 06.09.2021

Любовь украла мои четки и подарила мне стихи и песни

Руми

СОДЕРЖАНИЕ**ЧАСТЬ I**

1. В молниеносной вспышке отсюда до Вахша	15
2. Самарканд	32
3. На Великом Шелковом пути	49
4. Огонь упал в мир	83
5. Конья	85
6. Я все время слышал свое имя	99

ЧАСТЬ II

7. Лик солнца-Шамс Табризский	118
8. Разделение	151
9. Я горю, сгораю, сгорел	179

ЧАСТЬ III

10. В прошлом году в красном плаще... в этом году в синем	206
11. Падение Багдада	224
12. Пой, флейта	241
13. Соловей улетел, а потом вернулся	259
14. Религия любви	276
15. Брачная ночь	292
Послесловие	309
Благодарности	319
Примечание по транслитерации	324
Глоссарий имен	325
Карты	332
Список литературы	334

ПРОЛОГ

Однажды утром в пятницу я бродил почти один по Большому базару в Сирийском Алеппо. Большинство магазинов на обычно оживленном крытом рынке— лабиринт сырых перекрестков, вдоль которых выстроились освещенные флуоресцентными лампами прилавки, заваленные фигами, фишашками, джеллабами, даже игрушечными грузовиками и чистящими средствами, — закрывались на полуденные службы. Перед мечетью Омейядов уже виднелись скопления людей, их стоптанные башмаки, ее величественный двор со старым квадратным кирпичным минаретом, слегка наклоненным вправо, видимый сквозь остроконечную арку, пропускающую луч теплого солнечного света. Это было почти начало весны, 18 марта 2011 года, и к концу дня, неожиданное для меня, а также неожиданное для большей части мира, вспыхнет сирийское гражданское восстание, которое в течение нескольких лет уничтожит большую часть этого средневекового базара и исторической мечети, процветающей поблизости.

Единственными звуками на базаре в то утро, однако, были воркование голубей, порхающих в каменных сводах потолка высоко над темным вторым этажом, и лязг закрывающихся решеток нескольких лавок. Воспользовавшись этой паузой во всей этой толкотне, я вытащил маленькую записную книжку и начал рисовать карту, пытаюсь понять архитектуру, сохранившуюся с тринадцатого века, когда молодой Руми был студентом в этом шумном арабском торговом городе. Я рисовал карандашом осевую линию прямой улицы с востока на запад, когда черноволосый двадцатилетний парень, проезжавший мимо на велосипеде, резко остановился.

“Откуда вы?” спросил он на безупречном британском английском.

“Америка.”

“Вы шпион?” спросил он, указывая на мой блокнот.

Не успела я бросить на него встревоженный взгляд, как он разразился заразительным “просто шучу” хихиканьем. “Себастьян”, как он назвал мне свое имя, быстро добавил, что он учился в Англии и сейчас находится дома, помогая своей семье с ковровым магазином. Когда он вынудил дополнительную информацию о моих заметках, я тоже начала быстро заполнять.

- Я пишу биографию Руми... персидского суфийского поэта ... Он теперь знаменит ...

Мне не нужно было продолжать излагать азбуку жизни Руми. Себастьян был потрясен моим ответом и разразился потоком быстрых вопросов и комментариев.

- Ты пишешь о Руми? Он один из двух или трех моих любимых поэтов во всем мире. Он напоминает мне вашего американского поэта Уитмена, потому что он такой универсальный!”

Теперь я тоже удивился. Мало того, что Себастьян был одним из страстных поклонников Руми, Фи также сделал меткое сравнение, которое никогда не приходило мне в голову, с Уитмен, также поэт эпической близости. Когда мы прошли еще несколько шагов вместе, он поразил меня еще больше, начав безупречно декламировать начало главной поэмы Руми, Маснави, не на оригинальном персидском языке, как я мог бы догадаться, а на певучих строфах, переведенных в прошлом веке выдающимся востоковедом Кембриджа Доном Р. А. Николсоном.:

Внимай этому тростнику одинокому.

Дыхание, с тех пор оторванное

От своего рыхлого ложа,

Напряжение страстной любви и боли

Строфы были прекрасны, хотя и устарели, и создавали пьянящий эффект. Но их странное очарование длилось недолго. Себастьяну нужно было вернуться к своей куче ковров из верблюжьей шерсти и голубых плиток оттотманки.

- Руми входит в небольшую группу величайших поэтов всех времен, - сказал он на прощание. «Почему? Потому что, как Уитмен или как Шекспир, он никогда не раскрывает свою тайну!»

Сунув мне свою визитную карточку, он исчез, силуэт, едущий на велосипеде через множество удаляющихся арок, мимо закрытых ставнями магазинов на рынках специй и ювелирных изделий.

*Тайна моей песни, хотя и близка,
Никто не видит и не слышит*

А потом, пламенно:

*О, если бы друг знал знак
И смешал всю свою душу с моей!*

Да, подумал я, у Руми действительно есть секреты—личные, поэтические и богословские,—которые он всегда раскрывает и скрывает. Его жизнь была полна тайн и смысла.

Я был в городе, изучая одну часть жизни Руми, который, вероятно, был студентом-богословом в Алеппо в 1230-х годах, возможно, в бывшем колледже, который я мог только разглядеть через черно-белую мраморную площадь. И все же я была в плену у Руми гораздо дольше, начиная с соблазнительных строк его стихов. В течение многих лет стихи Руми были моим постоянным удовольствием, с тех пор как я обнаружил на книжной полке друга в Майами книгу в мягкой обложке с пе-

реводами А. Дж.Арберри — студента Николсона в Кембридже. Я провел большую часть недели, читая один за другим, привлеченный их экстатическими образами, если не всегда понимая их сетку вспышек мудрости о человеческой и божественной любви:

*Я - черная туча в ночи скорби,
Обрадовавшая день праздника.
Я удивительная земля, которая из огня любви
Наполнила воздухом мозг неба.*

Десять лет спустя я оказался среди группы молодых американцев—мусульман, суфийской группы—мистической ветви ислама, - когда я исследовал главу об исламе в Нью - Йорке для своей книги Godtalk . Мы встретились в пятницу вечером в скромной квартире в Верхнем Вест-Сайде Манхэттена. К тому времени Руми был чем—то вроде сенсации в Америке, похожей на манию, в Викторианской Англии, для Омара Хайяма Кувшин вина Буханка Хлеба-и Ты!”). Благодаря популярным переводам Коулмена Баркса, журнал Тайм назвал Руми “самым продаваемым поэтом в США”, он действительно написал духовную эпопею из шести книг, а также более трех тысяч лирических газелей и две тысячи четырехстрочных рубай.

Но этот круг был менее заинтересован в убедительных отдельных строках стиха (“За пределами идей неправды и правды есть поле. Я встречу с тобой там”- в знаменитой версии Баркса), чем с медитациями, которые их лидер читал вслух из бесед Руми, записанных и собранных в книгу под названием просто «Фихе ма фих», или «В ней есть то, что в ней есть».

Если вы приучите себя хорошо отзываться о других, вы всегда будете в раю. Когда вы делаете доброе дело для кого-то другого, вы становитесь его другом, и всякий раз, когда он ду-

мает о вас, он будет думать о вас как о друге, а думать о друге так же спокойно, как о цветнике.

Вместе эта группа представляла собой Ноев ковчег из полос и штаммов мусульман в Америке, и из этих молодых мужчин и женщин среднеазиатского, пакистанского, ближневосточного, североафриканского, турецкого, европейского или канадского происхождения.

Он узнал гораздо больше об истории жизни Руми, о важности его религиозного происхождения и убеждений.

Схема жизни Руми растянулась на 2500 миль, и вскоре я начал путешествовать, пытаюсь представить лицо и место этому имени и экстатическому стилю, сияющему в моем уме. Я провёл два лета—в Остине, штат Техас, и Мэдисоне, штат Висконсин—в интенсивных персидских программах, приближаясь к его родному языку и начиная переводить его неуловимую поэзию, поскольку все переводы в этой биографии являются моими в сотрудничестве с ирано-американской писательницей Мариам Мортаз. Я побывал в Самарканде, в Узбекистане, на месте тяжелой осады во время его отрочества. Я шел по старому Шелковому пути в Иран, думая о юном Руми, путешествующем на запад со своей семьей, убаюканном звоном седельных колокольчиков и арабскими любовными песнями погонщиков верблюдов в бесконечных караванах. Я стоял в сумерках на голом, скалистом подъеме горы Касиюн, над Дамаском—для зрелого Руми “рай на земле.” Меня поразило сходство между его жестокими и бурными временами и нашими. Я также понял, что все точки его жизни могут никогда не быть связаны, некоторые тайны останутся нетронутыми. Для этого мистика восьмисотлетней давности стихи иногда были единственными достоверными фактами.

Интерес к Руми неизбежно приводит его в Конью, на юге центральной Турции, где он прожил большую часть почти пя-

тидесяти лет своей взрослой жизни. Я посетил Конью в самую благоприятную и многолюдную неделю празднования смерти Руми, которую он заранее назвал “Брачной ночью”, 17 декабря 1273 года. Моим гидом была черноволосая турчанка лет двадцати с небольшим, увлекшаяся суфизмом, прочитав популярный турецкий роман о Руми. Однажды днем она отвезла меня в сельджукский трактир тринадцатого века, или караван - сарай, каменные остатки двора и конюшни которого вырисовывались на фоне неба плоской, поросшей травой анатолийской степи - как и многие другие, где останавливался Руми. Пройдя перипатетическое детство, он нашел в этих станциях метафору человеческого опыта:

*Ум-это караван-сарай,
Каждое утро прибывают новые гости ...
Все мысли, счастливые или грустные.
Идут гости. поприветствуйте их.*

На обратном пути в Конью, «возвышаясь на ее окраине, как знак препинания преданности Руми, не только как поэту, но и как святому, стояла цилиндрическая башня из бирюзовой черепицы, окутанная полосой сине-золотой каллиграфии, его святилища. Место захоронения представляет собой розовый сад, подаренный в качестве подарка для могилы его отца их покровителем, сельджукским султаном Алаудином Кайкобадом I. Вместе с почти пятью тысячами ежедневных посетителей заполняли комнату, заполненную рыдающими и молящимися женщинами, набожно натягивающими на головы шарфы, в то время как мужчины и мальчики читали вслух из книг его поэзии, бормоча слова на персидском или турецком. Возвышенная гробница Руми, покрытая черным бархатом с золотым шитьем, находится рядом с гробницами шестидесяти пяти

членов его семьи, включая его вторую жену.

Мой гид, наконец, высадил меня у частного дома, на собрание для кружения, танца, центрального в медитации самого Руми. Меня остановили у двери и произнесли пароль “зекр” - слово для суфийской молитвы, которое я выучил в манхэтенской группе. Внутри, один за другим, мужчины и женщины кружились на низком столике, в пылу быстрого барабанного боя. На следующий вечер я присутствовал на более официальной церемонии, или само, на площадке размером со стадион, где десятки “кружащихся дервишей” в коричневых фетровых надгробных шляпах, сопровождаемые флейтами и барабанами, сбрасывали свои черные шерстяные плащи, выглядя, когда они вращались, как белые цветы, раскрывающиеся или вращающиеся вокруг планет. Как и его современник Франциск Ассизский, чей францисканский орден объединился в основном после его смерти, круг Руми только позже стал стандартным суфийским орденом—Мавлеви, и его практика медитации во время вращения под музыку была кодифицирована в этот элегантный танец.

- В течение недели в 1273, которую мы отмечали, Конья тоже была взвинчена, и большая часть населения стояла на страже смерти для шестидесятишестилетнего Руми-который был таким же общественным деятелем, как мистик и поэт. В его покоех уже несколько месяцев царил тишина, если не считать мяуканья любимой кошки. В те последние дни мысли Руми часто были о Шамсе, преображающем друге, который, как он чувствовал, открыл для него духовные измерения любви и творчества—предполагаемое место их встречи теперь было отмечено скромным восьмиугольным стеклянным и окрашенным бирюзой металлическим святилищем, напоминающим автобусную остановку, на главном бульваре Коньи. На смертном одре Руми пробормотал, что в то время как близ-

кие тянули его, чтобы остаться в живых, Шамс “зовет меня с другой стороны.” И он продиктовал несколько срочных стихотворений о своей надвигающейся смерти, передавая фи-эш, оптимистичные послания, включая радостно дерзкие строки, которые мы, посетители, могли теперь изучать, вырезанные в витиеватой каллиграфии его саркофага.:

*Если вы посетите мою могилу
Моя могила заставит вас танцевать
Обязательно принесите бубен*

Похороны Руми серым декабрьским днем больше походили на жаркое безумие кружения, которое я наблюдал в суфийском доме, чем на официальной церемонии сама. Бурная процессия началась в его доме и школе, на месте, которое теперь занимал - как указал мне директор музея Мавланы — хлипкий, бледно-голубой, современный жилой дом, намеченный к сносу. Гроб с телом Руми вынесли утром и привезли в розарий только на закате, крышку пришлось снова поставить после того, так как ее сорвали скорбящие. За ними, с непокрытыми головами, шли не только мусульманские имамы, чтецы Корана, играли оркестры музыкантов тамбурины и трубы в суфийском стиле, а также певцы Руми-од, но также еврейские раввины, читающие псалмы, и христианские священники, читающие Евангелия. Они миновали крепостные стены Коньи, сохранившиеся до начала двадцатого века, но с тех пор превратившиеся в одинокие ворота здесь и кое-какую каменную кладку там, вроде арки, ближайшей к розовому саду, все еще нетронутой посреди оживленного транспортного кольца.

На этих богослужениях, которые продолжались до глубокой ночи и до сих пор выделяются в гражданской истории Коньи, присутствовал Ираки, суфийский поэт, не близкий друг

Руми, а скорее знакомый. По пути с кладбища и на протяжении многих лет, когда его спрашивали, его замечание о Руми высказывало существенное понимание, которое также непреднамеренно повторил Себастьян на Алепшском базаре и остается сквозной линией в истории: “Никто не понимал его должным образом. Он пришел в этот мир как чужой и ушел как чужой,”

ГЛАВА 1

В молниеносной вспышке отсюда до Вахша

КОГДА Руми было пять лет, он видел ангелов и время от времени вскакивал и приходил в возбуждение от этих видений. Несколько учеников собрались вокруг его отца, Баха Валада, затем прижали мальчика к груди, пытаясь успокоить его: “Это ангелы из невидимого мира”, - успокоил его отец. “Они показывают себя вам, чтобы предложить вам свои благосклонности, и они принесли вам видимые и невидимые дары”, - подчеркнул он, подчеркнув, что эти тревожные эпизоды были не чем иным, как знаком благословения.

Баха Валад также вспомнил, как соседские дети однажды навестили его сына, когда ему было пять или шесть лет, на их крыше в пятницу утром. “Давай перепрыгнем с этой крыши на другую! - крикнул друг. Они заключили пари на дерзкий подвиг, как раз когда его сын, насмехаясь над их игрой, каким-то образом исчез, вызвав шум. Когда он вернулся через несколько минут, он объявил: “Пока я разговаривал с вами, я видел несколько человек в зеленых одеждах. Они забрали меня, помогли мне летать и показали мне небо и планеты. Когда я услышал ваши крики и вопли, они вернули меня.” Это сообщение о мистическом приключении укрепило его статус среди изумленных товарищей по играм.

В нескольких таких историях о раннем детстве Руми, переданных от отца и учеников его отца, появляется связанная картина, которая согласуется с мальчиком, который видел ангелов, но все же умудрялся достаточно часто оставаться на шаг впереди своих сверстников. Молодой Руми был чувствителен, нервен и возбудим, но в то же время он был умным, теплым и обаятельным. Тепло исходило от семейной жизни, которую он воспринимал как позитивную и любящую. Как он позже пи-

сал: “Любовь—это твой отец и твоя семья.” Он был жадно поглощен детскими фантазиями и воображением, но, учитывая его семью и общество, этот невидимый мир был в основном религиозно окрашен. Происходя из рода выдающихся проповедников, его отец предполагал, что его не по годам развитый сын пойдет по его стопам в мечеть минбар, или кафедру.

Стремясь позже в жизни к экстатическому состоянию “без имени”, Руми действительно был мальчиком и мужчиной, окутанным слоями имен и титулов. Его звали Мохаммад, как и его отца, как и многих других мальчиков в его округе. Из—за того, что это имя было настолько распространенным—если его прославляли-прозвища были полезны, такие как “Ходавандгар”, титул, обычно зарезервированный для взрослых духовных лидеров или провидцев, поскольку термин был персидским для “Господа” или “Учителя”, который его отец даровал ему вскоре после того, как он начал видеть ангелов. Другое почетное имя Руми, также данное его отцом, “Джалалоддин”, означает “Величие Веры».”

В одной из своих записных книжек Баха Валад ласково называл своего сына “Мой Джалалоддин Мохаммад.” Позже к нему стали обращаться “Маулана”, что означало “Наш учитель “или « Учитель».” Действительно, “Руми”, единственное имя, под которым он теперь известен—производное от “Ром” или “Рим”, относящееся к Византии, восточной части Римской империи, включая современную Турцию, где он провел большую часть своей взрослой жизни, -использовалось для идентификации его немногими, если таковые имелись, в течение его жизни.

Как и большинство маленьких детей, до половой зрелости Руми проводил свои ранние детские годы за защитными стенами гарема, более интимного и отдельного владения в традиционном мусульманском доме, где женщины жили и ходили

обнаженными. Он останавливался не только у своей матери, Момине, о которой мало что известно, хотя позже ей приписывали честь происхождения из дома пророка Мухаммеда, но и у других жен своего отца, его трудной бабушки по отцовской линии, “Мами”, на которую Баха Валад жаловался в своих дневниках, за ее “скверный характер ... вечно кричит, орет, дерется, - и няня. Нособ, с которым он был особенно близок. Учитывая сложную динамику множественных жен, у Руми были и братья, и сводные братья. Его старший брат Алаоддин родился у матери Руми за два года до него. У него также была старшая замужняя сестра Фатема и по крайней мере один сводный брат Хосейн. Руми был самым младшим, так как его отцу было уже за пятьдесят, когда он родился.

Согласно дневникам Баха Валада, он жил со своей семьей в Вахше, на берегу реки Вахш, в современном Таджикистане, когда Руми родился 30 сентября 1207 года. Как жизненно важный источник воды, так и географический маркер для этого малоизвестного города, река Вахш текла вниз по Памирским горам-прозванная персами “Крышей мира”—пополнялась ледниками, затем прорезала свой путь почти на пятьсот миль к югу, чтобы исчезнуть в более широкой реке, название которой она смутно повторяла, Окс. Окс служил обширным естественным водоразделом в Центральной Азии, ныне границей между Таджикистаном и северным Афганистаном, или, во времена Руми, между Трансоксанией, “землями за Оксом”, и Большим Хорасаном, восточной частью старой Персидской империи.

Вахш был скромным городком с одной мечетью, памятным своим каменным мостом, перекинутым через глубокое ущелье реки. Вся долина оставалась такой, как ее описал один мусульманский географ: “очень плодородной и славящейся своими прекрасными лошадьми и роскошными животными; имеющей много больших городов на берегах своих многочисленных

ручьев, где земли и сады давали обильные урожаи.” Его мягкие зеленые поля были заполнены ивами и туковыми деревьями, а весной ирисами и крокусами. За Вахшем, к горному северу и востоку, в направлении Китая, шли торговые пути, по которым спускались караваны, привозившие на рынок рабов, а также мускус, аромат самца оленя, вожделенный ингредиент духов, синонимичный в поэзии Рунджи духовному пробуждению—“твой сладкий аромат.”

Когда в будущих путешествиях их спрашивали об их происхождении, семья Руми обычно отвечала, что они “из Балха”, столицы Балхской области, одним из которых был Вахш форпост—на южном берегу реки Окс, в современном Афганистане-и поэтому фраза “аль-Балхи” стала еще одним ярлыком, прикрепленным к Руми. Этот более известный город помог зафиксировать их на карте, так как Балх, известный арабам как “Мать городов”, был одной из четырех столиц Хорасана, его круглый центральный город с более чем двумя десятками мечетей, укрепленных стенами с тройными воротами, его рынки были заполнены апельсинами, лилиями и сахарным тростником. Живя в Вахше между 1204 и 1210 годами, Баха Валад все еще утверждал, что он связан с этой метрополией, поскольку прадед Руми возглавлял пятничные молитвы и произносил официальную проповедь в одной из самых больших мечетей.

Руми вырос в самого смелого из верующих в единство “религии влюбленных”, и немногие области могли бы предложить столь же питательный (хотя и регулярно насильственный) опыт религиозного разнообразия, как Центральная Азия в эти первые годы тринадцатого века. Как и следовало ожидать, он достиг совершеннолетия на границе нескольких культур, нескольких языков и многих живых верований. В окрестностях Балха, например, были развалины зороастрийского храма огня, его жрецы, известные как маги, и этот храм был

преобразован из буддийского монастыря. (Зороастризм был имперской религией персов до арабо-мусульманских вторжений седьмого века.) Руми заметил, немного подрывно, в более позднем стихотворении, качество божественности, чтобы превзойти разделения, когда он писал: “Почему божественный свет сияет в этом Храме Магов?”

Взрослый Руми любил рассказывать своим ученикам о мистике-суфии из Балха, который так привык вставать на ноги при призыве к молитве, как на смертном одре, услышав голос с минарета, встал. В его стихах также повторяется Ибрахим ибн Адхам, так называемый “Будда Балха”, мусульманский принц восьмого века, который заслужил свой эпитет, отказавшись от своего царства ради жизни в бедности и отправившись в Мекку и Сирию.:

Радостный принц ибн Адхам ускакал на своем коне.

Превращение этого дня в великого царя справедливости

Поднимающийся дым зороастрийских священных огней, буддийское отречение и красочные мистики Балха-все это слабо проявляется в более поздней поэзии Руми, подобно палимпсесту его детства в Центральной Азии, регистрируя различные влияния, которые он усвоил естественным путем.

Руми смотрел на отца восхищенными и идеализирующими глазами маленького мальчика и поразительно продолжал демонстрировать это отношение и во взрослой жизни. Баха Валад оказал самое большое влияние на его сына в течение первой половины его жизни, не только эмоционально, но и духовно и интеллектуально. Маленьким мальчиком Руми наблюдал, как его отец стоял и повторял снова и снова: “Аллах, Аллах,

Аллах”, как он сам молился, будучи взрослым человеком, громким голосом, в течение долгих ночей, прислонившись головой к стене. Он так преданно изучал и переписывал личные размышления своего отца, написанные во время их пребывания в Вахше, что мог читать наизусть большие прозаические отрывки.

Однако Баха Валад был более сложным, чем фигура, которую боготворил его сын, и, как показали его дневники, более прозрачно человеческим. Высокий, ширококостный и сильный, он был неотразимой, спорящей фигурой, полной великой духовной тоски и честных излияний, но также восприимчивой к огромной гордыне и честолюбию. Однажды Руми рассказал своим ученикам историю о Баха Валаде, который так увлекся молитвой, что забыл повернуть свой молитвенный коврик в сторону Мекки. Двое из его учеников оказали ему величайшее уважение, продолжая стоять лицом к его спине, а не поворачивая свои ковры в нужном направлении. Руми с обожанием заключил, что его благочестивый отец был “светом Божьим”. Его отец действительно внушал такие чувства, но для некоторых, особенно в годы его пребывания в Вахше, он также мог вызвать пренебрежительный гнев.

Основная работа Баха Валада состояла в том, что он время от времени выступал проповедником, а также суннитским юристом, основанным на умеренной ханафитской школе права, которая допускала личное рассуждение при принятии решений. Популярный в Центральной Азии подход ханафитов был поддержан его семьей и, в конечном счете, самого Руми. Поскольку Баха Валад не был главным проповедником в мечети, он не читал пятничных проповедей, как его более знаменитый дед в Балхе. Вместо этого он выступал по будням и обучал кружок молодых людей, которым он был предан для духовного руководства. Он был строг и настаивал на посте, надлежащем

омовении перед ежедневными ритуальными молитвами и десятине для бедных. Когда группа местных суфиев спала в святынице, чтобы быть ближе к Богу, Баха Валад на следующий день прочитал им лекцию о здоровом смысле хорошего ночного отдыха дома, а не стремления к такому блаженству. Суфизм был мистической ветвью ислама, и хотя Баха Валад был близок к суфиям во многих своих духовных практиках, учениях и писаниях, он не был публично идентифицирован просто как суфий и мог быть более настойчивым в соблюдении религиозных правил и предписаний.

Каждое утро Баха Валад сидел в мечети, польщенный почтительными приветствиями верующих. Остаток дня он провел, гуляя по улицам и общаясь с горожанами. Он посоветовал городскому клоуну стать торговцем овощами, чтобы он мог жить более честной жизнью и стать чистым и искренним. Он говорил с местным астрологом о пределах своих предсказаний, а с ткачихой шелка — о силе исламских пророков. Он провел на базаре достаточно времени, чтобы отличить желтое багдадское стекло от багрового Самарканда и круглых хрустальных флажек Бухары; или рассмотреть достоинства фиалкового корня с сахаром над толченой птичьей известью при болях в животе. Он наблюдал, как жители деревни собирали листья шелковицы, чтобы накормить своих шелкопрядов и сделать коконы.

Текущие события и проблемы Центральной Азии просачивались через бдительный, богословский интеллект Баха Валада, когда он распротранял мораль и уроки. Храмовые статуи индуистских божеств — драконов, змей, скорпионов — завораживали его, когда он задавался вопросом, не является ли графическая иллюстрация вора с головой, засунутой в рот феий дракон, или предатель, съеденный змеей, пугал индусов достаточно, чтобы помешать им практиковать пороки. Он был встревожен, узнав о древней инициации клиторидэктомии,

практикуемой на женщинах в мусульманских тюркских племенах в районе Хотана в Китае, хотя его ужас по поводу церемонии в основном касался скандала с обнаженными женщинами, публичными занятиями любовью и распитием вина.

Баха Валад обладал здоровым сексуальным аппетитом, доставлявшим и удовольствие, и вызов. Проснувшись однажды на рассвете от лая собаки, он увидел свою жену “Биби Алави”, возможно, ласковое имя матери Руми, и, возбужденный ею, подумал: “Это возбуждение тоже было вызвано Богом. Так почему же у меня было чувство мучения и рассеянности?” Другая жена напомнила ему о райских девах: “Может быть, как в то утро, когда я обнимал дочь судьи Шарафа, целовал ее в губы и радостно обнимал. Я увидел, что ее юбка закатана, как у маленькой девочки. Она все повторяла: «О Боже!» Тот самый Бог, который в тот момент сделал мой дух счастливым.” Он примирял любой конфликт из-за того, что его отвлекала от Бога женская чувственность, необычно, когда писал: “Обними Бога, и Бог прижмет тебя к своей груди и поцелует.”

И все же Баха Валад страдал от ограниченности жизни в маленьком городке, и под радостями ежедневного круга он раздражался на свой ранлдж. Он переживал Вахша как изгнанника. Его убежденность в своей значимости в духовном мире не соответствовала его должности в малой мечети. “Я начал удивляться, почему Вахш?” - написал он в своем дневнике. - Другие - в Самарканде, Багдаде, Балхе или других славных городах. Я застрял в этом голом, скучном и забытом углу!” И он признался в своих сомнениях, которые, как он знал, свидетельствовали об отсутствии глубокой веры: “Иногда я чувствую себя королем без королевства, судьей без власти, человеком положения без положения и богатым человеком без денег.”

Баха Валад подкрепил свое ощущение судьбы величественным титулом, который он прикрепил к своей подписи—“

Султан аль-Олама”, или “Король жрецов». Якобы это звание пришло как минимум одному из его друзей и учеников во сне. В этом общем сне сияющий старик стоял на холме и кричал “Царь жрецов!” Баха Валаду, приглашая его объявить о своем истинном статусе всему миру. Слуга-евнух из Мерва рассказал ему о подобном сне, в котором он был в восторге, и о толпе, кричащей в знак одобрения. И турку приснилось, что он ведет сотни людей на пятничную молитву. И все же, когда Баха Валад использовал свой высокий титул, чтобы подписать фетву или законное постановление религиозного ученого по вопросам исламской юриспруденции, судья Вахша пренебрежительно вычеркнул его.

У Баха Валада было немало возвышенных врагов, хотя бы в его собственном сознании. Одним из них был Хоразмшах, правитель большей части Хорасана после его завоеваний в 1204 году. Баха Валад назвал его религиозным “девиантом” - оскорбление, которое могло бы объяснить его незначительный пост в Вахше, если бы оно было выражено публично. Еще более горяча была его неприязнь к любимому проповеднику царя, Фахроддину Рази из Герата, проповедь которого царь так любил, что ставил своего представителя в царственной золотой шапке и поясе, как знак одобрения, у подножия любой кафедры, где появлялся Рази. Баха Валад не скрывал своей зависти, когда друг рассказывал, что присутствовал, когда Рази, известный тем, что доводил свою паству до слез, говорил с едва достаточным пространством для множества слушателей, которые вошли, чтобы услышать его, все несли свечи отвлечение Баха Валада было вызвано не только мелкой ревностью. Известный под титулом “Вождь скептиков”, Рази использовал свою защиту разума и науки, что сделало его известным ученым, а также в вендетте, направленной против суфиев и других мистиков. Чтобы убедить Хоразмшаха, Рази однажды устроил

изощренную мистификацию. Он одел королевских конюхов в суфийские одежды, окружил статистов, выдававших себя за учеников. Когда царь обратился к ним за духовным советом, Рази разоблачил его шалость, показав потенциал шарлатанства в подобных утверждениях. Урок закрепился, когда Хоразмшах приказал утопить ведущего суфия в Оксусе десять лет спустя—очевидная угроза для таких людей, как отец Руми.

Когда позже он захотел олицетворить безрассудное использование власти, Руми в стихах и беседах обратился к Хоразмшаху и, как символ интеллекта, одурманенного скорее логикой, чем любовью, Рази—два человека, которых его отец классифицировал как “бесполезных” философов, сравнивая их с саранчой. Некоторое утешение отцу и сыну принесла перемена в настроении Рази, когда он был близок к смерти в 1209 году. Скептик резко упрекнул себя в том, что посвятил свою жизнь логическим наукам, которые не ведут к истине. В предсмертном “Завещании” Рази признался, что изучал философские методы, “Но я не нашел в них ни удовлетворения, ни утешения, равного тому, что я нашел в чтении Корана.” Руми сделал виньетку этой сцены на смертном одре перед своим детством в книге IV своего Маснави:

*Этот философ в день своей смерти
Видел интеллект как дерево без плодов и листьев*

Баха Валад был не прочь конфликтовать и тратил часы, и складывал сотни рукописных страниц, сводя так счета. (Если бы его сын в детстве не слышал разглагольствований против Рази, он мог бы пережить их, прочитав позже.) Но в то же время у него была удивительно мягкая сердца, тонкое чувства, когда он размышлял, молился и спал, в которых обнаруживались намеки на необыкновенный дух. Он любил музыку и

представлял свои молитвы в виде песен, исполняемых поодиночке маленьким, струнным, похожим на скрипку рубабом, тамбурином и флейтой, а затем всеми тремя. Проснувшись однажды утром, он представил себя деревом, начинающим ветвиться зрением, цвести чувствами, приносить плоды молитвой и касаться неба лиством. Разрезая буханку хлеба, он мысленно прокручивал в голове ее цикл от пшеницы к зерну и до печи. Он записывал сон об изучении тайного языка стаи больших белых летающих птиц.

Этот дневник был самым долговечным подарком Баха Валада своему сыну. После смерти отца, когда Руми было около двадцати пяти лет, он осмелился прислушаться к внутренним наставлениям божественных посланий, включенных в рукопись, таких как запись Баха Валада о страхах неудачи, раскрытая голосом Бога, чтобы быть на самом деле испытанием стойкости. Как он записал в своем дневнике: «Бог вдохновил меня на это мысль: «Если ты со Мной, я буду твоим спутником. Вы не будете ни в одном месте—ни в Вахше, ни в Багдаде, ни в Самарканде. Ты не будешь ни с кем, и внешне ты не будешь украшена.»

Руми также заимствовал материал у своего отца. Комментарий Баха Валада к отрывку из Корана о четырех птицах, которых Бог использует, чтобы доказать Аврааму, что Он может воскрешать мертвых, в Маснави состоит из более чем тысячи строк об утке жадности, петухе похоти, павлине гордыни и вороне жадности. Унаследован был и его смелый, исповедальный голос, интимный вопль. Баха Валад пережил кризис среднего возраста в Вахше, и его артикуляция его темных ночей оставалась живой: «Мне будет пятьдесят пять лет в первый день Рамадана. Я слышал, что моя жизнь продлится еще десять лет, так как средняя продолжительность жизни составляет шестьдесят-семьдесят лет. Когда я подсчитал десять лет, то обнару-

жил, что это составит 3600 дней. Я хочу быть уверенным, что проведу эти 3600 дней наилучшим образом ... вспоминая величие и величие Бога”.

Доминирующая сила в эмоциональном и даже литературном развитии его сына, Баха Валад не был единственным влиянием Руми, хотя мир Хорасана был изобилующим стимуляцией для мальчика с активным воображением и ранним любопытством к вопросам духовным и героическим. Трансы и сверхъестественное были популярными элементами в культуре повествования, которые просачивались через Вахш и Балх, как для развлечения, так и когда их разделяли странствующие святые люди, для моральной мудрости. Фантастические истории пересказывали, вышивали и обменивались ими между Руми и его друзьями. Любимыми были истории о добрых и злых джиннах, демонах и ангелах, а также о подвигах легендарных королей и принцев, судей и воинов. В пределах слышимости также были дразнящие загадки, шутки и непристойные замечания или проклятия, которые были особенно красочными. Даже став взрослым, Руми мог испугаться, изредка отпуская с обычным хорасанским оскорблением: “Ты брат шлюхи!”

Самое стойкое из этих детских заклинаний было наложено на Руми звериными баснями о дружбе и предательстве, собранными в знаменитом сборнике сказок Калиле и Демне, названном так из-за яркой пары ссорящихся шакалов. Начиная по крайней мере с древней санскритской Панчатантры, эти очаровательные сказки были переведены в шестом веке на персидский язык Пехлеви, а затем на ранний современный персидский язык в одиннадцатом веке Насруллой как “Басни Бидпая.” Эти рассказы имели такую силу, что, когда Багдадский халифат Аббасидов задумал амбициозный проект перевода греческих и персидских классиков на арабский язык, Ка-

лиле и Демне были одними из первых—издание, популярное во времена Руми.

Арабские и персидские коллекции висели под предлогом того, что сасанидский император услышал слухи о существовании древней книги мудрости для правителей, спрятанной при дворе индийского царя, и отправил своего ученого врача в Индию исподтишка переписывать его истории, с помощью мудрого мудреца. Сказки часто ловко открываются в другие сказки-в-сказках. Оживляет все сюжетные хитрости бестиарий бегущих, знающих видов: заяц перехитряет льва, заманивая его нырнуть в свое отражение в колодце; ворона переправляет мышь, почти попавшую в сети охотника, в безопасный черепаший пруд.

Руми показал, как жадно он впитывал эти истории, когда возвращался к ним в последние два десятилетия своей жизни, сочиняя свой Маснави, описанный одним литературоведом как “великий сборник рассказов”. В начале книги I он разворачивает свою историю о хитром зайце, перехитрившем могущественного и высокомерного льва, почти в пятистах строках стихов, смело вводя:

*Пойди спроси Калита об этой истории
И найди там морал*

В адаптации Руми история превращается в дискуссию о вере | и делах. В книге II появляется лиса из Галилеи, срывающая полый барабан, свисающий с ветки дерева, полагая, что это дребезжание на ветру-звук съедобной свиньи. В книге IV три великие рыбы Калиле—одна мудрая, одна умная, одна глупая—встречаются с разными исходами на крючке рыбака, с оговоркой от Руми, что его повествование является стратегическим:

*Вы, должно быть, читали историю в Галилее,
Которая была шелухой, это ядро*

Предостерегающая история о трех рыбах заставляет его размышлять о мудрости как об одиноком пути, поскольку выжившая рыба вычислила его побег на своем овраге, благодаря независимому мышлению.

Другая монументальная сюжетная линия для персидскоязычных взрослых и детей, особенно в Хорасане, была высечена в мраморе в эпосе «Шахнаме», или «Книге царей», написанной в XI веке Фердоуси, в форме рифмованного двустопного маснави, которое Руми использовал для своего собственного духовного эпоса. Мифологизированная история персов от Сотворения Мира до свержения династии Сасанидов, поэма разворачивается в стране рождения Руми. Подобно Греции и Трои в «Илиаде», противоборствующими сторонами в этой героической повести, описанной во второй трети «Шахнаме», являются Туран в Трансиксании и Иран, уже другое название Персии, в Хорасане, где река Окс служит водоразделом между двумя враждующими кланами. В кульминационный момент иранский царь Хосров едет на своем вороном жеребце через Окс, к изумлению лодочника, который восклицает: «Никто никогда не видел всадников в доспехах, пересекающих реку в разгар весны!» Воображение Руми было заполнено царями и принцами Шахнаме, его отцами и сыновьями. В своих лирических стихах мифический четвертый царь мира, Джамшид, снова «поджигает мир», и он вызывает злого Заххака, змеи свернулись на каждом плече:

*Где бы вы ни нашли гнев, вы также увидите гордость,
Если вы счастливы с этими змеями, превратитесь в Заххака*

Больше всего Руми был поражен Ростамом, сыном Зала, который, подобно Геркулесу, совершил семь подвигов на своем могучем коне Ракше. ((В трагедии, лежащей в основе поэмы, перевернутой Эдипом Царем, Ростам неосознанно убивает своего сына в бою.) Ростам должен был стать для него воплощением духовного героя, сравнимого с Иосифом или Али.:

*Когда духи вашей милости придут, все
Продажи станут принадлежать Ростаму, готовому к битве.*

Эти герои из детства Руми стали привычными присутствиями, рассеянными по всему его творчеству. И все же он никогда не испытывал ностальгии. Он оглянулся на свое детство в Хорасане как на стадию развития в обучении видеть сквозь поверхность смысл. Быть мальчиком-значит задавать буквальные вопросы о том, как могут говорить два шакала или как луна может вселить страх в слона. Как человек, его предметом стали “смыслы внутри” и зрелый героизм:

*Герой дарит деревянный меч своему сыну до тех
пор, пока тот не
Научится пользоваться настоящим боевым мечом
Человеческая любовь - это деревянный меч
Пока он не научится бороться с болью милосердием.*

Между 1210 и 1212 годами Баха Валад окончательно решил покинуть Вахш. Его мотивы могли быть политическими. Города и поселки Трансоксании были навсегда изолированы и возвращены в изменчивую территориальную лояльность, в основном между Хоразмшахом и другими династиями, такими как Гуриды, из центральной провинции Афганистана. Царь Гура правил в Вахше, по крайней мере, в течение части пребы-

вания его семьи; когда этот царь прибыл в город в 1204 году, чтобы урегулировать политический спор с младшим визирем, Баха Валад оставался нейтральным, ссылаясь на неопределенность относительно конечной Воли Бога.

Однако Баха Валад не нуждался в предложении, чтобы покинуть Вахш. Ближе к концу пребывания своей семьи в городе он преодолел двойственное отношение к переезду на запад. Он беспокоился о том, чтобы оставить друзей и обеспечить матери стабильную жизнь. Принимая во внимание свой возраст и хронический диабет, он писал: “Мне пришло в голову: я болен и не в состоянии путешествовать, так как всегда останавливался в определенном месте. Что же мне делать?” В конце концов он почувствовал, что получил направление через молитву, и решил: “Бог дал вдохновение: «Если ты хочешь путешествовать и набраться терпения, начинай ходить, понемногу, в жару и в холод, каждый день, а потом возвращайся домой, пока не привыкнешь!»”

Баха Валад вывел свою семью из Хорасана в полшага. Их первым пунктом назначения был Самарканд, один из трех завидных городов в его списке желаний. После отъезда из Вахша, а потом из Самарканда, а может быть, и того и другого, они остановились в Балхе. Тем не менее, когда они покинули скромный Вахш, путешествуя “мало-помалу”, семья Баха Валада и, конечно, их младший сын Руми не знали, что они «отправились в вечное путешествие без определенного завершения, которое продлится почти два десятилетия и будет представлять собой грандиозное, если не всегда добровольное, путешествие по жизненно важным мусульманским цивилизациям Ближнего Востока. Между 1210 и 1212 годами Баха Валад окончательно решил покинуть Вахш. Его мотивы могли быть политическими. Города и поселки Трансоксании были навсегда изолированы и возвращены в изменчивую территориаль-

ную лояльность, в основном между Хоразмшахом и другими династиями, такими как Гуриды, из центральной провинции Афганистана. Царь Гура правил в Вахше, по крайней мере, в течение части пребывания его семьи; когда этот царь прибыл в город в 1204 году, чтобы урегулировать политический спор с младшим визирем, Баха Валад оставался нейтральным, ссылаясь на неопределенность относительно конечной Воли Бога.

Однако Баха Валад не нуждался в предложении, чтобы покинуть Вахш. Ближе к концу пребывания своей семьи в городе он преодолел двойственное отношение к переезду на запад. Он беспокоился о том, чтобы оставить друзей и обеспечить матери стабильную жизнь. Принимая во внимание свой возраст и хронический диабет, он писал: "Мне пришло в голову: я болен и не в состоянии путешествовать, так как всегда останавливался в определенном месте. Что же мне делать?" В конце концов он почувствовал, что получил направление через молитву, и решил: "Бог дал вдохновение: «Если ты хочешь путешествовать и набраться терпения, начинай ходить, понемногу, в жару и в холод, каждый день, а потом возвращайся домой, пока не привыкнешь!»"

Ифбаха Валад вывел свою семью из Хорасана в полшага. Их первым пунктом назначения был Самарканд, один из трех завидных городов в его списке желаний. После отъезда из Вахша, а потом из Самарканда, а может быть, и того и другого, они остановились в Балхе. Тем не менее, когда они покинули скромный Вахш, путешествуя "мало-помалу", семья Баха Валада и, конечно, их младший сын Руми не знали, что они «отправились в вечное путешествие без определенного завершения, которое продлится почти два десятилетия и будет представлять собой грандиозное, если не всегда добровольное, путешествие по жизненно важным мусульманским цивилизациям Ближнего Востока.

ГЛАВА 2

Самарканд

БУДУЧИ еще мальчиком, не старше шести лет, Руми около 1212 года отправился со своей семьей в Самарканд. Расположенный всего в 150 милях к северо-западу от Вахша, в современном Узбекистане, эта самая легендарная столица Центральной Азии была бы достигнута наиболее непосредственно караваном его отца, пересекающим горный хребет Зарафшан в регион, управляемый Караханидами, одной из тюркских династий в регионе, соперничающих за его контроль. В более поздних стихах Руми такие тюркские воины часто романтически застывали во времени, кочевали по степям и ездили на диких лошадях, как в одном из его стихотворений Рамадана:

*Внутри этого месяца скрыта луна
Спрятан, как турок в шатре поста*

Однако к тому времени, когда Баха Валад и его семья прибыли в Самарканд, их новые тюркские правители, как и многие другие кочующие кланы, давно отказались от своих древних шаманских практик ради более цивилизованной и космополитичной жизни, приняв также суннитский ислам своих подданных.

Самарканд, несомненно, был самым грандиозным, самым оживленным и самым эклектичным городом, который мальчик когда-либо видел, даже больше, чем Балх-из-за его решающего расположения на пересечении нескольких важных торговых путей, доставляющих торговцев и их любопытные товары издалека. Самарканд был также на поэтическом перекрестке, один из городов, где новаторские стихи были впервые написаны и спеты на пару веков раньше на персидском языке, на котором говорила его семья, а не в более древней, классиче-

ской форме. Самарканд казался юному Руми сладким на вкус и звучал сладко, хотя в его стенах он также испытал бы часть темного смятения, вызванного историческими силами, в которые теперь невольно попала его семья.

Первым проблеском Самарканда для любого каравана, пересекающего реку Зарафшан и пробирающегося через окружающие персиковые сады и высокие кипарисы, орошаемые многочисленными каналами, был впечатляющий Шарестан, старый район, возвышающийся над городскими бастионами, построенными из глины в доисламские времена. Круглый на персидский манер и защищенный круглой стеной, Шарестан можно было войти только через одни из четырех царских ворот: китайские ворота на востоке, с их многочисленными террасами ступеней, вели вниз к реке. Повсюду виднелись свинцовые трубы на каменных опорах, несущие воду к большинству домов и рынков. Над головой простиралось обширное бледно-голубое небо, описанное одним сирийским путешественником с воспоминаниями, возможно окрашенными ностальгией, как “вечно чистое.”

Семья Руми, вероятно, поселилась в более скромном, но популярном районе, расположенном ниже мыса, вдоль берега реки, иногда затопляемой весной, когда тают горные снега, к югу от Киша или “Великих ворот.” Этот новый, почти пригородный район был защищен собственной семимильной полукруглой стеной, в которую было пробито восемь ворот. Здесь было скоплено большинство деревянных и глиняных кирпичных домов, по оценкам, сотни тысяч семей, так много с садами, что стражник, смотрящий вниз из крепости Цитадели, мог бы вообще не увидеть зданий, только кирпичные минареты и лес деревьев. Через весь район тянулись мощные улицы, сходящиеся к большой рыночной площади Рас-аль-Так, которая соединяла район со старым городом Шарестан.

Пятьдесят лет спустя Руми будет смутно напоминать об этом преимущественно торговом районе во вступительном рассказе первой книги Маснави—рассказе о самаркандском золотых дел мастере, рассказанном не просто как духовная притча, но и с чувством текстуры его обстановки, чувством места, которое приходит от того, чтобы быть жителем, а не просто посетителем. История разворачивается вокруг хорошенькой рабыни, обожаемой гораздо более старым королем. Поскольку она остается такой бледной и невосприимчивой к его ухаживаниям, король посылает своего доверенного врача диагностировать проблему. Царственная физиономистка, ловко щупая пульс, задает наводящие вопросы, пока при упоминании о “сладком” Самарканде и о собственном похищении ее возлюбленного там не наступает оживление:

*Ее пульс бился нормально и ровно
Пока он не спросил о Самарканде, сладком, как сахар,
Ее пульс участился, лицо побелело и покраснело.
Ее похитили у одного самаркандца, ювелира.
Как врач раскрыл тайну ее болезни
Источник всей этой боли и страданий
Он спросил: “Где его улица и в какую сторону?”
“У моста, на улице Гатафар.”*

Квартал Гатафар с его маленьким мостиком располагался в рыночном районе близ Кишских ворот, вполне подходящем для золотых дел мастера. И двустишие предлагает редкость в стихах Руми - адрес.

Кастинг его главного героя как ремесленника подходил не только для окрестностей Гатафара, но и для всего Самарканда, где царем была торговля. Позднее Руми включил в него множество образов базаров, заваленных товарами, в основном

из Коньи—базар воспринимал его как символ соблазнов материальной жизни, чувственной, хотя в конце концов мимолетной. Однако в то время, когда его семья посещала Самарканд, огромная площадь Рас-аль-Так, расположенная всего в нескольких шагах от него, предлагала лавочникам и ремесленникам более щедрую экспозицию, чем все, что он когда-либо знал.

По всему городу, но особенно вблизи его главного базара, были установлены две тысячи станций для получения ледяной воды, охлажденной в изразцовых фонтанах, медных цистернах или глиняных кувшинах. Несмотря на некоторые из более строгих правил ислама, запрещающих представление, живые статуи животных когда-то были расположены вокруг площади как безумие, как записал один географ десятого века: “Удивительные фигуры вырезаны из кипарисов лошадей, быков, верблюдов и диких зверей; они стоят друг против друга, как бы изучая друг друга и накануне вступая в борьбу или сражение”. По вечерам в Рас-аль-Таке при свете масляных ламп все еще толпились рассказчики, заклинатели змей и игроки в нарды.

Самаркандские изделия несли в себе мистику. Ткацкие станки пряли красную и серебряную ткань, а также парчу и шелк-сырец. Медники ковали гигантские медные горшки. Ремесленники изготавливали стремена, сбрую и кубки. Крестьяне выращивали грецкие и лесные орехи. Всемирно известной была самаркандская шелковая бумага, первоначально произведенная в Китае. Сделанная вручную из коры тутовых деревьев, гладкая бумага, окрашенная во многие цвета, с использованием хны, розовой воды или шафрана, имела почти осязаемый блеск в листах, разбросанных по всем стихам Руми, когда он воскликнул: “Разложите бумагу и сломайте перо. Виночерпий прибыл!”

Когда Руми рос, на площади Рас-аль-Так еще пели оды Ру-

даки, любовно записанные на листах тонкой самаркандской бумаги. Этот новатор десятого века в “новоперсидской” поэзии, языке и стиле, на котором Руми писал все свои произведения, родился в маленькой деревушке близ Самарканда. Рудаки стал одним из первых, кто написал стихи на современном персидском языке, его алфавит был написан фонетическим арабским шрифтом, очень близким к современному фарси, а не древними пехлевийскими среднеперсидскими идеограммами. Он начал с стихосложения сказок из Калиле и Демне и продолжал сочинять во всех жанрах, используемых персидскими поэтами. Говорили, что Рудаки изобрел форму четверостишия робай, основанную на звоне, который он слышал, когда дети катали грецкие орехи по улицам Бухары-соседнего города-близнеца Самарканда, известного своей библиотекой, и близнеца Руми в его поэзии тоже:

*Сахар приходит из Самарканда, но его губы
Нашли сладость в Бухаре, поэтому он остался*

Слова Рудаки звучали в голове Руми всю его жизнь, как песни детства. Иногда он прямо заимствовал строки, взяв полстрочки из элегии Рудаки о смерти для своей собственной элегии поэта-мистика Санаи: “Смерть великого человека-дело немалое.” Самым известным стихотворением Рудаки была баллада, сочиненная для того, чтобы убедить царя вернуться домой к своему двору в Бухаре после летнего отдыха в Герате, соблазнившись большим разнообразием винограда для хорошего вина. Как рассказывали, по последнему удару лиры Рудаки король уже сел на коня, чтобы отправиться в обратный путь. “Теперь пробуждается аромат ручья Мулиян, - пел Рудаки, - память о дорогих друзьях”, - Руми адаптировал строку, придавая более романтический и духовный смысл ее тоске по

дому и товарищам.:

*Теперь шевелится запах сада и садовника
Теперь шевелится запах любимого друга*

Однако не все воспоминания Руми о Самарканде были наполнены мелодичными одами и оживленными рынками. Вскоре после прибытия его семьи, еще около 1212 года, он впервые столкнулся с пугающей осадой, не кем иным, как заклятым врагом его отца, Хоразмшахом, который чувствовал себя достаточно готовым и могущественным, чтобы вооружить эту самую привлекательную из столиц Центральной Азии. Используя в качестве оправдания якобы жестокое обращение со своей дочерью, одной из жен караханидского правителя, он собрал солдат у городских стен и провел агрессивную трехдневную осаду; Это было самое раннее записанное воспоминание Руми, и он вновь пережил события много лет спустя, в беседе со студентами, останавливаясь на бедственном положении женщины, которую он помнил, наблюдая, и интерпретируя сцену, ретроспективно, с большей, чем у мальчика зрелостью:

Мы были в Самарканде, и Хоразмшах окружил город со своими солдатами в рядах. В этом районе жила необыкновенно красивая дама, не имеющая себе равных во всем городе. Я все время слышал, как она говорила: "О Боже, как ты мог позволить мне попасть в руки тиранов? Я знаю, что ты никогда не допустишь такого, я верю тебе." Они разграбили город и взяли в плен всех, включая служанок госпожи, но с ней ничего не случилось. Хотя она была очень красива, никто даже не взглянул на нее. Поэтому вы должны знать, что тот, кто верит в Бога, будет в безопасности от всякого вреда.

Натиск был достаточно безжалостным, чтобы Хаваразмшах стал новым правителем Самарканда, и достаточно жестоким,

чтобы он продолжал жить в поэзии Руми своим оружием и насилием: “Слово-стрела, а язык-лук хоразмийцев.” Любая победа Хоразмшаха означала неудачу для Баха Валада. Тем не менее, не существует никаких записей о том, что семья бежала из Самарканда или даже покинула его вскоре после этого. Эта смена власти наверху была воспринята городом, хорошо привыкшим к подобным потрясениям. Жизнь продолжалась, и в некотором смысле город стал еще более блестящим, поскольку Хоразмшах увековечил свою победу, построив соборную мечеть и величественное здание дворца.

Впечатление, оставленное Самаркандом в поэзии Руми, безусловно, было теплым, нежным и ностальгическим—широко раскрытые глаза разделяли многие другие персидские поэты:

Соедините вместе разбитые кусочки вашего интеллекта с любовью, Чтобы вы могли стать такими же сладкими, как Самарканд и Дамаск

Он часто говорил о своей родине как о “Хоразме”, куда входил и Самарканд, ныне входящий в состав Хоразма, и не раз отмечал ее прекрасные люди:

Кто-то сказал: “В Хоразме никто не влюбляется: там так много красавиц, что как только ты увидишь одну и влюбишься, ты увидишь другую еще красивее и забудешь о первой.” Если вы не осмеливаетесь влюбиться в красоты Хоразма, лучше влюбитесь в сам Хоразм, в котором много внутренних красот.

Он ассоциировал и город, и свою родину с этой внутренней красотой, переживая даже поразительную красоту людей на его улицах и сохраняя качество сердечное и прочное.

Ко времени осады Самарканда шестилетний Руми был достаточно взрослым, чтобы посещать одну из мактабов, или начальных школ, при местных мечетях. Хотя нет достоверных

свидетельств о том, что Руми был зачислен в какой-либо из мактабов Самарканда, рассказы о нем как о ученике в ученой среде исходят от Шарафоддина Самарканди, выдающегося гражданина города, а также последователя Баха Валада. Шараф любил рассказывать о Руми, как девятилетний мальчик-через три года после осады Хоразмшаха-задавал каверзные вопросы местным ученым, но был слишком вежлив, чтобы противоречить старшим, когда те ошибались. “Он пошел на преувеличенные меры в отношении религиозных ученых,” сообщил Шараф. Жена Шарафа также была предана Баха Валаду и сначала обучила Руми юношеской версии самы—медитации, слушая поэзию и музыку,— хотя он только “размахивал руками.”

Независимо от того, были ли знания Руми о мактаб-школе из Самарканда, Балха или других мест, опыт этого раннего образования был почти стандартным во всем Хорезме, поскольку учебная программа контролировалась через сеть мечетей. Большинство предметов были связаны со знаниями, необходимыми для лучшего чтения Корана. Здесь Руми изучил бы технику правильного произнесения священной книги и изучил бы жизнь пророков и изречения халифов, имамов и сподвижников пророка Мухаммеда. Многие пословицы были переведены в стихи для легкого запоминания. Однако преподавались также язык, математика и естественные науки. Как и в случае с кораническими пословицами, уроки арабского языка были стилизованы в броские строки, соответствующие арабским терминам с персидскими определениями, включая лексику из астрономии или географии. Популярность таких школ мактаба помогла объяснить высокий уровень грамотности в средневековом исламском мире, который, как говорят, превзошел средневековую Европу.

Как любовь и религия, школа для Руми была размыта в мире, согласно его отцу. В «Маснави» Руми рисует натурали-

стическую сцену ссоры матери и отца из-за отправки сына в школу. Мать хочет, чтобы ее ребенок остался дома:

*Эта встревоженная мать жалуется своему мужу:
“Мой ребенок похудел от того, что ходит в школу.”*

Дисциплинированный отец заставляет его ходить в школу, его жесткая любовь отождествляется с интеллектом:

*Держись подальше от этой матери и ее забот
Отцовские пощечины лучше ее сладких пирожных.
Мать импульсивна, мать-благородный разум.
Сначала трудно, но в конце концов в сто раз легче.*

Еще живя в гареме со своей матерью, когда он начал занятия, и внимательный к миру женщин—о чем свидетельствовало его пристальное наблюдение за бедственным положением их соседки во время осады—Руми стремился в основном стать мужчиной, точно таким же, как его отец.

Черты Руми, как мальчика в школе, впервые среди других мальчиков включали в себя многие качества, которых следовало ожидать, хотя и с некоторыми сюрпризами. Он был природным учеником и сосредоточился на своих учителях, как и следовало ожидать от сына серьезного имама. Кроме того, он был предсказуемо не по годам развит. Мальчик, чьи товарищи по играм были убеждены, что он исчез, чтобы путешествовать по другим мирам с ангелами, выделялся в классной комнате. Еще более удивительным было предположение взрослого-Руми, что он был немного неохотным учеником, возможно, даже шутником, и предпочитал свои творческие сферы прилежным.

Когда он позже учил своих учеников, Руми иногда вызывал свои воспоминания мактаба для примеров образцовых учите-

лей. Отец Руми был дисциплинированным человеком и свято верил в строгое соблюдение протокола. И все же Руми с ранних лет тянуло к доброте как к самому эффективному средству обучения. Вторым] только к чтению Корана в начальной школе были уроки рукописного письма, тонкое умение с арабской скорописью, и он с нежностью вспоминал одного учителя чистописания, явно мягкого в своей педагогике:

Сначала, когда ребенок показывает учителю свой почерк, буквы все наклонные и неправильные. Но учитель терпеливо и умело говорит ребенку: “Все буквы хороши! Вы написали их очень хорошо.

Очень хорошо! Очень хорошо! Вы только неправильно написали это письмо.

Вы должны написать это так. И это письмо тоже неверно. Дело вот в чем.” Руми никогда не хвастался какими - либо исключительными признаками юношеской интеллектуальной силы, но все же он позволил себе нарисовать портрет мальчика в третьем лице, который вполне можно было бы понять как автопортрет, тактику, которую он несколько раз застенчиво использовал в «Маснави». В небольшом объезде, во время написания сцены, происходящей в школе, он размышлял о одаренных детях, аргументируя суннитскую философскую позицию, что все умы созданы разными, против утверждения некоторых философов, что все умы созданы равными и что различия возникают позже из-за образования, своего рода довода о воспитании над природой. Руми приводит в жизнь, как его пример, молодого вундеркинда, уже мудрого не по годам, выдержанного, с знающими манерами:

*Мнения молодого мальчика,
Не имеющего большого жизненного опыта,
Могут возникать из мыслей, что старик,
Полные лет, возможно, никогда не поймут.*

Виньетка Руми имеет знающий оттенок, и мальчик, которого он описывает, узнаваем в анекдоте, переданном от Шарфа ученику, опровергающему “умно-тонких” ученых.

В одной из самых смешных историй Маснави группа мальчиков в мактабе— едва ли кажущихся занимательными мыслями за пределами своих лет—строит планы, как избежать тяжелой работы, порученной требовательным учителем. Один хитрый ученик решает использовать силу внушения, чтобы убедить преподавателя в болезни во время основного мактаб-класса чтения стихов Корана, чтобы научиться отдавать каждой букве и гласной должное:

Самый умный мальчик в классе придумал, как сказать учителю:

“Ты такой бледный.

Надеюсь, вы здоровы, но вы потеряли весь цвет.

Интересно, это из-за погоды или из-за лихорадки?”

У учителя появились сомнения.

Тогда умный мальчик сказал другому: “Сделай то же самое.”

После того как все тридцать учеников выражают беспокойство, учитель спешит домой и остается лежать, дрожа. Ликование Руми в этой шутке явно исходило от того, что он был на стороне студентов и сделал правдоподобным еще более прямое признание в том, что его младший сам сопротивлялся классной работе:

Твоя любовь к материнскому молоку не продлилась долго

Твоя ненависть к школе не продлилась долго

Сердцем этого образования, однако, для Руми, как молодого, так и старого, был Коран, священный текст ислама, читаемый пророком Мухаммедом в Мекке.

Медина в седьмом веке, так как священные стихи заучивались и переписывались в основном рифмованно - арабской прозой. Коран был разделен на суры, или главы! в конце концов расставили по порядку от самого длинного к самому короткому. В то время как Руми мог быть комичным или даже бунтующим по поводу уроков мактаба, он никогда не иронизировал по поводу Корана. Все, что касалось темперамента и семьи этого чувствительного ребенка, вызывало восхищение читателя и слушателя. Если его уши горели, слушая рассказы о шакалах или львах в Калиле и Демне, то рассказы в Коране были повествовательной “шелухой”, которая включала моральные “зерна”. Позже он еще больше увлекся образцом Мухаммеда, обычного купца, избранного в качестве посланника слов Бога, записанных в Коране, чьи личные качества были почти стерты божественным вдохновением—“Окном, через которое мы видим Творца.”

Снова и снова юный Руми слушал истории пророков из Корана, которые послужат сырьем для его молитв, бесед и, конечно же, поэзии. Среди его фаворитов были: Авраам, переживший огненную смерть Нимрода и не сгоревший; Ной, чей беспокойный сын погиб во время потопа; Иосиф, такой красивый, что некоторые египетские женщины режут себе руки обезденными ножами, рассеянно глядя на него; Моисей, чей жезл превращается в змею и проглатывает волшебные палочки; Мария, рожающая под пальмой, которая осыпает ее спелыми финиками.; младенец Иисус, одаренный речью в своей колыбели и способный дать жизнь глиняным птицам своим дыханием; Давид, лепящий доспехи из железных звеньев цепи; царь Соломон, с его волшебным кольцом, как отец Руми во сне, понимающий язык птиц:

*Суждения пламени были послушны Аврааму
Волны несли Ноя на своих спинах,*

*Железо повиновалось Давиду и таяло, как воск
в то время как Ветры были рабами Соломона.*

Позже Руми представлял себе Коран как богатую ткань парчу сплетенную с двух сторон—Одни наслаждаются одной стороной, другие-другой. И то и другое верно.” И он видел эти две взаимодополняющие стороны как женщину, как мать и жену, удовлетворяющую различные потребности.;

Удовольствие ее ребенка исходит от ее груди и ее молока, удовольствие мужа-от наслаждения близостью с ней. Некоторые из них—дети на пути и пьют молоко—они наслаждаются внешним смыслом Корана-в отличие от тех, кто стал зрелым и понимает по-другому.

Маснави разворачивается с длинными отрезками зондирующих философских вопросов, поднятых Кораном, в проповедническом стиле и в разобранных двустихиях. Руми мог быть точным и законным в своих размышлениях о свободе воли или детерминизме. Но другие части стихотворения обнаруживают более непосредственный, детский отклик на Коран как на детскую книгу чудес. В одной из таких историй о Слепом человеке и Коране приезжий шейх смущен тем, что Священное Писание стоит на полке в доме слепого. По ночам он слышит, как тот читает стихи, и выбегает, чтобы поймать его на месте преступления и потребовать объяснений.:

*- Удивительно, своими слепыми глазами
Ты читаешь так, будто видишь строки
Вы прикоснулись к тому, что читаете,
Вы приложили палец к самому слову! ”*

Слепой объясняет, что, когда он ослеп, он молился, чтобы иметь возможность читать Коран, так как он не был хафезом,

который запомнил всю книгу. Бог даровал ему зрение для шлюзов времени, когда он читал стихи, а затем—как по волшебству—его глаза снова закрылись:

*- Этот несравненный король возвращает мне зрение,
Как фонарь, освещающий темную ночь! "*

В течение десятилетия между 1212 и 1221 годами, скорее всего 1216 годом, когда Руми было девять или десять лет, верблюжий караван семьи Баха Валада снова отправился в путь, на этот раз в направлении Мекки, места рождения Пророка Мухаммеда и священного города Ислама, необходимого места паломничества для каждого мусульманина в здравом уме по крайней мере один раз в жизни. Это было путешествие без определенного плана возвращения. Во всех отчетах место их высадки из Хорасана записано как Балх—вполне вероятно, учитывая историю семьи. Чтобы добраться из Самарканда в Балх, им просто нужно было вернуться назад вдоль реки Окс.

Естественным пунктом перехода на Балхскую сторону реки был город-крепость Термез, родной город наставника Руми Борхана, который решил остаться там.

В свои сорок с небольшим Борхан был лале Руми, наставником, на которого была возложена особая задача заботиться о его благополучии и духовном образовании, и поэтому он был теплой и важной фигурой в детстве Руми, превзойденной по влиянию только его отцом. Позже Борхана с любовью вспоминали за то, что он “всегда поднимал Ходавандгара на плечи и носил его повсюду.” Руми говорил об этом наставнике так же пылко, как и об отце: “Иди! Превратитесь в чистый свет, как Борхан-и Мохаккек!” И он отметил свою “способность хорошо аргументировать тонкие моменты из его чтения мастеров.”

Борхан стал одним из близких к Баха Валаду послушников, посвятивших себя изучению мистических практик на своего

рода продвинутом семинаре по молитвам, видениям и снам, которым не делились публично. Из всех этих практик Борхан особенно фанатично относился к посту как методу самодисциплины. Подражая Баха Валаду, он вел свой собственный духовный дневник, где писал о пользе воздержания, чтобы его тело стало “подобно стеклу, сквозь которое светит свет веры»: Руми быстро впитывал эти сигналы. К шести годам он, предположительно, был способен выдерживать голодание в течение трех или четырех дней. Так что эта внезапная, абсолютная разлука с его лале далась мальчику нелегко.

Другие разлуки, вызванные решением отца отправиться в путь, были не менее трудными. В Балхе остались, скорее всего, его бабушка “Мами”, семидесятилетняя, слишком взрослая для сурового и неопределенного путешествия; его старший сводный брат Хосейн, его сводная сестра Фатема, которая осталась с мужем; и, наряду с Борханом, другой фигурой, по которой Руми скучал больше всего, оглядываясь назад, его дорогая няня. Нособ. Когда он хотел подчеркнуть необходимость полагаться только на Бога, он вспомнил потерю этой заботливой пары из своей юной жизни:

*Близость к кому бы то ни было кроме Бога неистинна,
Где теперь любовь вашей няни и вашего учителя?
Только Бог является вашим истинным сторонником*

Его выдающийся друг семьи и еще один наставник в его молодой жизни, Шараф Самарканди, недавно умер—еще одна разлука. Поскольку Шараф был человеком состоятельным, его вдова использовала оставшиеся семейные средства, чтобы отправиться в паломничество вместе со своей дочерью Гоухар. И мать, и дочь будут становиться все более важными для семьи в течение этого путешествия. Позже Баха Валад сказал о вдове

“совершенной святой”: “Мой духовный уровень и ее духовный уровень одинаковы.” К тому времени, когда их путешествие подошло к концу, почти десять лет спустя, Гоухар стала первой женой Руми.

Будь то параноик или реалист, Баха Валад всегда беспокоился о рискованной политике региона. Пока они еще жили в Вахше, он боялся, что его посадят за политические убеждения в районе, далеко от его семьи и его последователей, где никто не сможет ему помочь. За время его пребывания в Самарканде могущество Хоразмшаха возросло, и его влияние распространилось повсюду. На восточных границах первые угрозы со стороны монголов ощущались уже в 1211 году, когда эта азиатская держава совершала пограничные стычки с Китаем. Таким образом, практические интересы Баха Валада хорошо сочетались с требованиями его религии совершить поездку в Мекку.

Баха Валад часто писал в своем дневнике о стремлении к поиску и движению: “Когда Бог берет твое тело и твою душу с Востока на Запад.” Он не был бы разочарован большим караваном, к которому они теперь присоединились. На первом этапе их путешествия, когда они шли вдоль границ Центральной Азии, другие длинные поезда двугорбых бактрийских или одnogорбых верблюдов и ослов пробирались через пустыни и равнины, окруженные заснеженными горами, останавливаясь в городах-оазисах, окруженных субтропическими пальмами. Оживленные рынки были переполнены торговцами, торговавшими дынями или лошадьми путешественникам с широких просторов известного мира—как писал Руми, когда достигал, чтобы выразить географические просторы, “от Рима до Хорасана.”

Еще мальчиком Руми впитывал ритм этих верблюдов, когда они прокладывали свои шаркающие линии в траве и песке, послушно следуя за своими погонщиками, которые управляли с помощью деревянных колышков, вставленных в носы вер-

блюдов, через которые были продеты веревочные петли. Позже он представлял себя именно таким верблюдом, управляемым вожжами, которые держит рука любви, “Пьяно тянущим свой груз, в экстазе.” И он выучил наизусть мелодии, пронизывавшие все вокруг во время путешествия, которые пели, чтобы скоротать время или ускорить темп. Сопровождаемые при каждом шаге звоном серебряных колокольчиков, прикрепленных к ушам верблюдов, погонщики спонтанно разражались традиционными песнями—часто любовными песнями,—прерываемыми только для призыва к молитве. Наиболее ярко в этих мелодиях звучала нэй, или тростниковая флейта, почти скорбный персидский инструмент, ставший для Руми образом его искусства и души.

На расстоянии дня пути друг от друга располагался караван-сарай, оборудованный колодцем и конюшнями для животных, молитвенной комнатой, небольшим базаром и галереей гостевых комнат вокруг центрального двора. В более холодных горах эти гостиницы были построены из камня, с крытыми дворами, чтобы защитить их от дождя и снега. На более теплых равнинах они были построены из утрамбованной земли по 1 кирпичу с открытыми дворами. Такие постоянные дворы всегда вызывали у Руми скорее мимолетность, чем комфорт, так как он прошел через многие из них, повзрослев. И все же тон его рассказа об этом юношеском времени путешествий был положительным. Он все больше отдалялся от любой мактаб-школы, где его учил отец или другие. И образы флейт и верблюдов, караванов и постоянных дворов, полумесяцев и пустынных песков, наряду с постоянными переменами, в конце концов будут сжаты в его великую тему непривязанности.;

Наши голоса, как колокола каравана

Или гром, когда облака полны

Путника, не оставляйте свое сердце в гостинице.

ГЛАВА 3

На Великом Шелковом пути

В начале своих путешествий семья Руми следовала по простым дорогам, которые прослеживали кратчайшее расстояние между двумя точками. Однако по мере того, как их пункты назначения становились все более отдаленными, они соединялись в сложную сеть торговых путей, соединявших Китай, Индию и Персию со Средиземным морем. Эта ухоженная система главных дорог, унаследованная арабами от более раннего персидского царства, расходилась из Багдада и служила как торговым, так и религиозным целям. Известный в более поздние века как “Шелковый путь”, этот маршрут на самом деле не был ни тем, ни другим: “шелк” был просто одним из перевозимых товаров, который включал в себя все, от специй и тонкого стекла до хлористого аммония для обработки седел; и “дорога” в отдаленных регионах разбивалась на безымянные тропы через пустыни или крутые горы.

Как и другие путешественники из Балха, семья Руми следовала южным маршрутом, который соединялся с самой оживленной из магистральных дорог, Великой Хорасанской дорогой, в Багдад и Мекку, проходя через Хорасан и продолжаясь на запад, с Великой пустыней на юге и горами Табаристан на севере. В конце концов они спустились бы с гор Персии, пересекли бы реку Тигр и вошли в Багдад через восточные ворота Хорасана. Из западного Багдада главная дорога паломников вела к Мекке и Медине, пересекая по прямой обширную Аравийскую пустыню.

Это путешествие, однако, было как внутренним, так и внешним, даже если Руми был еще таким маленьким мальчиком и большая часть его влияния не была полностью осознана в течение некоторого времени. Он видел много фантастических

достопримечательностей, путешествуя по великим исламским городам того времени, но еще более важно было соприкоснуться с важными ключами к его поэтическому, культурному и духовному происхождению, особенно в Нишапуре, Багдаде и Мекке. Нишапур был центром яркой сцены преданной поэзии и мистиков, торгующих скандалом как духовной практикой; Багдад, самая нервная система как исламской университетской жизни, так и суфизма с самого его зарождения, а также резиденция халифа, как папы, так и короля; в Мекку мусульмане всех возрастов приходили, чтобы раз в жизни задуматься об отношении своих душ к Богу, что с самого начала волновало Руми, как и его семью. Человек, которым стал Руми, был бы немыслим без кусочков его личности, которые он обнаружил в этом десятилетнем путешествии.

Их первой остановкой был Нишапур, недалеко от северо-восточной границы современного Ирана, куда они, вероятно, прибыли где-то в 1216 году, когда Руми было около десяти лет. Нишапур был четвертой из крупных столиц Хорасана, самой густонаселенной и самой западной по расположению, последним форпостом земли рождения Руми. Это была также долгожданная передышка в такой поездке, так как ответвления дорог из Балха были более извилистыми, менее ухоженными, чем более широкие дороги, ведущие в Багдад, и поэтому семья только что прошла через длинные участки пыльных пустошей, неприступное убежище для разбойников, с бесконечными равнинами, оживленными весной только пушком зеленой травы, усеянной красными маками, куполообразными глинобитными домами и палаточными лагерями пастухов-кочевников. Решимость и здоровье Баха Валада подверглись бы испытанию с таким каменистым началом, а относительный комфорт дома и школы мактаба резко контрастировали для меня, мальчика Руми.

В Нишапуре в 1216 году был географ и путешественник Якут, который посетил многие из тех же городов, что и Руми и его семья, и часто в том же году. Он описал столицу в фазе, которая была бы засвидетельствована семьей Баха Валада, как все еще страдающую в некоторых местах от великих землетрясений 1145 года, за которыми в 1153 году последовала осада турками-огузами, которые захватили и увели своего великого султана Санджара Сельджука. Как строитель империи, Санджар стал олицетворять могущественных мирских правителей в стихах Руми:

С тех пор как я вошел в твою тень, я-солнце в небе.

С тех пор как я стал рабом любви, я хан и султан Санджар

Как и во многих городах, которые он описывал в витиеватом стиле того времени, Якут все еще находил прекрасные чудеса, привлекающие его внимание, особенно восхваляя бирюзовые рудники и быструю реку Нишапур, питающую десятки мельниц тающим снегом с близлежащих гор.

Хотя Нишапур не был самым запоминающимся или значительным из мест, посещенных семьей Руми, город действительно предлагал свой стиль раскрепощенной, свободной духовности и столь же новую и блестящую поэтическую сцену—с обоими из которых Руми в конце концов обнаружил родство. Мистики Нишапури были достаточно самобытны, чтобы их можно было назвать “Школой Хорасана».”

Прикрывая свое истинное благочестие, чтобы не считаться святыми, эти наглые типы ходили по улицам босиком, казалось, пили вино, носили тонко вышитые шелка и вели себя как грешники или сумасшедшие. Увидев городское легкомыслие на площадях Самарканда в сумерках, которое, возможно, было экстремальным для мальчика из Вахша, Руми, вероятно, под-

вергся в Нишапуре воздействию этих дураков для Бога, ведя себя так же дико, но как духовная практика.

Поэты нишапури тоже торговали скандалами как самый знаменитый практикующий мастер. Аттару к тому времени было уже далеко за восемьдесят или даже за девяносто, его лучшие работы остались позади, особенно «Конференция птиц», изобретательный и ярко вообразимый рассказ о стае птиц, отправившихся на поиски божественного, фантастически оперенного Симурга, взгромоздившегося на самую высокую вершину горного хребта Альбурза в северном Иране. Такая работа была сделана на заказ для такого мальчишка, как Руми. Его нравственная история включала говорящих животных, таких как в его любимые Калиле и Демне, и Симург впервые появился во всем ее величии в Шахнаме. Руми ответил на его простой арабский метр, который он позже использовал в своем собственном Маснави. И в стихотворении отразилось многое из того, что было, богатый и пленительный чувственностью Нишапур в этот пиковый момент.

Во время пребывания семьи Баха Валад с сыном на привязе, как говорили, нашел дорогу к аптеке Аттара на переполненном базаре. («Аттар» - псевдоним аптекаря, или даже продавца духов, как в «аттаре роз») Такая встреча действительно была возможна, хотя Руми никогда не говорил публично о такой судьбоносной встрече с великим поэтом, возможно, его любимцем. Аттар, по-видимому, был в Нишапуре в течение года визита семьи; условленный разговор между приезжим религиозным лидером, путешествующим с земли востока, и сведущие в языке снов и видений, казались бы возможными. Однако в центре внимания должен был быть старший сановник, Баха Валад, а не его маленький сын.

Как эту историю льстиво рассказывали другие. Аттар, однако, был больше увлечен чувствительным сыном Баха Вала-

да. С великим предвидением поэт интуитивно угадал будущее стоящего перед ним ребенка и предсказал Баха Валаду: “Твой сын скоро зажжет огонь во всех любящих Бога мира”. В качестве подарка он вручил мальчику копию своего маснави в двести стихах, свою Книгу тайн. В этой абстрактной задумчивости, с мудрой темой. Аттар открывает, что тайны мира сокрыты у престола Божия, и открытие этих вечных истин доступно лишь тем, кто готов “потерять голову” и испить божественную розовую воду “смысла.” Получив благословение, отец и сын удалились.

Эта история сохранила репутацию Руми в последующие годы, потому что независимо от того, произошло ли это на самом деле на базаре в Нишапуре, это произошло в царстве “смысла”, важного для него и его последователей. Руми утверждал в Аттаре своего рода отца, отца-поэта, и стал поклоняться “уникальному Аттару”, всегда сравнивая себя уменьшительно или придумывая каламбуры, играя на “запахе Аттара” или на его маленькой парфюмерно - аптечной лавке:

*Все, что вы хотите, вы найдете в
Аттаре, это магазин мира, и нет другого*

Руми не только смотрел на Аттара как на поэта, но и принимал поэтическую линию, которую Аттар создал для себя. Как и многие поэты в защиту своего стиля. Аттар находил вдохновение и образец для подражания в прошлом, а противоположных поэтов отвергал за то, что они следовали за неудовлетворительной музой. Он выбрал в качестве своего отца поэта Саная, поэта предыдущего поколения из Газны, в современном Афганистане, первого придворного поэта, которому приписывают отказ от написания льстивых од для своего покровителя, чтобы он мог практиковать преданную поэзию. Сад истины

Санаи, в десяти главах, был первым духовным маснави, образцом для тех, кто придет, включая Руми, его плоские, преднамеренные рифмованные двустипхия, читаемые по всему Хорасану. (Наставник Руми Борхан любил приправлять свои беседы его пословицами: “Царская дорога, ведущая твою душу к Богу, есть не что иное, как очищение зеркала сердца.”)

Аттар, вслед за более поздним Санаи, хвастался тем, что никогда не писал панегирика по найму, и оба свободно смешивали свою духовность со скандалом, в стиле ярких мистиков Нишапура.

Самая известная поэма Санаи, “Плач сатаны”, пародированная однажды Руми, обращалась к хитрому представлению о сатане как истинном любителе Бога, невероятно ревнивом к Адаму. На Конференции Птиц стая Аттара обменивается рассказами о нетрадиционных страстях между, например, мусульманским шейхом и христианской леди или султаном Махмудом Газнским и его рабом-турком Аязом. Руми был уверен в своем глубоком литературном и духовном долге перед этими поэтами, и его сын султан Валад позже приписал своему отцу эту линию.:

*Аттар был душой и Шанхаем глазами сердца
Я следую по стопам Санаи и Аттара*

Руми сказал это, когда разъяснял своим ученикам свою «поэтическую и духовную линию».

Тот, кто глубоко читает слова Аттара, поймет тайны Санаи, и тот, кто читает слова Санаи с верой, лучше поймет мои собственные слова и будет извлекать из них пользу и наслаждаться ими.

Поэт предыдущего поколения, уволенный Аттаром, и! Руми, или, по крайней мере, его друг Шамс из Тебриза, был

Омар Хайям, похороненный у садовой стены в нескольких милях от Нишапура, где грушевые и персиковые деревья разбрасывали лепестки на его могиле. Прославленный при жизни как математик и астроном, Хайям также писал соблазнительные четырехстрочные четверостишия, совместимые с короткими, содержательными наблюдениями о жизни: “Будь то в Нишапуре или Вавилоне ... Листья жизни продолжают падать один за другим.” И все же бодрящий ветер сомнений и пессимизма—включая вопрос о том, существует ли загробная жизнь,—проносящийся сквозь этих робэ, тревожил мистический Аттар. В своей Книге о Божественном Аттар представил себе ясновидящего, стоящего у могилы Хайяма и видящего, как великий интеллект “купается в поту от стыда и смущения”, вынужденный признать свою ошибку. Никто никогда не рассказывал о том, как Баха Валад и Руми посетили могилу Омара Хайяма.

Нишапур был известен не только как “Ворота на Восток”—вход в Хорасан,—но и как “Ворота на Запад». Пройдя через эти ворота, поскольку две дороги расходились к западу от Нишапура, путешественники, такие как семья Руми, выбрали бы более северный караванный путь, а не южную почтовую дорогу. Этот маршрут вел мимо Рея, недалеко от современного Тегерана, и дальше в Багдад. По пути персидские мелодии постепенно уступили место арабским любовным песням, когда караваны оставили позади персидские города, где говорили на фарси, и направились к арабоязычным регионам Ближнего Востока и Аравийского полуострова. О жизни, потраченной на переключение между этими двумя языками, Руми писал:

*Говорите по-персидски, хотя арабский красивее,
Любовь говорит на сотне разных языков*

Когда они миновали окраины персидскоязычного Нишапура, семья Руми навсегда покинула Хорасан. Он больше никогда не видел “красот” своей родной родины.

Поскольку они совершали паломничество в Мекку, семья также путешествовала в центр мусульманского религиозного мира. Не менее важными, чем география земель для мусульман XIII века, были религиозные квадранты, расположение которых в пределах широты и долготы имело духовное значение. Все молитвенные коврики во время ритуальной молитвы были направлены в сторону Мекки, или киблы. На мусульманских кладбищах, обычно расположенных, как и в Багдаде, сразу за городскими воротами, умерших часто хоронили лицом к Мекке, резная стенная ниша во всех мечетях указывала на выравнивание со святым городом—эту киблу позже с романтической преданностью переосмыслил Руми как “киблу лица бога”.

Багдад был построен как главный вход, весь город примерно ориентирован в сторону киблы, так как был откалиброван на юго-запад в направлении святого города, ведущего к дороге паломников. Как и в случае с чередой столиц, ее география также определяла ее политическую судьбу. Бегство Мухаммеда из Мекки в деревушку Медина озаменовало его переход от одинокого пророка к политическому лидеру, начало арабской теократии. Первый чисто арабский халифат Омейядов правил из Дамата в Сирии, опираясь на Аравийскую пустыню, родину их лучших воинов и кочевников—халиф, что означает “заместитель” или «преемник», был правящим потомком пророка Мухаммеда. Следующий халифат Аббасидов построил Багдад—персидское название, означающее «Данный Богом»—на берегах Тигра, в восьмом веке близ старой персидской столицы Ктесифона, ближе к Центральной Азии и доступный неарабским мусульманам Хорасана.

Вероятно, прибыв в Багдад в январе или феврале 1217 года, семья Руми пропустила золотой век Аббасидских халифов в Багдаде. Его очарование было самым ярким во время правления Гаруна аль-Рашида в девятом веке, процветание его столицы богато передано в «Тысяче и одной ночи». Гарун устроил двор в персидском имперском стиле и поощрял интеллектуальные проекты— переписывались примитивные бедуинские песни, а греческие научные тексты переводились несторианскими монахами. Сады его дворца Золотые ворота были разбиты вокруг дерева из серебра с механическими поющими птицами, а за ними простирался космополитизм, который включал в себя три понтонных моста, привязанных железными цепями к обоим берегам Тигра, плюс тысячи паромных лодок; христианский район с церквями и монастырями; общественные парки для скачек и поло (персидский спорт); и парк диких зверей с индийскими павлинами.

В течение зимы 1217 года Багдад был менее последовательным местом городского планирования, и путешествие по городу для семьи Руми, вероятно, было затруднено большим наводнением. Халиф аль-Насир правил почти сорок лет, стремясь сохранить славу Багдада Гаруна, но без единой военной силы. Халиф оставался сдерживаемым Хоразмшахом на востоке и турками-сельджуками на западе. И все же он действовал эффективно, возделывая свои сады и перенося дворцы из круглого города Гаруна на восточные берега Тигра. Поэт Хакани, проезжая через Багдад, падал в обморок над райскими садами, сравнивая Тигр со слезами Девы Марии.

Средневековый Багдад был очень разнообразен и терпим, с некоторыми ограничениями. Некоторые халифы предписывали немусульманкам носить желтую или синюю одежду и красную обувь. Тем не менее христианские кварталы были одними из самых популярных в Багдаде, что отчасти объяснялось нео-

фициальной ролью монахов в качестве бутлегеров для воздержавшихся мусульман, поскольку они варили и разливали вино из своих монастырей. “В дождливый день какое удовольствие пить вино со священником»,” писал один летописец. Примерно во время визита Руми географ и писатель-путешественник Якут был весьма увлечен греческой несторианской церковью в квартале Дайр-аль-Рум, куда, по его словам, толпы мусульман приходили в праздничные дни, чтобы поглазеть на “молодых дьяконов и монахов с их красивыми лицами” и насладиться “танцами, выпивкой и развлечениями».”

Руми накопил личную географию, поэтическую версию Словаря стран Якута, где эти города, которые он посещал, были последовательно привязаны. Самарканд и Дамаск навсегда остались сладостью и светом, Бухара навсегда привязана к подозрительной “логике” греческих наук, выставленной в ее знаменитой библиотеке, где тексты, хранящиеся в сундуках, а не на полках, доставлялись по просьбе персонала. “Бухара-это кладезь знаний”, - писал он, добавляя предостережение против подобных знаний в других местах:

*Откажитесь от искусства и логики ради изумления,
Идите к смирению, а не к Бухаре*

Будучи центром халифата, Багдад оставался для него символом справедливости и власти:

*Ваш Багдад полон справедливости
Твой Самарканд полон сладости*

В одном рассказе о Багдаде в Маснави честолюбивая жена бедуинского кочевника убеждает своего мужа увеличить их состояние, подав прошение халифу и принеся ему в качестве

дани самое большое и редкое сокровище в пустыне-дождевую воду.:

*Жена бедуина не знала, что там течет
Тигр, сладкий, как сахар.
Течет через Багдад, как море,
Полно лодок, с сетями, полными рыбы ...
Все наши чувства и восприятия
подобны капле в этой чистой реке.*

Анекдот был о комических пределах человеческого понимания неизвестного, особенно божественно предопределенного неизвестного. Руми был впечатлен “горячим солнцем Ирака”, и Тигр и Евфрат с тех пор присоединились к могучему Оксу на карте его воображения:

*Евфрат, Тигр и Окс были бы горьки,
Как соленое море, если бы не текли*

Семья, вероятно, осталась в Багдаде на месяц. К тринадцатому веку город был полон ханеками, или суфийскими ложами, часто построенными рядом с кладбищами, подходящими для потусторонней тоски. Однако отец Руми, как говорили, предпочел поселиться в одном из медресе или колледжей. На западной стороне Багдада, конечной станции для караванов из Хорасана, располагалось по меньшей мере тридцать таких религиозных колледжей. Он никогда публично не отождествлял себя с суфийскими ложами, и обстановка колледжа считалась более подходящей для юриста и проповедника, путешествующего со своей семьей. В важный момент своей жизни эмиссар сельджукского султана Коньи якобы услышал в будний день проповедь Баха Валада в багдадской мечети и сообщил о своем

благоприятном впечатлении.

Если бы не пребывание в колледже Незамийе, Баха Валад, по крайней мере, посетил бы этот самый великолепный университет в исламском мире, основанный визирем Незам аль-Молком в 1065 году, более чем за столетие до Оксфорда или Сорбонны. Предоставляя бесплатное образование в шафиитской ветви шариата, этот институт с отделениями для исследований, известный как “Мать Медресе”, был расположен недалеко от пристани на берегу реки Тигр—рядом с большой рыночной улицей Восточного Багдада, которая вела извилистым путем вокруг стен дворцов халифов,—и был обеспечен государством щедрыми стипендиями для профессоров, а также для строительства и обслуживания территории. Вавилонские ивы давали тень, а поблизости торговали финиками и сухофруктами.

Даже случайная прогулка по Незамийе-колледжу давала представление о фактурах академической жизни, которые стали привычными для Руми в годы его юной зрелости. После студенческого бунта и пожара, случившихся несколько лет назад, колледж был перестроен и снова оживился. Длинные, открытые спереди одеяния ученых, спорящих друг с другом в портиках, часто были пыльными и потрепанными, в то время как более знаменитые юристы, на манер воображаемого соперника Баха Валада Рази, были элегантно одеты и надушены, их острые бороды были подстрижены, а большие тюрбаны туго намотаны. (В «Маснави» Руми тычет пальцем в одного из таких ученых, набивая его академический тюрбан тряпками, чтобы он казался больше.) Всеобщим языком студентов, суетящихся во дворах, был арабский, как латынь в Европе, язык франка для всех научных рассуждений и письменности.

Наиболее известен в Незамийе, почти двести лет назад, в одиннадцатом веке, известный ученый Мухаммед аль-Газа-

ли читал лекции в залах, которые были переполнены сотнями студентов, в течение четырех лет, а затем, по-видимому, перенес нервный срыв и покинул Багдад, чтобы скитаться по пустыням Хиджаза, недалеко от Мекки и Сирии. Преследуемый сомнениями в аристотелевской логике, он в конце концов вступил в суфийскую ложу, где написал свой широко влиятельный трактат о “внутренней” науке. Возрождение религиозных наук. При его жизни—и при жизни Руми—Возрождение религиозных наук было сродни бестселлеру.

Руми относился к аль-Газали с уважением, но его истинной страстью был более радикальный и неистовый поэт - брат аль-Газали, Ахмад, которому иногда приписывали драматический поворот старшего философа от логического анализа к его более терапевтической религии сердца. Ахмад всегда был очень заметным суфием в Багдаде, проповедуя мистическую любовь в афоризмах в своей известной книге «Саванех, или Вспышки», и довольно печально известен тем, что медитировал на вечное, глядя в лицо красивого мальчика, известного как шахед-бази, спорная практика в суфизме. Ахмад любил класть розу перед миловидным лицом и попеременно созерцать прелестную пару. Тем не менее Руми заметил, что интеллект Мухаммеда уменьшился по сравнению с горячей страстью Ахмада: “Если бы он обладал хотя бы одним атомом любви, как Ахмад, это было бы лучше.”

Если к тому времени, когда семья Руми посетила Багдад, он утратил часть своего халифского великолепия, то город по-прежнему оставался великой лабораторией развития суфизма, как это было на протяжении предыдущих четырех столетий. В то время как простые шерстяные одежды первых суфиев— их название, вероятно, происходит от суф, или шерсть, для этой почти однородной формы—ассоциировались с христианскими монахами пустыни, ярлык “Суфийя”, кореня-

щийся в арабском слове тасаввуф, от которого происходит английское слово “суфизм”, впервые был применен к преимущественно городскому движению в Багдаде восьмого века. Как предположил один современный исследователь суфизма: “Термин «суфий» имел определенный «авангардный» или «ультра-современный» резонанс как среди отреченных, так и среди других ... это «бедренное» качество облегчило его применение в новом движении.”

Начав с простых понятий чистой жизни и изгнания из роскоши цивилизации—следуя примеру Эбрахима ибн Адама, “Будды Балха”,—суфизм превратился в тонкую теологию, подчеркивающую более тесную связь с Богом и возможность внутреннего единения или воссоединения с божественным. Суфии отдавали предпочтение стихам Корана, которые подчеркивали близость и доступность, а не абсолютную трансцендентность Бога. Особенно любим был пятнадцатый стих Суры 50: “Мы действительно сотворили человека; и Мы знаем, что шепчет в нем его душа, и мы ближе к нему, чем яремная вена.”

Летописцем этих ранних суфиев, как и следовало ожидать, был Аттар. Не заинтересованный в написании еще одного Жития Поэтов, он переосмыслил жанр, как Санай лирическую поэзию, составив персидские Жития Святых—такие сборники популярных историй о святых фигурах издавна были популярны на арабском. Там он рассказал о Рабии, женщине-мистике из Басры, которая, как говорят, пробиралась по улицам с факелом в одной руке и кувшином воды в другой, чтобы сжечь Рай и погасить пламя Ада, чтобы никто не любил Бога только ради награды или наказания. Он описал Джонайда, продавца стекла, который продвигал “трезвую” школу Багдада, советуя говорить в коде, и его фольга Баязид Бестаами, который вдохновил “пьяную” школу суфизма, похожую на Школу Хорасана, филл музыки и экстаза. Эти истории были знаниями, которые

мальчик Руми либо уже знал, либо теперь открывал.

Кульминацией семидесяти двух жизнеописаний Аттара стал Мансур аль-Халладж, “пьяный” суфий, жестоко казненный в Багдаде в 922 году. Аттар обвинил в своей смерти свое знаменитое высказывание: “Я - Истина.” Поскольку Истина была одним из девяноста девяти имен Бога в исламе, это утверждение было признано еретическим. (Для его сторонников это утверждение означало полное уничтожение эго.) Сестра Халладжа также вызвала небольшой переполох, прогуливаясь по улицам Багдада без надлежащей вуали. Аттар рассказал ужасную историю о мученичестве Халлаха—милосердного святого привели на виселицу, где ему отрубили руки и ноги, а он улыбался и молился. Затем его тело сожгли, а пепел бросили в Тигр. Багдад Руми был городом власти, но иногда этой властью пользовались жестоко:

В мире Багдада я воскликнул: “Я - Истина!

В то время как этот мир был занят обсуждением

слов Халладжа

Путешествуя в Мекку в 1217 году, семья Руми должна была покинуть Багдад не позднее февраля. В тот год по мусульманскому лунному календарю последний месяц года, или Зуль-Хиджа, названный месяцем паломничества, или хаджа, в Мекку—место рождения Мухаммеда—начинался 11 марта. Официальные церемонии в Мекке проходили в первые две недели этого месяца; мусульмане могли совершать “маленькое” паломничество в священный город в любое время года, хотя и не выполняя заповеди участвовать в хадже хотя бы раз в жизни. Ханафиты, покидающие Багдад, такие как асБаха Валад, должны были сначала посетить могилу Абу Ханифы, основателя ханафитской школы. Его святилище было отмечено

белым куполом, где была устроена благотворительная станция для кормления бедных. Первым этапом их путешествия было стомильное путешествие, чтобы присоединиться к караванам паломников, отправляющимся из приземистого кирпичного города Куфа.

Караванам, покидавшим Куфу, потребовался почти месяц, чтобы прибыть в Мекку, путешествие длиной более тысячи миль через Аравийский полуостров, через большую часть современной Саудовской Аравии, которая включала запретные территории, обеспокоенные удушающей жарой, смертоносными ветрами и тучами черных мух. Пустынная дорога, протянувшаяся от Куфы до Мекки, давала воду только в колодцах или цистернах и иногда в подземных каналах. Караван-сарай, стоявший вдоль Хорасанской дороги, отсутствовал. Паломники оставались в караванах на ночь, без защиты стен, или продолжали путешествовать в темноте. Как позже вышла Руми;

Человек, путешествующий с караваном темной, пасмурной ночью, не знает, где он, как далеко он прошел и что он прошел. На рассвете он видит результаты путешествия, то есть он прибудет в какое-то место. Точно так же и тот, кто трудится во славу Божию, никогда не погибает; он закрывает оба глаза.

В то время как у Руми было много впечатлений от караванов, его более экстремальные воспоминания о страхах, с которыми он сталкивался во время путешествия, соответствовали рассказам о хадже в средневековые времена. Он говорил о путешественниках, атакованных в одном месте, «складывая несколько камней друг на друга в качестве маркера, как бы говоря:» Это опасное место», И его воспоминания о караванах в пустынной местности передавали угрозу для ребенка многих воображаемых угроз:

Допустим, темной ночью в караване кто-то есть. Он так боится, что постоянно воображает, будто на караван нападают

бандиты. Он хочет слышать и узнавать голоса своих попутчиков. Когда он слышит их голоса, он чувствует себя в безопасности.

Наибольшую угрозу представляли мародерствующие бедуинские племена, совершавшие набеги на караваны. Днем эти бедуины пытались продать голодным путникам мясо, молоко и сыр. Но даже при дневном свете путешествие было наполнено опасностью несчастных случаев и внезапных катастроф. Испанский географ Ибн Джубайр, путешествовавший в Мекку за тридцать лет до семьи Руми, был свидетелем придорожной остановки, где семеро паломников были затоптаны насмерть в спешке на цистерне с водой, используемой людьми и верблюдами. Руми сравнил эти мучения с духовными усилиями:

*Доказана слава Каабы и ее собирания
Когда паломники храбрые бедуины
путешествуют по широкой пустыне*

Оказавшись в священной зоне Мекки, основные ритуалы хаджа оставались неизменными на протяжении веков, хотя политический контроль над регионом сместился. (Один местный правитель в этот период жестоко обращался с паломниками из Багдада, чтобы показать свою власть в вражде с халифом.) В то время как большинство паломников были мужчинами, их семьи и одинокие женщины также принимали участие. Мужчины и мальчики носили одежду пилигрима— два полотнища белой ткани, перевязанные белым поясом, и сандалии. Женщины носили скромные платья и хиджабы. Основное событие заключалось в том, чтобы семь раз обойти Каабу против часовой стрелки, гранитный куб, который стоял в центре исламского мира, исчезающей точки киблы, так что, как писал Руми: “Когда вы находитесь внутри Каабы, вам не нужно смотреть в

любом направлении.” Особенно ценился Черный камень, вделанный Мухаммедом в стену Каабы. Другие ритуалы включали бег между холмами Аль-Сафа и Аль-Марва, питье из колодца Замзам, бдение на горе Арафат и символическое побивание камнями Дьявола.

В то время как смысл хаджа сводился к общинному богослужению в Большой мечети и последнему жертвоприношению животных в соседней деревне Мина, рынки процветали, даже если официально не поощрялись. Ибн Джубайр отмечал, что между вершинами холмов аль - Сафа и аль-Марва был устроен “рынок, полный фруктов”, так что благочестивые бегуны “с трудом могли освободиться от огромной толпы.” Он описал выдох после двух недель, когда Большая мечеть, святилище Каабы, “превратилась в большой рынок, на котором продавались товары от муки до агатов и от пшеницы до жемчуга.” Бедные йеменцы обменивали пшеницу, изюм или масло на “женские покрывала или прочные одеяла”, которые носили бедуины.

Руми однажды сказал своим ученикам, что истинным местом Каабы в исламе является исполнение записанного высказывания Мухаммеда о том, что “сплоченность-это милость, а изоляция-мучение.” Посещение Каабы было обязательным, чтобы люди из многих городов и стран мира могли собираться там. Однако чаще всего он переносил Мекку в духовный план, никогда не комментируя свой личный опыт хаджа. Он даже пожалел бедного пилигрима, заблудившегося в окружающей пустыне.:

*О ты кто отправился в хадж—
Где, о, где ты?
Вот, вот Возлюбленный!
Ну же, ну же, ну же!*

*Ты, затерянный в пустыне—
Что это за атмосфера любви?
Ты-дом, хозяин.,
Ты-Кааба, ты!*

Такие чувства отражали отношение, которое он разделял, и, возможно, даже учился у него. Аттар и суфии Багдада: в житиях святых> Аттар рассказал историю о том, как Рабию по дороге в Мекку встретила и приветствовала Кааба, вместо того чтобы отправиться в паломничество, чтобы отдать дань уважения святилищу. “Мне нужен Хозяин дома,” сказала она. - А что мне делать с домом?

В течение недели после завершения этих священных церемоний все караваны паломников снова отправились в Йемен, Сирию, Египет, Ирак и далее, поскольку Мекка и Медина вернулись в тихие и сонные города до следующего года. И Черный камень Каабы, ибо Руми в своей более поздней поэзии, подобно кибле, превратился в человеческое лицо.:

*Пилигрим целует Черный Камень Каабы,
Как будто он целует красные губы возлюбленной.*

Город, где они впервые высадились, Малатья, в юго-восточной Анатолии, недалеко от слияния рек Евфрат, был гарнизонным городом, пристроенным к крепости восьмого века, первому квадрату обороны в линии крепостей против византийцев, простиравшейся до Средиземного моря. Якут описал город как часть греческих территорий, когда он путешествовал, но турки-сельджуки, по-видимому, были главными, когда семья Баха Валада жила там недолго. Климат большого города колебался—между пустынной засушливостью и северными осадками,—как и его религиозные убеждения между христи-

анами и мусульманами.

В Малатье у мальчика Руми была вторая из его известных встреч с замечательными людьми. В то время в городе жил также арабский мистик испанского происхождения Ибн Араби, величайший и самый возвышенный мыслитель той эпохи, чьи рассуждения о слиянии Творца и Творения иногда обвиняли в пантеистическом, еретическом искажении теологии трансцендентного божества в исламе. Собирая фрагменты, оставленные в трудах аль - Газали столетием ранее, Ибн Араби создал синтез мистического мышления, интеллектуальный суфизм в сотнях томов, где он развивал размышления на такие трудные темы, как "наука букв" имени Бога, которая поглотила суфийских мыслителей по крайней мере с XI века. Хотя он преподавал в Дамаске, Сирия была достаточно военной зоной, чтобы он провел годы с 1216 по 1220 год в Малатье.

Как рассказывали, между недавно прибывшим Баха Валадом и величайшим из ныне живущих мастером суфийской теологии состоялся разговор. Он привел с собой сына, но когда они ушли, как и Аттар, именно мальчик привлек внимание великого мистика. Наблюдая, как юный Руми идет за отцом по улице, Ибн Араби заметил: "Океан следует за озером!" Опять же, Руми никогда не говорил о такой встрече. Однако, в отличие от предполагаемой встречи с Аттаром, Руми, будучи взрослым, испытывал более двойственные чувства к Ибн Араби, как ко всему высокоинтеллектуальному или заумному, и позже в жизни даже пошутил на счет Ибн Араби. Он вошел в зал, где его ученики обсуждали эзотерические мекканские Откровения Ибн Араби. Вдруг вошел Певец Заки и разразился радостной песней. Руми воскликнул: "Ну, теперь Откровения Заки еще прекраснее, чем Мекканские Откровения." И он начал кружиться. Он считал, что музыка, поэзия и танец важнее абстрактных идей.

Первым солидным покровителем Баха Валада в Анатолии был Бахрам - шах, принц Эрзинджана, и его жена, принцесса Эсмат. Их столица располагалась в верхнем конце долины Евфрата, где семья Руми вскоре предприняла еще одно путешествие длиной в двести миль в северо-восточную Анатолию. Эрзинджан был крупным и преимущественно армянским христианским городом. Такие города часто вызывали гнев приезжих мусульман, которые выражали возмущение всем этим вином, свининой и религиозными процессиями. Желая избежать этих чуждых обычаев, Баха Валад настоял на том, чтобы его собственная школа была основана поблизости, в более трезвом городе Акшар, и там он, по-видимому, был создан зимой 1218 года, в "Эсматийе", названном в честь его королевской покровительницы, преподавая общие классы, а не строгую программу ханафитского права с мягким оттенком суфийского мистицизма.

Этот младший шах Эрзинджана уже привык покровительствовать персидским деятелям культуры, таким как Баха Валад. Ранее он поддержал создание длинной дидактической поэмы. Сокровищница тайн, написанная в стиле Санаи, авторством Незами. Придворный поэт Азербайджана, Незами также написал самый известный романс в куплетах маснави, Лейли и Меджнун, классическую повесть о неразделенной любви Меджнуна, бедуинского юноши, имя которого означало "Сумасшедший», доведенный до безумия своей сильной преданностью нежной Лейли. Эта несчастная пара осталась в воображении Руми как его любимые вымышленные любовники, и позже он причислил страдающего Меджнуна к лику святых как квинтэссенцию суфийской "мученицы любви" к Богу:

Меджнун, прими Лэйли ночи

Ночь-это время божественного одиночества.

*Лейли-это ночь, а впереди день, Меджнун.
На рассвете мудрость осветит завитки ее волос.*

Прошло около года с тех пор, как Руми и его семья отправились в хадж в Мекку. В это время Баха Валад и все остальные жители Хорасана с тревогой смотрели и слушали, чтобы узнать последние новости о ситуации там. Никто нигде по-настоящему не обосновался. Однако сообщения путешественников становились все более ужасными, и любые будущие планы Баха Валадо в конечном итоге вернуться быстро разрушались, их пребывание в Анатолии выглядело более постоянным. Если семья Руми отправлялась на поиски в качестве паломников или даже эмигрантов, в течение следующих нескольких лет они оказывались перемещенными рефтигеями. Руми позже вызвал к жизни это чувство? возбужденный слухом о хаосе, вызванном этим величайшим из исторических потрясений:

*День и ночь я думаю о тебе.
Как ты себя чувствуешь в эти проклятые дни и ночи?
Как этот огонь упал в мир
В этой прокуренной татарской армии, как вы себя
чувствуете?*

К тому времени, когда Баха Валад окончательно обосновался в своей новой школе в Акшаре, Хорасанская область, где он оставил свою престарелую мать, а также старшего сына и дочь, проявляла серьезную активность, вызванную небольшим пограничным инцидентом. Руми позже рассказал эту историю с точностью, так как он хорошо знал местность и игроков. Мальчиком он видел азиатские лица торговцев китайским шелком и верблюжьей тканью, серебром и нефритом, и его отец рано определил ненадежный характер Хоразмшаха:

Некоторые из них, которые раньше приходили в качестве торговцев на территории Хоразмшаха, покупали муслин, чтобы одеться. Хорезмшах запретил им это и приказал убить торговцев. Он также обложил их налогами и запретил своим купцам путешествовать по их землям.

Татары смиренно шли перед своим царем, причитая: “Мы уничтожены.” Царь искал десять дней, чтобы обдумать это дело, и пошел в глубокую пещеру, где постился десять дней, и молился и молился. Бог воззвал: “Я услышал твою мольбу. Выходи и будь победителем, куда бы ты ни пошел.” Они вышли и по Божьему повелению победили и покорили мир.

Эта провокация, пересказанная Руми, произошла в 1217 году, когда Чингисхан, рассматривая Хорезм как выгодного торгового партнера, послал своих послов для переговоров о торговом соглашении и последовал за ними с караваном из 450 купцов, перевозивших предметы роскоши. Когда караван вошел в современный Казахстан, к северу от дома детства Руми, его правитель, родственник Хоразмшаха, захватил товары и убил купцов, как шпионов. Чингисхан послал послов с требованием возмездия. Вместо этого Хоразмшах обезглавил одного посланника и вернул остальных, оскорбительно выбрив бороды. Подтвердив рассказ Руми, современный персидский историк Джовайни сообщил, что Чингисхан поднялся на вершину горы, чтобы помолиться, и спустился вниз, “готовый к войне”;

Последовавшее за этим карательное вторжение продолжалось четыре года, пока Чингисхан в свои шестьдесят лет не вернулся домой в Монголию, оставив в руинах великие города, которые Руми знал еще мальчиком,—Бухару, Самарканд, Балх, Герат, Мерв и Нишапур. Когда Джовайни описывал авангард монгольских войск на Бухару—характерное проявление шума и ярости,—горожане “увидели, что окружающая местность за-

дышается от всадников, а воздух черен, как ночь, от пыли кавалерии, и страх и паника охватили их". Сам Чингисхан въехал в товру, которая для Руми "означает истинный источник знания», остановившись, чтобы спросить, не является ли мечеть, самое большое здание, дворцом султана. Он приказал имамам кормить его лошадей, используя библиотеки в качестве конюшен, а Коран - в качестве яслей для соломы. Один из выживших кратко сообщил: "Они пришли, они разграбили, они сожгли, они убили, они разграбили, и они ушли».

Из Бухары монгольские войска двинулись через плодородную Зарафшанскую долину, чтобы напасть на Самарканд - операция гораздо более жестокая, чем осада, свидетелем которой Руми был мальчиком всего восемь лет назад. Численность монголов увеличивалась форсированным маршем пленных, самые слабые падали от истощения. За стенами города эти пленники были переодеты солдатами, причем каждый десятый держал флаг, так что жители Самарканда представляли себе силы во много раз больше. Чингисхан вошел через северо-западные ворота, разделив тридцать тысяч искусных ремесленников между своими сыновьями и родственниками, а затем убив значительную часть населения. Блестящую новую соборную мечеть, построенную Хоразмшахом после его собственной осады, засыпали горшки с горящей смолой.

Затем кавалерия проследовала тем же маршрутом из Самарканда в Балх, по которому, вероятно, путешествовала семья Руми. В Термезе, где остался наставник Руми Борхан — не было пощады. Джовайни записал, что "все люди, как мужчины, так и женщины, были изгнаны на равнину и разделены пропорционально между солдатами в соответствии с их обычным обычаем; затем все они были убиты, и никто не был пощажён." В Балхе, где, возможно, все еще жили члены семьи Баха Валада, все укрепления и стены, а также особняки и дворцы были

уничтожены, и поля смерти Термеза были воспроизведены: “Дикие звери пировали их плотью, и львы общались без ссор с волками, и стервятники ели без ссор с одного стола с орлами.”

Нишапур пострадал от самого ошеломляющего обращения из всех городов в этом длительном упражнении в кровавой мести и тактическом построении империи. Стрела, выпущенная с крепостного вала города во время его обороны, убила Токучара, зятя Чингисхана. Завоеватель позволил своей овдовевшей и беременной дочери отомстить. В апреле 1221 года она объявила смерть всем, кроме четырехсот ремесленников, включая собак, кошек и всех живых животных, и приказала сложить черепа трупов в три пирамиды—для мужчин, женщин и детей. Несколько рассказов относили Атгара к числу этих умерших, по-видимому, подходящих для этого тонкого и меланхолического поэта, который называл себя “голосом боли.”

В течение трех лет, предшествовавших монгольскому нашествию, географ Якут счастливо жил в Мерве, где он изучал свои книги о путешествиях в его многочисленных библиотеках. “Если бы не монголы, я бы остался там, жил и умер там, - писал он, - и едва мог оторваться”. Вскоре после этого захватчики сожгли все его библиотеки и разрушили плотины и дамбы, так что оазис превратился в пустынное болото.

Затем Якут присоединился к бегству перемещенных персов по забитым дорогам, направлявшимся на запад, в Месопотамию, Сирию и Анатолию. Караваны теперь включали беглецов из Хорасана, пересекающихся с возвращающимися паломниками хаджа. В Багдаде жильё было в дефиците, а жильё трудно было арендовать, так как переселенцы пытались найти места для ночлега. В письме, написанном вскоре после его побега, Якут, в экспансивном, элегическом придворном стиле, оплакивал дворцы, которые он видел, “стертые с земли, как строки письма стираются с бумаги, и эти обитатели становятся обита-

лицем совы и ворона»; в тех местах крикливые совы отвечают друг другу криками, а в тех залах стонут ветры.”

Число погибших в то время было дико преувеличено, с предположениями о жертвах в сотни миллионов, намного превышающих население любого города в мире.

Центральная Азия. (Однако даже некоторые современные ученые подтвердили возможность 90-процентного истребления персидского населения в Хорасане, что представляет собой расовый геноцид.) Если процент жертв был сохранен для депортации в качестве квалифицированных рабов, Чингисхан был бескомпромиссен в своем систематическом разрушении городов, а также свинцовых трубопроводов и ирригационных систем, превращая фермы и сады обратно в пастбища для своих стад. Высказывая общий пессимизм в обществе, один современный историк высказал мнение, что монголы были “объявлением смертельного удара ислама и мусульман.”

Тем не менее, когда Чингисхан создавал свое жестокое милитаристское государство в Центральной Азии—абсолютную угрозу религии ислама—удивительно устойчивыми были мистические практики суфизма, уже установленные в западных провинциях и возрожденные этими хорасанскими иммигрантами, включая Баха Валада и его семью. Суфийские ложи стали желанными культурными форпостами утонченности, где шейхи, или духовные лидеры, предлагали послания надежды и трансцендентности, дружбы и любви, а также музыкальные концерты, поэзию и танцы, вызывающие восторг. Суфийские ордена, слабо похожие на западные религиозные ордена, начали размножаться и станут более формализованными в последующие десятилетия и столетия. Как резюмировала немецкий исследователь Ближнего Востока Аннемари Шиммель: “Этот период самой страшной политической катастрофы был в то же время периодом наивысшей религиозной и мистической

активности.”

Вся мощь монгольских походов будет сосредоточена в двух агрессивных фазах—первая, завоевание Центральной Азии, и вторая, захваченная внуками Чингисхана, отмеченная вторжениями на Ближний Восток и в Анатолию в 1250-х годах. Недавно сконфигурированная карта мира распространяла смежные территории, контролируемые монголами, от Кореи до Венгрии. С десяти лет и до самой смерти Руми справлялся с суматохой, вызванной этой бурлящей реальной политикой монголов. Однако, то ли игнорируя, то ли из-за боли и страданий, причиненных его семье и обществу, будучи взрослым, Руми твердо придерживался своей уверенности в “невидимой руке” в этих темных исторических событиях;

*Пока все бегут от татар
Мы служим Создателю татар*

На заключительном этапе своей жизни Баха Валад—теперь ему было почти семьдесят лет—нашел признание, даже признание, которое ускользало от него в прежние годы. Он вполне мог бы распознать божественное провидение в действии—и передать сыну это понимание трагических событий. Его выбор места в Малой Азии не был случайным, поскольку он переезжал как странствующий проповедник из города в город и от покровителя к покровителю, прокладывая свой путь все ближе к Конье, столице Сельджукского султаната Рум, управляемого султаном Алаоддином Кайкобадом I, который он, возможно, впервые посетил еще в 1221 году. И, конечно, время этой поздней миграции позволило его семье избежать возможной казни завоевателем мира, известным к тому времени просто как “лЕхе Проклятый». Он и его семья провели следующие семь лет в центре Анатолии, прежде чем, наконец,

прибыли в Конью, и Руми перешел от детства, проведенного в путешествиях, к молодости.

В течение четырех лет после прибытия в Эрзинджан, к 1222 году, Баха Валад, наконец, был на пути со своей семьей в более центральный город Ларанде, глубоко в пределах царства сельджукского султаната. Дочь шаха Эрзинджана была замужем за Кайкаусом I, сельджукским царем, и, возможно, расчистила путь для Баха Валада с членами царской семьи. Первоначально один из десятков кочевых тюркских кланов в Центральной Азии, сельджуки приближались к апогею двухвекового удержания власти в центральных исламских землях. В 1055 году Великие сельджуки захватили власть в качестве "защитника" Аббасидского халифата; в 1077 году сельджуки в Анатолии разбили византийцев в битве при Манцикерте близ Эрзинджана, почти к собственному удивлению, дав им власть над большей частью Малой Азии.

Прибыв сюда, когда ему было около пятнадцати лет, Руми действительно достиг совершеннолетия в Ларанде, или современном Карамане, в шестидесяти милях к юго-востоку от Коньи. Город на вершине холма был полон садов, фонтанов и сладких персиков, которые, как он позже сказал, могли заставить весь город улыбаться:

*Сегодня в Конье улыбаются сотни прекрасных лиц.
Сегодня из Ларанде прибывает сотня персиков*

Эта приятная ассоциация соответствовала опыту его семьи, особенно отца. Покровителем Баха Валада был местный губернатор, который построил ему целую школу на главной площади города. Ориентация Баха как суннитского ханафита с суфийскими наклонностями соответствовала более широкой повестке дня сельджуков, поскольку они были частью военной

силы, стоявшей за “суннитским возрождением” халифата Аббасидов, и первоначально были обращены в ислам трогательной проповедью суфиев. Эта формула работала особенно хорошо в попытке завоевать местных греческих христиан, а не жесткий законничество. (Ларанде также включал многих христианских турок, которые писали по-турецки, используя греческий алфавит.)

Большая часть юношеского образования Руми проходила в этих образованных условиях, устроенных для его отца в таких анатолийских городах. Несмотря на малолетнее сопротивление урокам начальной школы, он вырос заядлым учеником, любознательным и много изучающим, впитывающим всевозможные религиозные, научные и литературные тексты. Основы его классной работы должны были подготовить его к жизни проповедника, учителя и судьи. Он изучал арабскую грамматику и просодию; комментарии к Корану; рассказы о жизни и высказываниях пророка Мухаммеда; и шариат, или религиозное право. Он также изучал историю, философию, математику и любимую персидскую науку, астрономию, ее научные инструменты для точных измерений и наблюдения за звездами, повторяющиеся во многих его более поздних текстах;

*Небо-это астролябия, а истина-это любовь,
Когда я говорю, поверни ухо к моему смыслу.*

В 1224 году, когда Руми исполнилось семнадцать лет в Ларанде, он был женат на Гоухаре, и на этой церемонии были все признаки традиционного брака. Как дочь Шарафа Самаркандского, покойного покровителя и ученика Баха Валада, и его вдовы, матриарха, ныне известной как Великая Керра, Гоухар была близка с Руми с тех пор, как они оба изучали свои алфавиты. Она путешествовала со своей матерью в гареме каравана

весь путь из Самарканды и, как и Руми, выросла из ребенка в молодого взрослого за это богатое событиями десятилетие—редкие воспоминания, которые они разделяли. Почти сразу же у них родились два сына: Бахаоуддин Мохаммад, позже известный как султан Валасибом в 1226 году, и названный полным именем своего деда, Алаодин Мохаммад, названный в честь старшего брата Руми, который, возможно, умер во время движения толпы.

Руми очень внимательно следила за процессом родов и превращение жены в мать, его сочувствие ощутимо в Маснави, где он пишет о беременных женщинах, дрожащих при каждом спазме или жующих глиняные куски, чтобы облегчить их родовые муки:

*Во время родов каждая мать испытывает боль,
Когда ее ребенок пытается вырваться из тюрьмы.
Мать кричит: "Где мое убежище?"
Ребенок смеется: "Спасение здесь!"*

Он наглядно изобразил первые трудные фазы воспитания детей, когда придумал для своих учеников аналогию о преобразующем терпении Бога к духовной незрелости:-

Бог способен на все.... Когда ребенок только рождается, он хуже осла. Он опускает руку в свою грязь, а затем руку в рот, чтобы облизать. Мать шлепает его, чтобы предотвратить это. Когда он писает, раздвигает ноги, чтобы моча не капала на его ногу ... И все же Бог способен превратить ребенка в человека.

И он нежно пересказывал «моменты кормления грудью матери у детской кровати»:

*Если только младенец в колыбели не плачет и не плачет,
Как заботливая мать узнает, что нужно кормить
его молоком?*

С самого раннего детства два сына Руми были сплошным клубком конфликтов. Даже порядок их рождения никогда не был твердо установлен. Султана Валада прозвали шарком в честь его деда-знак отличия первенца, тем более что отцу Руми при рождении было около семидесяти пяти лет. Однако один современный биограф записал, что Аладдин был на год старше. Менее двусмысленным было бы место султана Валада как любимца своего отца, не только его ребенка, но и его ученика, почитающего своего отца, как Руми почитал и пытался подражать Баха Валаду. Таким образом, соперничество между братьями всегда бурлило между этими братьями—источник боли для их отца, который рисовал все игры мальчиков как боевые:

*Войны-это как права детей,
Бессмысленные, бездумные и мелкие,
Они целятся друг в друга деревянными мечами,
Но их цели и цели тщетны.*

В Ларанде Руми, теперь уже женатый молодой человек, вступил в должность проповедника, иногда занимая место своего отца на ступенях кафедры, где проповеди произносились в мечетях, или на почетном месте в колледже. В средневековом мусульманском мире проповедь была искусством и столпом нравственного учения, как развлечения, так и обучения. Речь отца Руми была пламенной, популярный тембр. Его внук султан Валад рассказывал, как однажды он задушил трех крепких погонщиков верблюдов по дороге в Багдад. - Они раскаялись и попросили прощения, - сказал он, сравнивая своего деда со львом. Такая сила сквозила в его проповедях. Он был пропитан проповеднической культурой Хорасана, где проповеди часто заканчивались пронзительными предупреждения-

ми о страшном суде в Последний день, когда плачущие слушатели, в стиле возрождения, выходили вперед, чтобы покаяться в грехах, обрив головы.

- Тон Руми был уже более мягким и сдержанным. Он не проповедовал огонь и серу, но придерживался основной модели. Его ранние проповеди были традиционными и довольно стандартными, открываясь благословением в арабской рифмованной прозе, в стиле Корана, восхваляя Бога, Его Посланника Мухаммеда и Абу Бакра, первого из четырех “Правильно управляемых” халифов, почитаемых мусульманами-суннитами. Затем он молился о заступничестве Бога на лирическом персидском языке, который был полон крещендо—этот язык понимался в Анатолии многими персидскими иммигрантами, а также обычно использовался в качестве универсального придворного языка для ведения дел и церемоний. В одной проповеди, произнесенной, очевидно, в Ларанде, он молился за своих отца и мать, а также за своего “наставника”, еще одну фигуру, явно причастную к его сложному религиозному образованию. Затем он повторил по—арабски слова Пророка—текст его проповеди, - после чего снова перешел на персидский.

В периодических вспышках позднего мистика и поэта Руми можно увидеть в некоторых из этих ранних проповедей—в противном случае они были произведениями молодого человека, пытающегося соответствовать паттерну своего отца. В одной из семи сохранившихся проповедей он заимствует метафору из длинной поэмы, приписываемой Аттару, «Книге верблюда», но достаточно распространенной в мистической литературе—турецкий кукольник выступает с семью завесами, а в конце ночи, подобно космическому творцу, ломает все свои куклы и хранит их части снова в темном ящике Единства. В своей вступительной молитве Руми делает очаровательную теологию из этого материала:

Волшебник небес, из-за занавеса воображения, вызывает игру мерцающих звезд и великолепных планет. Мы толпимся вокруг этого театрального зрелища, загнипнотизированные, провожая ночь. Утром придет смерть, и представление этих теневых игроков остынет, и ночь нашей жизни исчезнет. О Господи! Прежде чем наступит утро смерти, пусть наши сердца охладят к этой игре, чтобы мы могли вовремя убежать от этой толпы и не отстать от тех, кто путешествовал в ночи. Когда рассветет утро, пусть мы окажемся в пределах более широкой области Вашего принятия.

Около 1229 года Баха Валад наконец получил приглашение от султана Алаоддина Кайкобада I поехать в Конью, чтобы преподавать и жить со своей семьей в медресе Алтунпа, единственном ха - и драсе, действовавшем в то время в столице. Если Баха Валад надеялся осуществить свое желание проповедовать в одном из самых "славных городов", ему повезло. Султан собирал двор, не имеющий себе равных в анатолийской династии сельджуков, с манилом

Персидскоговорящие поэты, ремесленники, администраторы и ученые, даже если атмосфера включала в себя распитие вина и игру на арфе, которую Баха Валад ненавидел.

Другим повезло меньше. Вырванные с корнем ученые, поэты и религиозные лидеры, лишённые своих прежних университетских должностей или придворных синекур, ежедневно прибывали в Анатолию, и двор Кайкобада I, по слухам, был для них самым благоприятным убежищем, поскольку они пытались восстановить свои средства к существованию после тяжелой травмы. Одним из примеров внезапно оказавшегося в беде собрата-ученого был Наджмоддин Рази, ведущий суфийский мыслитель, на поколение моложе Баха Валада, который бежал от монголов в Кайсери в Восточной Анатолии и быстро отправил сельджукскому султану копии своих хорошо извест-

ных сочинений, не получив желаемого результата-королевского приглашения в Конью. И все же Баха Валаду, к счастью, удалось спасти и даже улучшить жизнь для себя и своей семьи. Перед отъездом семьи Валад в Конью мать Руми умерла и была похоронена в Ларанде. (Место захоронения Мумене, известное Мевлеви как “Мадар султан”, стало часто посещаемой святыней.) К тому времени, как Руми-теперь уже молодой отец и проповедник— покинул Ларанде, он не только пережил множество путешествий, но и видел, как разыгрывались этапы его жизни: смерть матери и старшего брата, женитьба на подруге детства и рождение двух сыновей, которые получили свои имена от старших поколений. Руми откроет в рождении и постоянных метаморфозах жизненного цикла свою любимую метафору внутренней жизни:

*Как младенец в утробе матери, я питаюсь кровью.
Все рождаются один раз. Я был рожден много раз.*

ГЛАВА 4

«Огонь упал в мир»

Как место сбора паломников со всего мусульманского мира, Мекка также служила центром новостей и информации, где Руми и его семья могли услышать последние сообщения очевидцев или дважды рассказанные слухи из разных уголков карты. В 1217 году среди путешественников из Средней Азии заговорили об угрозе со стороны монголов. Со времени отъезда семьи Руми из Хорасана напряженность между Чингисханом и Хорезмшахом только усилилась, и распространились слухи о нападении, которое происходило вдоль самых восточных границ, ближе к Вахшу и другим отдаленным регионам. Судьба тех, кто совершает хадж, оставалась неясной, и оставалось только решить, возвращаться ли им в находящиеся под угрозой исчезновения города, такие как Балх или Самарканд.

После Мекки семья Руми в следующий раз появилась в Дамаске, для чего потребовалось ехать из Мекки обратно в Багдад и соединиться возле Сирийских ворот с западной дорогой. Весь путь длился около двух месяцев. Не зная, неизбежна ли война, Баха Валад заставили бы уточнить свои решения относительно будущего. Учительская должность в Дамаске, одном из основных городов исламской интеллектуальной жизни, наряду с Каиром и Багдадом, была желательна, но несовершенный разговорный арабский Баха Валад мог быть препятствием, поскольку от публичных ораторов ожидалось безупречное красноречие. Сам Дамаск также был нестабильным. В то время как крестовые походы, инициированные Латинской католической церковью, были, по словам одного историка, «второстепенным мероприятием» по сравнению с разрушениями, которые собирались нанести татарские армии, Сирия все еще была омрачена этим конфликтом - правитель Дамаска в то

время был полон власти. Моаззам, отец которого участвовал в Пятом крестовом походе. я

Баха Валад снова переехал со своей семьей, на этот раз из Сирии в Анатолию - азиатскую или Малую Азию, часть современной Турции - вероятно, летом 1217 года. До этого переезда Руми было около десяти или одиннадцати лет. , были знакомы с различными религиозными группами, но всегда в районах, контролируемых мусульманами, и с явным мусульманским большинством. Анатолия была территорией, определяемой в воображении мусульман как внешние границы их цивилизации, окраины христианского Рима или Рума. (Термин «Руми» иногда использовался как синоним «христианина», эта тень означает, что все еще цепляется за имя, когда использовалось для Руми после его смерти.) С этого момента они будут жить в городах, где их численность значительно превосходила большинство. Грекоязычные или армянские христиане, а мусульмане в Анатолии составляют всего 10 процентов населения.

ГЛАВА 5

Конья

Толстые каменные стены, сто сорок сторожевых башен и двенадцать ворот поднимались над центральным плато Анатолии со всей силой и величиной крепостных стен Самарканда, Бухары, Балха или Нишапура, когда семья Руми пробиралась в город, где он проведет большую часть своей взрослой жизни. Разница между Коньей и этими классическими городами—к тому времени почти полностью разрушенными—заключалась в их относительной новизне. В 1229 году Конья все еще была шумным строительным проектом, а не памятником прошлого, сельджукской столицей, задуманной как живая копия этих бывших столиц Хорасана. Султан Алаоддин Кайкобад I попытался укрепить и придать легитимность своей необузданной власти, создав турко-персидскую ось и объединив персидскую литературу, религию, искусство и архитектуру, а также государственное управление и пышные зрелища, Баха Валад и его семья почувствовали бы некоторую близость и даже возвращение домой, когда они переехали в столицу, родство, которое отозвалось теплыми тонами в более поздней поэзии Руми.:

*Войди в мой дом возлюбленный—ненадолго!
Освежи мою душу, любимый—ненадолго! ...
Чтобы свет любви сиял от Коньи
До Самарканда и Бухары—ненадолго!*

Даже по своей планировке Конья больше походила на города Центральной Азии, чем на города Малой Азии. Дома были разбросаны между рынками и цветниками. Улицы и широкие переулки были усеяны терракотовыми оврагами с бегущей водой. Фонтаны были встроены в стены общественных зданий

в арочных ограждениях. Общественные бани располагались в центре, с секциями для мужчин и женщин, и пресная вода непрерывно лилась из носика в таз—вся вода бралась из резервуара под мраморным куполом у одних из городских ворот. Три мили городских стен были расположены в виде прямоугольника с закругленными углами, в то время как холм Цитадели стоял отдельно в центре города, в пятиугольной форме, со своей собственной стеной и башнями, образующими второе внутреннее кольцо защиты. Ни одна из этих общепринятых схем, ни их социальное значение не были утеряны для Руми, который позже очертил жесткую иерархию для своего сына с небесной точки зрения:

Бахаоддин, в этом городе Конья обратите внимание, сколько тысяч домов, вилл и особняков принадлежит командирам, знати и богатым. И обратите внимание, что дома господ и администраторов величественнее домов ремесленников, а особняки командиров величественнее домов господ. Точно так же арки и дворцы султанов и правителей в сто раз величественнее и великолепнее других. Но высота и великолепие небес по сравнению с этими особняками оказываются гораздо более высокими, могучими и великолепными, и даже во много раз более.

Обратившись к персидской мифологии, чтобы повысить свой статус в столице, султан Алаоддин Кайкобад I предоставил себе выдуманную родословную, отличную от его кочевых тюркских предков, начиная с его имени. Подобно своему брату Кайкаусу I и отцу Кайхосрову I, султан взял свое царское имя от великих вымышленных царей из основополагающего эпоса детства Руми в Хорасане, Шахнаме или Книге царей. Султан также высек на башнях двух главных входов в цитадель Конья скульптурные фигуры и цитаты из Шахнаме, написанные высокими золотыми буквами, и повсюду во дворцах были уста-

новлены статуи драконов, символ в эпической поэме турецкого воина, которого Фердоуси в «Шахнаме» «описывает как» опасного дракона, чье дыхание подобно огню.» Прославление султаном всего персидского в сочетании со статусом сельджуков как поздних пришельцев в ислам помогло создать идеальную среду для приема семьи Руми в Конье, а также позже решающую терпимость и защиту Руми со стороны потомков султана.

Кайкобад I был единственной важнейшей силой в повороте судьбы семьи Руми и в целом убедительно воплощал героический идеал своего славного вымышленного тезки. Его правление было ярким центром сравнительно короткой двухвековой дуги имперского сельджукского Рома. Придя к власти в 1219 году, пережив заточение своего старшего брата Кайкауса I, он был в основном мудрым правителем, очевидно харизматичным, хотя некоторые из его эмиров считали его чрезмерно высокомерным. Он был также способным администратором, приносившим в свою казну годовой доход в 3 300 000 золотых динаров от торговли с Европой и, по словам одного историка, «украшавшим Конью до неузнаваемости.» За пятнадцать лет своего правления его армии захватили всю Малую Азию от Черного моря до Средиземного, превратив Анатолию в морскую державу.

Покровитель архитектуры, набожный мусульманин и амбициозный правитель с талантом к театральному искусству, Кайкобад I выбрал в качестве своего наследственного проекта реконструкцию Большой мечети на холме Цитадели, примыкающей к королевским дворцам и выходящей на равнины. (Когда Конья была классическим римским городом Иконией, Павел из прибрежного Тарса проповедовал христианство на этом Акрополе.)

Построенная сирийским архитектором, мечеть сохранила

поэтажный план Большой мечети Дамаска, с плоской крышей. Главная молитвенная комната вмещала четыре тысячи молящихся, и атмосфера благоговения создавалась сорока двумя мраморными колоннами, похожими на каменный лес. Включая замысловатую кафедру из черного дерева, соборная мечеть использовалась для полуденных проповедей, и Руми много пятниц преклонял колени на ее шерстяных молитвенных ковриках:

*Я молился так много, что превратился в молитву
Тот, кто смотрит мне в лицо, не забывает молиться.*

Воображаемые существа, высеченные на стенах и воротах, окружающих эти церемониальные здания, включая дворец, который простирался от главных ворот до стены мечети, тоже просачивались в воображение Руми. Две пары крылатых ангелов охраняли входы в Цитадель, более двадцати львов и несколько двуглавых орлов были вырезаны в рельефе, а также слон в шапке, пронзенный рогом носорога;

*Если вы превращаетесь во льва,
Любовь превращается в охотника на львов,
Если вы превращаетесь в слона,
Любовь превращается в носорога*

Построенный также по приказу Кайкобада I в 1229 году—вероятно, в год прибытия семьи Руми в Конью—вад Султан Хан, караван-сарай путешественника, на дороге из Кайсери в Конью, в районе равнинных анатолийских лугов, прерываемых только горными массивами, очень похожими на степи Центральной Азии В первые десятилетия XIII века, главным строительным проектом сельджуков был ремонт старых рим-

ских каменных дорог, делающих их более безопасными для купцов, и размещение дома отдыха на расстоянии девяти часов пути на верблюдах или каждый день восемнадцать миль. Самые большие из этих постоянных дворов содержали мечети и четыре хлева, конюшни для верблюдов и лошадей, кухни и бани. Султан Хан даже держал оркестр музыкантов для развлечения. У внешних ворот вода обычно лилась из каменных животных фонтанов—декоративных, но для Руми тоже символических:

На всех дорогах они построили караван-сарай с каменными птицами и другими фигурами, расположенными по краям бассейнов. Вода течет у них изо рта и разливается по лужам. Любой разумный человек знает, что вода течет не из клювов каменных птиц, а из какого-то другого места.

Его аналогией была сила Бога, стоящая за “любими словами, голосами или языками, которые Он пожелает.”

Эти правительственные постоянные дворы и укрепленные дороги имели решающее значение в Анатолии в суровые зимы, когда тяжелые сугробы наводняли высокогорье на высоте пяти тысяч футов над уровнем моря, заставляя путешественников оставаться дома в течение нескольких дней, пока дороги не будут расчищены:

*Ночью восточники и западники и трансоксанцы
Оставайтесь вместе в одном караван-сарайе
Малое и великое остаются вместе целыми днями
На постоялом дворе из-за мороза и снега
Как только дорога будет открыта и препятствия убраны,
Они разделяются и расходятся в разные стороны.*

Самым подходящим временем для путешествия была весна—сезон, который семья Баха Валада выбрала бы в отсутствие

каких—либо неотложных проблем, - когда дороги, ведущие в Конью от Соленого озера на север, были выложены верблюдами, несущими соль, а также траву, солому или дерево. На других проходах в город поля хлопка и кукурузы уступали место садам желтых слив, или знаменитой Конья Камар ад-Дин, или Луне Веры абрикосов. По утрам после грозы раскрывалось все больше роз, заполнялось все больше зелени, и запах серебрястых ягод, висящих, как ивы, с желтыми цветами, пронизывал все вокруг. Весна - любимое время года в стихах Руми, его весенние виньетки часто ярко анатолийские:

*Розовый сад, и сладкий базилик, все оттенки пионов,
Фиолетовая клумба среди грязи, и ветер, и вода, и
огонь, о сердце!*

Сообщается, что Баха Валаду был оказан королевский прием в Конье. Его правнук, внук Руми Ареф Челеби, около девяти лет спустя поручил своему ученику Афлаки собрать воспоминания об этих временах у выживших и собрать их в часто романтизируемой истории под названием «Деяния мистиков». По словам Афлаки, султан Алаоддин Кайкобад I лично приветствовал Баха Валада и предложил ему поселиться, если он пожелает, в комнате во дворце, используемой для хранения сосудов или мытья рук, а также я для спальных помещений. В состоянии упадка здоровья Баха Валад, теперь уже старик из Хорасана, говорил о традиционных делениях общества, возможно, не совсем таких, как в все еще развивающемся сельджукском роме. "Религиозные учителя должны быть в школах, - сказал он. - Суфии в ложах, военачальники и князья во дворцах, купцы на постоянных дворах, ремесленники в гильдиях и иностранцы в гостевых домах."

Экстравагантные жесты, приписываемые султану, были

необычны для короля—такие, как поцелуй в колено Баха Валада,—но не совсем несвойственны. Султан Кайкобад I всегда старался выказать свое почтение, особенно к мистическим учителям с духовной родины Хорасана, считавшегося хранилищем древнеперсидской мудрости, а также известной тюркским племенам территорией. Поскольку Малая Азия была отделена от Аравийского материка, а ее население состояло в основном из греков и армян-христиан, исламу было позволено развиваться под руководством этих сельджуков в манере, более созвучной универсализму Ибн Араби. (Живя в Малайте, Ибн Араби служил советником и духовным отцом для старшего брата султана, Кайкауса I) Сельджукские султаны также верили, что молитвы о процветании от святых старцев, таких как Баха Валад, были особенно сильны.

В соответствии с чувством приличия Баха Валада, как и в Багдаде, ли и его семья поселились в школе, а не в суфийской ложе или дворцовой комнате. Медресе Алтунпа и мечеть были построены для султанского полководца Шамсодина Алтунбея в 1202 году в сдержанном и сдержанном стиле ранней сельджукской архитектуры и располагались недалеко от главной рыночной площади в более густонаселенном районе Коньи. Такие сельджукские школы, как правило, представляли собой прямоугольные двухэтажные здания с лекционными залами и кабинетами на первом этаже и студенческими спальнями с каминами и шкафами на втором этаже, расположенными вокруг центрального двора и фонтана, очень похожего на средневековый монастырь. Баха Валад заплатил слугам по тысяче динаров каждому из двух своих новых учеников, пекаря и мясника, описанных как “приятные и вежливые молодые люди”, чтобы они присматривали за кухней и едой.

Баха Валад быстро привлек к себе множество других учени-

ков, как мужчин, так и женщин. Его преклонный возраст—почти восемьдесят лет—считался желательным для религиозного учителя. В учебном пособии для студентов, написанном несколькими десятилетиями ранее, в Хорасане, один ханафитский юрист советовал выбирать в качестве учителя “наиболее образованных, наиболее благочестивых и наиболее продвинутых по годам.” Получив средства к существованию от султана, Баха Валад, как и в Акшаре и Ларанде, начал преподавать смесь права, этики и мистического ислама, привлекая студентов из разных социальных классов. Он делился своими знаниями не только с ткачихой и с кем-то, называвшим себя “простодушным” турком, но и с придворными.

Ранним учеником Баха Валада из числа правящей элиты был Амир Бадроддин Гаухарташ, также известный как комендант крепости, один из главных распорядителей дворца. Гаухарташ взял на себя ответственность за строительство нового медресе для Баха Валада и его семьи, который в конечном итоге стал известен при жизни Руми как Медресе Ходавандгар, и основал деревню Кара Арслан в качестве своего пожертвования—финансовой практики, обозначающей часть дохода деревни от сельского хозяйства в мадрасе. Находясь ближе к парадным главным воротам входа в Цитадель и дворец, этот мадрас располагался в том же районе, что и Мадрас Алтунпа, купеческий и ремесленный район земляных домов с красными черепичными крышами, расположенных среди кипарисов, кленов и толстых дубов, звук воды, текущей в его желобах, всегда был слабо слышен. Мадрас включал в себя соседний гарем для жены и тещи Руми, а также двух его маленьких сыновей, которые, как и он, жили в гареме до десяти или одиннадцати лет.

Решение Баха Валада жить рядом с рынками сделало его учение доступным для более широкого круга последователей,

поскольку Цитадель была гораздо более элитным и автономным закрытым городом-в-городе. Только около девятисот из ста тысяч жителей Коньи жили и работали в защищенной Цитадели. В основном это были администраторы, дворцовые слуги, переводчики, часто еврейские врачи и, как заметил Руми, военачальники, жившие в домах чуть севернее, которые были видны из двухэтажного императорского дворца, облицованного голубой черепицей, его балконы выходили на три стороны внешней стены. Весь комплекс включал в себя гарем, пекарню, сокровищницу, баню, конюшни, винный погреб, сады и—примерно в пятидесяти ярдах от Большой мечети—церковь часовня святого Амфилохия, которой пользовались многие христианские матери, жены и невестки султанов. (Одна из жен Кайкобада I, Махпари, была греческой христианкой; она была матерью его старшего сына и преемника Кайхосрова II.) Это почти случайное религиозное разнообразие—столь же безразличное, как и замысел среди этих правящих султанов—в конечном итоге помогло создать условия для того, чтобы Руми мог вдохновлять, учить и извлекать уроки из всех этих различных религиозных общин одновременно.

Баха Валад регулярно проповедовал в Большой мечети в комплексе Цитадели. Действительно, Гаухарташ впервые подошел к нему в мечети султана после проповеди, которая показалась ему могущественной. Однако Баха Валад в основном перемещался среди купцов и ремесленников, следуя заведенному порядку, похожему на его жизнь в Вахше. В стиле суфиев он любил бродить по Конскому кладбищу, вполголоса читая Коран. Однажды он приказал установить кафедру за пределами кладбища и проповедовал мужчинам и женщинам о Дне Воскресения, напоминая им о суровых ужасах страшного суда. Он продолжал выносить судебные решения, многие из которых были такими же строгими, как и прежде, особенно в отно-

шении употребления вина, а его сын Руми всегда был рядом с ним, все больше служа ему “языком” и “трьостью».”

Через два года здоровье Баха Валада пошатнулось. Теперь у него почти не было зубов, голос дрожал, и он принимал своих последователей, в том числе и султана, дома. “Подожди, пока я умру, и ты увидишь, каким станет мой сын Джалалоддин Мухаммед!” - сказал он о своем сыне, которому тогда было двадцать три года. “Он займет мое место и станет более возвышенным, чем я”. Однажды поздним утром, в феврале 1231 года, в возрасте около восьмидесяти лет, Баха Валад умер. Проведя свою семью за тысячи миль, избежав возможного вымирания и добившись признания за мудрое руководство, он умер патриархом и героем для своей общины. Кайкобад I пожертвовал землю в своих розариях, за воротами Конного базара, где был похоронен Баха Валад. Когда его внук султан Валад позже писал о широко посещаемых похоронах, он подчеркивал переход власти рядом с отцом: «После того, как траур был завершен, все люди, молодые и старые, собрались вокруг и посмотрели на его сына, говоря:» Ты похож на него в красоте. Отныне мы будем держаться за край твоего одеяния. Мы последуем за тобой, куда бы ты ни пошел. Отныне ты наш король.

Руми всегда был очень чувствительным и эмоциональным мальчиком. Так он и остался молодым и зрелым человеком, и ни одно событие в его жизни не потрясло и не бросило ему такого вызова, как смерть отца, которого он боготворил и которому подражал. Он возвращался, полный печали и нужды, к могиле Баха Валада, возле мраморного фонтана, когда хотел собраться с мыслями или решить проблемы. Столкнувшись с кризисом, он часто выходил через ворота Конного базара, чтобы посетить могилу своего отца. “Он ясно слышал правильный ответ в саду у могилы своего отца,” сказал один из горожан.

Руми также начал носить страницы писаний своего отца,

засунутые во внутренний карман рукава его длинного одеяния. Хотя Баха Валад был внешне строг и подчеркивал возмездие за грех, его личный дневник был заполнен интимными размышлениями о божественной любви, выраженными страстным языком, что позволило Руми снова услышать голос своего дорогого отца, наполняя его теплом и целеустремленностью и сообщая его идеи о любви и Боге: “Самое действенное и самое сильное творение Бога-это любовь”, - писал Баха Валад. “Ничто, сотворенное Богом, не так сильно и чудесно, как любовь. Без любви жизнь теряет свою истинную силу. Я постоянно вспоминаю Бога и всегда занят Им”.

После смерти отца Руми отправился в Ларанде, где была похоронена его мать и жили многие ученики его отца из его бывшей школы. Он явно чувствовал потребность воссоединиться с семьей и родиной. Однажды во время этого визита скорбящий сын получил потрясающее сообщение. Его наставник из Хорасана Борхан не только пережил монгольское опустошение в Термезе, но и прибыл в Конью и остановился в мечети Сенджари. Руми не видел своего наставника пятнадцать лет, с тех пор как Борхан носил его на плечах в детстве, поэтому он быстро вернулся домой. Борхан, которому уже перевалило за шестьдесят, ворвался в переднюю дверь мечети, и они снова обнялись.

*Божья печать на глазах и ушах разума
Превращает разумного человека в животное, даже
если он Платон*

Иногда он говорил о Платоне тоном, который она обычно приберегала для суфийского духовного учителя

*Что бы ни советовал Платон эпохи-делайте,
Откажитесь от своего своеволия и действуйте
согласно его совету*

Этот резонанс, возможно, помог теплому приему, оказанному хорасанийским мистикам в городе.

Однако не все его ученики сразу же приняли Борхана. Баха Валад держал судебный, ученый тон, в то время как Борхан был более откровенным (а не скрытым) мистическое и поэтическое. Руми часто приходилось вставать на его защиту. Некоторые из междоусобиц были достаточно жгучими, чтобы Руми все еще мог связать жаркие дебаты со своими собственными учениками, спустя десятилетия после смерти Борхана, особенно учитывая смешение поэзии с теологией:

Они сказали: “Сайед Борханоддин говорит очень хорошо, но он цитирует Саная поэзия слишком часто.” Это все равно что сказать, что солнце хорошее, но оно дает слишком много света. Разве это ошибка? Цитирование слов Саная проливает больше света на дискуссию. Солнечный свет бросает свет на вещи!

Однажды студент прервал Борхана, протестуя против чрезмерного использования аналогий, как легкомысленного инструмента для ученых. Как рассказывал Руми, Борхан не стеснялся защищать свои методы:

Сайед Борханоддин читал лекцию. Один дурак вмешался и сказал: “Нам нужны слова без аналогий.” Сайед ответил: “Пусть тот, кто ищет услышать

слова без аналогий, подойдите ближе. Ибо вы сами на самом деле аналогия. Я, Ты - не эта вещь. Ваше « я » - это только ваша тень. Когда кто-то умирает, люди говорят, что он ушел. Если он был этим существом, то куда он делся? Ясно, что ваша внешность-это только аналогия вашего истинного я, из кото-

рой можно вывести ваше истинное я».

Другие обожали Борхана так, как дервиш обожает своего шейха, ища руководства на пути, который считается опасным без указания зрелого учителя—пути, который Борхан представлял себе как обширное путешествие, подобное полету птиц Аттара. “Путь воссоединения не имеет конца, - сказал он им, - Бог есть цель и назначение.” Его самым восторженным последователем в этом духовном поиске был скромный, необразованный ювелир Салаходдин Заркуб—турок из одной из близлежащих рыбацких деревень на равнинах Коньи, который прибыл в столицу в 1230—х годах, чтобы открыть небольшую лавку на базаре ювелиров. Он горячо поддерживал акцент Борхана на посте и очищении и стал достаточно важным для Руми позже в жизни, чтобы он описал Салах как свой “корень духовной радости.”

Руми провел год или около того в растущем кругу Борхана, изучая все больше основ суфийской мысли. Он был очень восприимчив ко всему мистическому языку и концепциям Борхана. Борхан поделился с Руми своей страстью к Халладжу, также известному как Мансур. Ему нравилось заключать договор между “Я” злодея фараона в Коране, гордо отказывающегося подчиниться Божьей воле в освобождении еврейских рабов, с лишенным эго “Я” в “Я есмь Истина” Халладжа, которого якобы казнили в Багдаде. “Фараон, проклятие Господне на нем. сказал:” Я твой Господь», - проповедовал Борхан. - Его употребление слова « Т » навлекло на него Божье проклятие. Мансур сказал: «Я есмь Истина», и его употребление слова « Т » было милостью от Бога.» В своем Маснави, годы спустя, Руми аккуратно изложил эту мысль Борхана:

*“Я-Истина, я сиял из уст Мансура, как свет,
“Я-Господь», слетел с уст фараона, как угроза.*

Борхан в конце концов решил подготовить Руми к управлению школой, основанной его отцом, и стать религиозным юристом и наставником душ. Для достижения этой цели Борхан решил, что его юный подопечный отправится в самые уважаемые колледжи в Алеппо и Дамаске и будет учиться у выдающихся ученых по программе, сочетающей чтение законов и религии с игрой в бисер эзотерических знаний. Борхан возьмет на себя заботу о мадрасе, а их бабушка, Великая Керра, станет духовной матерью для мальчиков Руми, которым тогда было около шести лет. Она считалась еще одним получателем высших “секретов «Баха Валада»”

Однажды, сидя на почетном месте, Борхан выделил Руми и обратился прямо к нему, поручая ему его предстоящую миссию: “Боже Всемогущий, возвысь тебя в ранг твоего отца. Никто не имеет более высокого ранга, чем он, иначе я бы молился: «Боже, пусть он превзойдет его/ Сын Руми изобразил прощание еще более светлым, вспоминая, как Борхан экстравагантно и эмоционально благословлял Руми при его отъезде со славным предсказанием:” И подобно солнцу ты рассеешь свет по всему миру.”

ГЛАВА 6

Продолжал слышать свое собственное имя

Прибыв в Алеппо на севере Сирии, чтобы начать учебу примерно в возрасте двадцати пяти лет, и переехав в конце концов в Дамаск, Руми занял свое место в так называемом “классе тюрбанов” ученых и их избранных учеников. Это избирательное собрание религиозной элиты стало тем более оживленным и конкурентным, что Сирия в первые десятилетия XIII века широко считалась сердцем мусульманской культуры на арабском языке. Здесь он снова мог видеть ученое общество спорщиков с подстриженными бородами, развевающимися кисточками тюрбанов и зелеными академическими мантиями с широкими длинными рукавами, которые он впервые мог увидеть мальчиком во дворах колледжа Незамийе в Багдаде.

Тем не менее, образование во времена Руми было также интимным и личным, когда ученик брался за руки учителем или небольшим кругом учителей и подражал их адабу, или манерам и стилю, а также овладевал одной областью ученичества. Отправляя своего подопечного в Алеппо, Борхан доверял ему космополитический выбор не только в толковании религиозных законов, но и в поведении, интеллектуальных вкусах и моральном поведении. Со своим учеником Салахом он сопровождал Руми до Кайсери, на полпути между Коньей и Алеппо, где они ненадолго остановились у губернатора, который строил Борхану свой собственный медресе. Кайсери был вторым по значимости городом в Руме, так как султан Алауддин Кей - Гобад I построил свой богато украшенный дворец Гобадийе на берегу озера.

Будучи женатым студентом, с аскетической практикой, поощряемой Борханом, Руми жил ограниченной жизнью, в традиционной студенческой камере в самом известном из коллед-

жей Алеппо, Халавийе, который был преобразован в мечеть из византийского собора столетием ранее в качестве мести франкам за грабежи во время Первого крестового похода. Когда Руми был в Алеппо, около 1233 года, Халавийе пришел в упадок и почти не использовался в качестве учебного заведения. Такие школы были такими же общежитиями с благотворительными пожертвованиями для поддержки студентов-интернатов, как и академии, выдающие сертификаты. Ситуация менялась по мере того, как мечети превращались в школы, а затем снова менялись, и Руми мог свободно посещать лекции в медресе Шадбахта или кружки чтения в Большой мечети.

Как и Конья, Алеппо переживал редкую фазу мира и процветания. Предыдущий айюбидский султан аль-Захир, сын знаменитого полководца Саладина, основавшего династию Айюбидов как в Египте, так и в Сирии, укрепил овальную цитадель в центре города, добавил большой вход, отремонтировал систему каналов и построил дворец, превратив Алеппо в один из самых красивых городов на Ближнем Востоке. Его сын аль-Азиз, правивший в школьные годы Руми, извлекал выгоду из преимуществ торгового расположения города на караванных путях, связывающих Китай с Европой, принося доходы, уступающие только Египту. Базар с деревянной крышей был его торговым залом, предлагающим местные деликатесы, такие как фисташки и стеклянная посуда, которая мерцала в более поздних стихах Руми:

*Я раб безнадежного времени, до этого времени
Вино единства сияет в чаше алеппского стекла*

Подобно переплетающимся узорам на каменных и мраморных стенах и порталах, Алеппо представлял собой сложную сеть Востока и Запада, христиан и мусульман. Большая

часть его процветания была связана с хитроумными торговыми соглашениями с Венецией, которые позволили венецианским купцам основать колонию в Алеппо со своим торговым постом, банями и церковью. В 1219 году Франциск Ассизский встретился в Египте с айюбидским султаном и добился согласия для своих “Монахов Веревки” странствовать по Святой Земле. Во время пребывания Руми первые францисканские монахи начали прибывать в Алеппо, чтобы служить князьям-крестоносцам и солдатам, заключенным в Цитадели. Они неслись по улицам в своих грубых шерстяных одеяниях, очень похожих на одеяния суфиев, с подобными обетами бедности, и, возможно, запечатлели в Руми сходство между этими двумя проявлениями духовности.

Главным учителем Руми в Алеппо был Ибн аль-Адим, сообразительный и учтивый ученый, историк, юрист, дипломат и каллиграф лет сорока пяти, работавший в медресе Шадбахта. Пять членов его выдающейся ханафитской “старой семьи” — включая его отца — занимали влиятельный пост верховного судьи, или кади, в Алеппо с десятого века. Ибн аль-Адим был наиболее известен как историк Алеппо и как биограф его ведущих граждан в своем Биографическом словаре, массивном, сократомном «кто есть кто» из коротких вишнеток, написанных им таким прекрасным почерком, что султан однажды вызвал его во дворец, чтобы похвалить его красоту. Он также писал трактаты о приготовлении благовоний и о почерке (практика, перья и бумаги), так как арабские интеллектуалы его времени были отданы такому энциклопедическому “безграничному сборнику.” Он писал в основном о дипломатических миссиях султана, когда путешествовал в паланкине, привязанном между двумя мулами.

Ибн аль-Адим был мастером фундаментальных наук, что объясняло его быстрое восхождение в академических рядах,

и был готов обучить Руми большинству областей знаний, необходимых для продвинутого религиозного ученого: арабской лингвистике и грамматике; диалектическому разуму и правовым конфликтам; и наукам Корана. Он дал понять, что является попутчиком суфизма, хотя был слишком проницательным политиком, чтобы открыто заявлять о своих симпатиях. (В первые годы своего правления аль-Азиз казнил суфийского лидера Сохраварди за ересь.) Тем не менее, его отец попросил на смертном одре четки суфийского святого, и Ибн аль-Адим зарезервировал комнату в своей собственной гробнице для суфия, возможно, как ограждение от божественного суда. Он поддерживал, хотя и не всегда полностью практиковал, добродетели бедности, одиночества и уверенности в себе.

Хотя Руми никогда не впитывал в себя страсть своего учителя к истории, он был в восторге от того, что в Алеппо познакомился с замысловатыми радостями арабской поэзии. Ибн аль - Адим был мелким поэтом. Он писал умные строки на незначительные темы, например, замечал первые седые волоски в бороде. Тем не менее, он боготворил тех, кто обладал "врожденными поэтическими способностями", и защищал поэзию главного арабского поэта аль - Мутанабби, чьи стихи оставались пожизненным удовольствием для Руми. В XI веке аль-Мутанабби жил в квартале Алеппо, где располагался мраморный комплекс семьи Ибн аль-Адима. Любимцами Руми были «касиды» аль-Мутанабби, часто хвалебные оды в честь покровителя, известные своей технической виртуозностью, хотя, возможно, неожиданный выбор, учитывая их стандартное использование традиции хвастовства и восхваления вина, власти и боевой славы. Аль-Мутанабби с жаром писал о "игре мечей и копий" и "столкновении армий по моему приказу." Позже Руми разбросал в своих беседах строки аль - Мутанабби, и одно из самых известных открытий арабского поэта

—“Сердце, которое вино не может утешить” — вплетенное для Руми в воспоминания о школьных годах в Сирии, он переложил как заключительное слово для поэмы о духовном вине:

*Мы можем искать ответ в Мутанабби:
“Сердце, которое вино не может утешить”*

В Алеппо Руми также был представлен активной шиитской общине, особенно заметной во время праздников семьи Али, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда, наследники которого, как полагают шииты, являются законными носителями лидерства всех мусульман. Суннитские правители настороженно наблюдали за этими празднествами, в то время как учитель Руми, Ибн аль-Адим, член истеблишмента, был описан его биографом как “страж суннитского государства”. В День Ашуры, оплакивая смерть сына Али Хосейна в битве при Кербеле в 680 году, Руми был свидетелем того, как благочестивые шииты плакали и били себя у Антиохийских ворот, главных крепостных ворот на въезде в Алеппо. Тонко маскируясь под “поэта”, Руми записал это воспоминание в Маснави:

*В день Ашуры все жители Алеппо
Собираются от дня до ночи у Антиохийских ворот ...
Однажды пришел незнакомец, который был поэтом.
В этот день Ашура и услышал их причитания.. .
Он шел, мягко задавая по дороге вопросы:
“Что это за горе? Чью смерть они оплакивают? ”*

Хотя Руми, возможно, не был ранее осведомлен об этом ритуале, поскольку персы были в основном суннитами в течение его жизни, его наивность в передаче опыта была преувеличена, поскольку он притворялся, что обнаружил, что оплакиваемая

мученическая смерть произошла столетиями ранее:

*Неужели ты все это время спал?
Ты только сейчас рвешь свои одежды от горя?*

Руми, возможно, испытал некоторый шок в молодости, но, возвращаясь к этому событию, в зрелом возрасте он был более сосредоточен на том, чтобы подвергнуть сомнению печаль как ответ на смерть, а не радость:

*Оплакивай свою собственную разбитую веру и религию,
Если твоя вера не видит дальше этой старой земли.*

Второй этап продвинутого образования Руми проходил в Дамаске, куда он, вероятно, отправился примерно через год и ранее посещал свою семью во время их первоначального путешествия из Центральной Азии. В то время как Алеппо был известен как торговый и торговый город, Дамаск на юге Сирии, посреди пустынного оазиса, был одновременно торговым центром и священным городом, столицей бывшего халифата Омейядов и одним из важных отправных пунктов для хаджа, особенно для паломников, путешествующих с запада. Из-за религиозной истории и географии города, изучающих Коран, приветствовали и относились с уважением. Великолепная мечеть Омейядов, до сих пор хранящая в себе знаменитую голову Иоанна Крестителя, с прежних времен являвшуюся христианской базиликой, весь день гудела от групп студентов, слушающих, как их шейхи читают вслух. Поскольку дамаскинцев не поощряли читать книги молча или в одиночестве, ропот этих многочисленных учебных кружков был своего рода устной музыкой, наполнявшей дворы ежедневно с рассвета до заката.

Около четырех лет, в возрасте двадцати пяти лет, Руми учился в Дамаске в одной из ханафитских семинарий, вероятно, в медресе Мокаддамиие, недалеко от Баб - аль-Фирдавс, или Врат Рая, где он мог оставаться во внешнем здании, свободном от ночных правил, контролирующих входы и выходы, которые были навязаны младшим студентам во внутренних зданиях. Позже он вспоминал о своем изучении одного важного ханафитского текста: "В юности у меня был друг в Дамаске, который был моим товарищем в изучении Хедаи." Он также, по-видимому, посещал занятия известного ханафитского ученого из Бухары, который преподавал в медресе Нурийе. Все публичные занятия были очень формальными, по образцу поведения в мечети, с почти священным пространством, расчищенным вокруг лектора, так что его ковер и подушка оставались нетронутыми. В одном учебном пособии предписывалось соблюдать ученический этикет: "Не смотрите ни на что, кроме учителя, и не оборачивайтесь, чтобы исследовать какой-либо звук, особенно во время обсуждения. Не трясите рукавом. Ученик не должен раскрывать свою руку, не должен играть руками, ногами или какой-либо частью своего тела, не должен класть руку на бороду.... Он также не должен пытаться сказать что-либо смешное или оскорбительное; и он не должен смеяться, кроме как от удивления. Если что-то одолевает его, он должен улыбаться, не подавая голоса."

Хотя студенческая жизнь была суровой, Руми любил проводить время в Дамаске. Он часто называл Дамаск "Городом любви", каламбуя на слове любви "эшк", вложенном в его арабское название «Дамешк». Он даже написал свой единственный пример оды городу Дамаску, не только как дань уважения столице, но и арабской поэзии, где таких любовных стихов к городам предостаточно, особенно к Багдаду. Только Самарканд встречается в его сочинениях с таким живым и

пристальным наблюдением. Он буйно открывает свою городскую поэму:

*Я безумно влюблен и без ума от Дамаска
Дамаска, где я оставил свое сердце и душу*

Руми перечисляет самые выдающиеся из тринадцати ворот средневекового города:

Разлученный с друзьями, я стою один у Ворот Изгиба За Мечетью Влюбленных, в зеленых полях Дамаска ... Далеко от Врат Радости и Врат Рая, Вы никогда не узнаете, какие видения я ищу в Дамаске.

Его ссылки часто строятся на внутренних шутках, которые только другие посетители Дамаска в то время могли бы полностью понять. Айюбидский султан, во время своего пребывания в городе, любил играть в поло на Зеленом поле ипподрома, как сворачивающий мяч:

*Я хочется прокатиться по ее Зеленому полю,
Пораженному клюшками для поло, в сторону
главной площади*

Большой Коран, заказанный халифом Усманом ва в качестве реликвии в мечети:

*Позволь мне поклясться на священной книге
Усмариса Жемчужиной той возлюбленной,
сияющей в Дамаске.*

Мягкая граница между мусульманами и христианами была более очевидной, чем в Дамаске, даже в эти угасающие дни крестовых походов. Многие христиане и евреи жили в сто-

лись только для ушей Конави. Руми видел в лице Ибн Араби возвышенный и знающий подход к духовности как к элитарной науке, доступной только посвященным с разреженным опытом. Хотя подход Ибн Араби и соблазнил его, он никогда не был полностью предан делу.

Наряду с ослепительными словесными выступлениями и заумными исследованиями религиозной мысли, Руми был окружен в Дамаске научной культурой, которая ценила ранг и славу. Книги были сложены в соответствии с важностью, с Кораном на вершине любой стопки. Сидение на лекциях исходило от шейха в порядке убывания статуса, так как он стоял перед своим самым выдающимся гостем, оцениваемым по знаниям, возрасту, благочестию или славе. Из этих качеств наиболее весомым было прославление, создание имени, особенно имени за пределами Дамаска или, еще лучше, Сирии. Источники того времени отмечали, что один молодой ученый “сверкал своими заслугами, как яркая звезда, восходящая на горизонте”, а другой “его имя летело, чтобы заполнить регионы” — ценности, далекие от более позднего стремления Руми к безымянному забвению.

После почти пяти лет учебы в Алеппо и Дамаске, насытившись крутыми и трудными текстами и познакомившись с некоторыми из самых обновленных религиоведов того времени, Руми, около тридцати лет, вернулся к своему учителю учителей Борхану. Руми стремился интегрировать последний и самый важный недостающий элемент в свое образование, которое Борхан считал высшим достижением — продвинутые уроки духовной практики, предназначенные для раскрытия внутренних практик, еще более требовательных и необходимых для его будущих обязанностей, чем академические упражнения, освоенные в Сирии.

Их встреча, скорее всего, состоялась в Кайсери. Султанский

наместник построил к тому времени медресе, где базировался Борхан, хотя он по-прежнему регулярно совершал поездки в Конью длиной около двухсот миль. Когда Руми прибыл, правитель пригласил его остаться в своем дворце, но Борхан, передав слова Баха Валада, предупредил Руми, что школы-это подходящее место для проживания ученых. Название города отражало его великую прошлую историю как римской столицы, и Руми каламбурно назвал Кайсери, или Кесарию, в честь римского императора Цезаря Августа, когда намекал на Борхан:

*Когда наш Цезарь будет в Кайсери—
Не заставляй нас ждать в Эльбистане*

Главным объектом шуток Руми был Эльбистан, небольшой анатолийский город на пути в Сирию.

Но их воссоединение могло произойти где угодно, так как Борхан сейчас подчеркивал внутренний мир своего ученика. В традиции исторического суфийского движения Борхан обучал Руми упражнениям аскетизма, особенно посту. Борхан посвятил посту всю свою жизнь. В этот период он писал в своих записках об образцовом воздействии поста на душу: “Чем тоньше скорлупа грецкого ореха, тем крепче его орех, и то же самое относится к миндалю и фисташкам”. Такое самоотречение должно было привить воинскую дисциплину, а также отучить практикующего от обычных ценностей мира. Окончательный “пост элиты” означал стремление только к Богу.

Начиная с этого интенсивного сезона в Кайсери, Руми никогда не ослаблял своей позиции в отношении поста, привычки, которой он следовал со страстью, почти с трепетом, становясь таким же отождествленным с практикой, как Борхан. В книге V Маснави он воспевал вдохновенный гимн посту:

*Не ешьте солому и ячмень, как ослы:
Паситесь на цветах Иудиного дерева, как кабарга
в Хотане
Паситесь только на гвоздике, жасмине или розах.
В Хотане, с твоей любимой спутницей ...
Желудок тела тянет к соломенному сараю,
Духовный желудок тянет к полям сладкого базилика.*

Если весна-любимое время года в стихах Руми, то Рамадан, месяц поста от рассвета до заката, обязательный для способных мусульман, стал его заветным религиозным обрядом:

*Поздравляю! Наступил месяц поста!
Счастливого пути, мой товарищ по посту.
Я взобрался на крышу, чтобы увидеть луну,
Всем сердцем и душой я жаждал поста.
Когда я поднял глаза, шляпа у меня свалилась.
У меня голова пошла кругом от царя поста!*

Пост стал для Руми напоминанием о воспоминаниях Борхана, так как немногие анекдоты о перемещенном мистике Хорасана не смогли связать его с привычной практикой. Пост был также введением Руми в утешение “затягиванием пояса.” Он понимал, что все не так, как кажется, и что пустые желудки таят в себе “скрытую сладость».”

Как и ученые Дамаска, мистики и суфии имели свои собственные ранги и организованную лестницу мистических практик, которые указывали на статус в духовном мире. Более экстремальным, чем обычный пост, но необходимым было завершение сорокадневного испытания в закрытой изоляции от мира, известного как челле-от chehel, что по-персидски означает “сорок».” Этот период одиночества и существования на

хлебе и воде был своего рода поиском видения, задуманным как внутренний хадж или опыт пустыни, возможно, благодаря своим истокам сирийским монахам-отшельникам, таким как те, которых Руми встретил на пути в Дамаск. Борхан организовал отступление Руми, запечатав его в полном уединении, а затем помог ему с интерпретацией его прозрений.

Фрагмент воспоминаний, вероятно, из этого отступления, появляется в книге V Маснави. На этот раз, вместо того, чтобы быть “поэтом”, Руми называет себя “определенным человеком”, но его точная запись одного дезориентирующего кошмара была довольно личной, почти сюрреалистичной.:

*Во время челле некий человек
Ему приснилось, что он увидел беременную
собаку на дороге.*

*Вдруг он услышал крики ее щенков,
Хотя они были в утробе матери, невидимые...
Щенки воют в утробе, подумал он.
“Кто-нибудь когда-нибудь слышал о таком?”*

Толкование снов было проблематичной задачей-особенно для средневековых мусульман, религиозной проблемой. Изоляция только добавляла смятения Руми, мешая ему проснуться.:

*Когда он очнулся от сна и пришел в себя
Его изумление росло с каждой минутой.
Во время челле нет другого решения проблем.
За исключением присутствия перед Богом Всемогущим.*

Поэтому он начал молиться и услышал мудрый голос, истолковывающий его би-заррский сон.:

*В этот момент он услышал таинственный голос,
Говорящий: “Это символ вопля невежд.
Те, кто не пробил завесу и занавес.
Но со слепыми глазами говорят бесцельно”.*

Руми вышел из своего челла с личным опытом, услышав голос, который, как он чувствовал, был доступен ему для руководства. Он мог слышать мудрость не только в кругах чтения или от лекторов, но и в медитации, и он мог переписывать слова, как в диктовке. В попытке измерить разрыв между человеческим и божественным, такая встреча была откровением.

Наставив Руми в традиции мудрости, которой поделился с ним Баха Валад, и поощряя его еще более настойчиво изучать записные книжки отца, Борхан начал отказываться. В последние несколько лет Борхан иногда бывал в Конье, но постоянно возвращался в Кайсери, возможно, желая уйти, чтобы его подопечный мог в одиночку занять руководящую должность. В Кайсери Борхан проявлял острые признаки утраты силы, умственной сосредоточенности и почти атлетического мастерства в самодисциплине, которые отмечали его лучшие годы, хотя его поведение также воспринималось как свидетельство святости, выхода за пределы обычных ограничений религии. Когда он руководил молитвами в мечети, он проводил долгие промежутки времени — а не минуты — в поклонах или стоянии. Когда некоторые члены общины жаловались, он извинялся: “Какое-то безумие постоянно одолевает меня. Я не гожусь быть вашим молитвенным руководителем.” Эта мольба только сделала его еще более уважаемым и последовательным, так как теперь он был столь же смиренным, сколь и мудрым.

Самым поразительным было превращение сурового аскета в тучного джентльмена, когда он ослабил свой жесткий режим. Однажды Борхан услышал голос, приказывающий: “Не испы-

тывай больше никаких трудностей!” Теперь он повиновался этому голосу. Одна знатная дама, ставшая его ученицей, в шутку спросила, почему он перестал поститься и не практикует свои пять ежедневных молитв. - О дитя, я похож на верблюда, несущего груз, - ответил он, сравнивая себя с истощенным верблюдом, которого в конце пути кормят несколькими зернами ячменя. Когда его покровитель, губернатор, забеспокоился о его неопрятной внешности, он рявкнул: “Значит, я пришел в этот мир ради стирки? Оставь меня в покое!” Вместо подвигов голодания Борхан сосредоточился на своей любви к маринованной репе от несварения желудка. В старости он стал вести себя с некоторой беззаботностью и радостью юродивых для Бога Нишапура.

Борхан умер в Кайсери в 1240 или 1241 году, ему было около семидесяти. После обычного сорокадневного траура было отправлено письмо с уведомлением Руми в Конью. Спустя десять лет после смерти отца эта новость произвела на него такое же впечатление. Руми рухнул, осознав, что снова остался без отцовской поддержки. Он быстро двинулся с группой учеников по дороге, которую в те годы он достаточно регулярно преодолевал, чтобы впоследствии вспомнить все остановки на этом пути, иллюстрируя разницу между ритуалом и истинным духовным прогрессом:

Этапы на пути из Коньи в Кайсери фиксированы и определены. Это Каймаз, Упрух, Султан и так далее. Но этапы на море между Анталья и Александрией не фиксированы и не определены. Капитан корабля может знать их, но он не скажет их обитателям суши, потому что они не поймут.

Руми посетил могилу своего наставника и устроил в его честь погребальный бан-кет. Книги и заметки Борхана были разложены так, чтобы он мог выбрать все, что пожелает. Он лелеял эти слова и, перечитывая их, обнаружил связь, столь

важную для его роста за последнее десятилетие. Как и в писаниях своего отца, Борхан оставил Руми не только суровые аскетические правила, но и послания любви, которые были мягким ядром его дисциплины сдерживания импульсов: “Если ты уколешь ногу о колючку, ты оставишь все важные вещи в стороне и полностью сосредоточишься на них. Тогда ты должен сделать то же самое для своего брата.”

В свои тридцать с небольшим Руми, наконец-то, хотя и неизбежно, взошел на руководящую должность в своей общине. В Мадрасе Ходавандгар на него смотрели как на живое воплощение Баха Валада и Борхана. Он ходил по улицам Коньи в официальном одеянии ученого—религиоведа—в громоздком плаще с широкими рукавами и большим тюрбане, обмотанном одной распущенной лентой и свисавшем ему на спину. Хотя он никогда не служил в Конье в качестве верховного судьи или кади, он занимал академические должности в четырех отдельных колледжах, все они пользовались уважением, включая Мадрас продавцов хлопка, наделенный гильдией торговцев хлопком и расположенный на их улице в рыночном районе. Его имя фигурировало в списках наиболее выдающихся докторов права, принадлежавших к ханафитской школе.

Примерно в то же время, что и смерть Борхана, жена Руми, Гоухар, также таинственно умерла, без каких-либо записей о причине. Руми снова пережил потерю интимной связи со своим детством в Центральной Азии, а также, что самое важное, с матерью двух своих сыновей. Тем не менее мать Гаухара продолжала жить в гареме и проявляла особый интерес к своим внукам. Вскоре после этого Руми женился на вдове Керре из римско-турецкой семьи в Конье, чей покойный муж Мохаммед Шах был аристократическим персидским оратором из Ирана. Как и Руми, Керра родила им двоих детей—мальчика

Шамсоддина Яхью и девочку Кимию. В течение следующих нескольких лет у Руми и Керры родился собственный сын, Мозаффароддин Амир Алем Челеби—третий сын Руми— и дочь Малеке. С этими четырьмя маленькими детьми гарем стал еще более многолюдным и оживленным.

В отличие от своего отца, Руми никогда не имел нескольких жен, и вдовец и его овдовевшая невеста оставались вместе до конца его жизни. Керру помнили лучше, чем Гоухара, поскольку их брак не был заключен по договоренности, и она жила с Руми в период его растущей славы. Хотя он никогда не писал о Керре напрямую, она запомнилась тем, кто был в его ближайшем окружении, и позже стала источником некоторых из самых волшебных и фантастических историй о ее муже. Ее решение покинуть аристократический дом покойного мужа и выйти замуж за священника указывало на духовные наклонности, подчеркнутые в описании Афлаки как “вторая Дева Мария». Она, конечно, была суеверна и вечно видела джиннов или невидимых злых духов. В самом начале их брака Руми по ночам стоял у высокой лампы и читал отцовские страницы. Она сказала ему, что джинн жаловался ей на яркий свет. Руми улыбнулся и через три дня попытался ее успокоить. - После сегодняшнего не волнуйся. Джинны-мои ученики, и они преданы мне. Они не причинят никакого вреда нашим детям или друзьям.”

Ошеломленная улыбка Руми, обращенная к Керре при известии о джиннах, то ли покровительственная, то ли любящая, то ли и то и другое вместе, выражала некоторую загадочность его отношения к женщинам и браку, а также общую двойственность отношения к женщинам в средневековом обществе. Руми часто попадал в традиционную классификацию мужчин как сильных и рациональных, а женщин как непостоянных и эмоциональных. Однажды он даже нарисовал жен как

очищающее испытание для их грубых мужей:

Бог показал Пророку узкий и скрытый путь очищения самого себя, и это был путь женитьбы на женщинах, и терпения их тирании, и выслушивания их жалоб, и позволения им приказывать ему в изобилии ... Характер стал бы чище только через такое терпеливое терпение.

В других настроениях он мог быть более сочувственным, как в своей оде в Маснави к женщинам:

Женщина-это луч Божий, небесный и возлюбленный, Она-творец, нетварный, свыше Руми позже выступал против наложения покрывал на женщин и имел много учениц, чьи пятничные вечерние собрания в саду одной дамы он критиковал за то, что посещал.

Когда двое его старших сыновей достигли подросткового возраста, Руми отправил их обоих учиться в Дамаск, решение, которое огорчило их бабушку по материнской линии, Великую Керру, так как она будет сильно скучать по ним. Он, очевидно, был достаточно высокого мнения о Дамаске как о стандарте религиозного образования. Надзирал за ними в этой поездке их наставник и опекун Шарафоддин. Однако, поскольку обоим мальчикам было уже по пятнадцать, воинственность их детских конфликтов только усилилась. Когда они были моложе, сам Руми в основном был в Сирии, оставив свою первую жену Гоухар с проблемой их плохого поведения. Теперь цель их мятежа в Дамаске быстро стала их наставником, и Руми был расстроен необходимостью написать тлиему острое письмо, советуя им быть более уважительными к своим старшим:

Дорогой сын Бахаоддин и дорогой сын Алаоддин. Не забудь быть вежливым с этим отцом, отцом твоего образования и воспитания, Шарафоддин. Не будь грубым, осуждающим или оскорбительным и относись к нему как к отцу. Я в долгу перед этим дорогим отцом Шарафоддином. Я надеюсь, что мои до-

рогие дети будут терпеливы, добры и великодушны с ним, и говорить с ним очень по-доброму, и когда этот отец сердится, я хочу, чтобы мои дети занялись другими делами или легли спать. Я жду новостей и молюсь, чтобы мои дети стали добрее, и надеюсь, что очень скоро вы вернетесь домой и сделаете нас счастливыми.

Теперь Руми процветал в Конье, где он прославился силой и популярностью своей красноречивой проповеди. К тому времени, когда ему исполнилось семнадцать и он вернулся из Сирии, его сын Бахаоддин, позже известный как султан Валад, сидел рядом со своим отцом во время этих проповедей, точно так же, как Руми сидел рядом со своим отцом, Баха Валадом. Однако у Руми была такая моложавая внешность, что, когда они появлялись вместе на публике, их часто принимали за братьев. Руми удовлетворял своих покровителей, суннитских сельджукских правителей, поскольку его публичные речи демонстрировали достаточно эмоций и красоты, чтобы обратить греков и армян, желаемый результат для режима. Позже он еще мог вызвать пылкое волнение, которое его проповеди вызвали среди местных грекоязычных, которые не очень понимали их содержание:

Какое-то время я, как и все, обожал себя.

Слепой к другим, я продолжал слышать свое собственное имя.

ГЛАВА 7.

«Лик солнца-это Шамс Тебризский»

29 ноября 1244 года в Конье появился незнакомец. Лет шестидесяти, одетый в плащ из грубого черного войлока и простую дорожную шапку, он остановился в одной из гостиниц? управляется сахарными кондитерами или продавцами риса в районе рынка, недалеко от школы Руми. Его звали Шамсоддин, или Шамс Тебризский, и он был исключительным мистиком в период истории, переполненный крайними религиозными искателями, особенно активными после монгольских нашествий. За десятилетия беспокойных путешествий по всем религиозным столицам мусульманского мира он заслужил прозвище «Паранде», доктор «Летун».

Не обращая внимания на светский этикет, которому так строго следовал Баха Валад, Шамс обошел суфийские логи, где легко мог найти субсидированную комнату и питание. Вместо этого он предпочел остаться инкогнито в торговом трактире, переодевшись коммерческим бизнесменом и даже повесив гигантский замок на дверь, чтобы намекнуть, что он везет ценные товары, которые должны быть защищены, хотя внутри не было ничего, кроме соломенной циновки. В беседах с Руми, позже записанных студентами, в том числе султаном Валадом, Шамс вспоминал, как его спросили: «Разве ты не идешь в мадрас? и ответил: «Я не спорщик. Я здесь чужой. Гостиница - самое подходящее место для незнакомцев.»

Скорее всего, в первую неделю декабря Шамс и Руми неожиданно встретились. На пике своей известности как религиозный учитель и юрист Руми возвращался с одного из своих занятий в Мадрасе торговцев хлопком и проходил мимо гостиницы, где остановился Шамс. Он ехал верхом на муле, окруженный толпой студентов, шел пешком, держась за стре-

мена, создавая ауру знаменитости, похожую на свиту Рази в Герате во времена детства Руми, хотя и в меньшем масштабе. На месте были символы его ученого статуса, о котором он писал позже в самоуничижительном тоне:

*Мой тюрбан, моя мантия и моя голова
Стоят меньше одного пенни.*

Пробираясь сквозь толчею, плотно закутавшись в черный плащ, Шамс схватил поводья лошади Руми; Последовавший за этим разговор был поспешным теологическим обменом. Как позже вспоминал Шамс:

Первые слова, которые я сказал Мауляне, были: “Почему Баязид не последовал примеру Пророка и не сказал: «Слава Тебе!» или « Мы не поклонялись Тебе полностью? Маулана прекрасно понимала все последствия этой проблемы, и откуда она взялась, и куда она вела. Это приводило его в экстаз, потому что его дух был таким чистым и чистым и сиял на его лице. Я поняла сладость своего вопроса только по его экстазу. До этого я не подозревал о его сладости.

Вопрос, который поднимал Шамс, касался Баязида Беста-ми, восточноиранского суфийского мистика “пьяной” школы, который воскликнул: “Слава Мне! Как велико Мое Величество!” Как у Халлая: “я-истина!” Неортодоксальный хвалебный гимн Баязида, по-видимому, самому себе, можно было истолковать как свидетельство того, что мистик, потерявший всякое чувство собственного « я » Для обычных ушей, рисковал богохульством, сливая свою человеческую идентичность с божественной. Шамс спрашивал Руми, как такое высокое состояние восторга можно сравнить с пророком Мухаммедом, который говорил о вознесении на самые высокие небеса, и все же, более смиренно, молился: “Мы не знали Тебя так, как Ты

должен был знать по праву.”

“Баязид был больше или Магомет?” настаивал Шамс.

“Жажда Баязида была утолена одним глотком, и он был удовлетворен и заявил, что больше не хочет пить”; - ответил Руми. “Кувшин с водой его понимания был наполнен одним глотком. Его дом получал свет, который соответствовал размеру его единственного окна. Но поиски Мохаммеда воды были огромны и состояли из жажды за жаждой.”

Некоторые сообщали, что Шамс “упал в обморок” при ответе Руми, хотя это было довольно стандартным в мусульманском катехизисе: Мухаммед был величайшим из всех людей. Тем не менее Шамс и Руми смотрели друг на друга, и этот обмен был гораздо более разрушительным. Повторяющейся темой в литературе романтической любви и суфийской мистической любви был этот глубокий взгляд. Не только Лейли и Меджнун обменялись влюбленными взглядами, но и суфийские мастера и их истинные ученики смотрели друг на друга. Описывая эту необыкновенную встречу, султан Валад использовал весь богатый язык и образы экстатической любви, чтобы описать первый взгляд своего отца на Шамса. Руми “увидела, как с его лица сдернули вуаль”, и “влюбилась в него.”

Описывая их встречу несколько месяцев спустя, в кругу заинтересованных студентов. Шамс не стал излагать разбор Руми его наводящего вопроса. Скорее, он просто помнил, как отвечал мне своим чистым духом, сияющим лицом, радостью от того, что нашел родственную душу, и нежным тенором. Сквозной строкой в поэзии Руми также-я следую из этой вспышки встречи—была уверенность в том, что узнавание происходит за пределами речи, языка и мысли:

*Для влюбленных красота возлюбленного-их учитель,
Его лицо-их учебная программа, урок и книга*

То ли в обмороке, то ли в сознании, Шамса сразу же после этого Руми отвел к Мадрасу Ходавандгару. В уединении эти двое говорили более открыто, и их интимная дискуссия была достаточно убедительной, чтобы Руми решил, что он хочет продолжить ее нить еще дальше. Он также понимал, что такое исследование было бы невозможно в растущей школе, которая была одновременно его домом и оживленным гаремом для его жены, детей и большой семьи. Поэтому он решил в тот же день сбежать. Как Афлаки описал следующее из поразительных событий: “После этого Маулана схватил его за руку, и они ушли.”

Руми повел Шамса обратно в рыночный район, на улицу золотых дел мастеров, в лавку Салаха, который был таким преданным последователем своего учителя Борхана. После смерти Борхана, четыре года назад, Салах вернулся в свою рыбацкую деревню, женился, родил нескольких детей, а затем вернулся в столицу, чтобы основать свой постоянный дом и магазин. Несмотря на то, что он был неграмотным рабочим, у него был энтузиазм, которому Руми доверял, как и Борхан. В последние несколько лет всякий раз, когда Руми произносил одну из своих знаменитых публичных проповедей, Салах, как говорили, выкрикивал пылкие возгласы согласия. Интуиция Руми оказалась верной, когда Салах тепло откликнулся на необычного новичка из Тебриза.

Руми и Шамс жили вместе почти в уединении в комнате дома Салаха, по крайней мере, в течение следующих трех месяцев. Быстрота их соединения была шокирующей, но не без предзнаменования, поскольку ярость, с которой Руми вырвался из своего ежедневного круга, а также его будущее потрошение его прежнего образа жизни, все указывает на то, что он был готов к серьезным переменам. Позже он утверждал, что у него было какое-то предчувствие о такой фигуре, как Шамс. Поскольку шамс-это арабское слово, обозначающее солнце,

Руми использовал образы солнца, чтобы выразить свои чувства к этому человеку. Его стихи будут пропитаны этим солнечным светом, как он показал:

Я уже хранил сладкий образ тебя в своем сердце, Когда на рассвете я впервые по-настоящему почувствовал солнце.

В то время как у Руми, возможно, были некоторые подозрения, Шамс утверждал, что эти двое действительно встречались однажды. Место - Дамаск, время-шестнадцать лет назад. Позже Шамс говорил в своих беседах о том, как вспоминал Руми, будучи студентом, своего рода вундеркиндом, публично говорившим о единстве душ: "Я помню Мауляну шестнадцать лет назад. Он говорил, что существа подобны гроздьям винограда. Если вы выжмете их в миску, никакой разницы не останется." Он приветствовал его "Салам" на площади. Руми не обращал на это особого внимания, но Шамс, старше и мудрее, быстро уловил проблеск истинного потенциала Руми: "С первого дня, когда я увидел твою красоту, привлекательность и доброта по отношению к тебе наполнили мое сердце." Дружба между Руми и Шамсом была напряженной с самого начала, и часто ее трудно было определить. Шамс не соответствовал образцу традиционного шейха, так как он никогда не получал плаща от суфийского мастера, стандартной церемонии посвящения, и поэтому не был частью установленной линии. (Он утверждал, что получил плащ во сне непосредственно от Мухаммеда, как Аттар утверждал, что получил свой плащ во сне от Халладжа.) С Шамсом, который был почти на двадцать лет старше его, отношение Руми было отношением ученика. Тем не менее, Руми уже был духовным руководителем и учителем. Шамс однажды пожаловался на это отсутствие ясности: "Мне нужно, чтобы было ясно, какой будет наша жизнь—братства, дружбы или шейха и ученика. Мне не нравится не знать. Это учитель и ученик?"

Во время периода уединения в доме Салаха—своего рода челле, для двоих, а не для одного—Шамс направлял Руми к новому образу жизни в мире, и он последовал за ним. “Передо мной, когда он слушает меня, - сказал Шамс, “он считает себя—мне стыдно даже сказать это—как двухлетний ребенок перед своим отцом или новообращенным в ислам, который ничего не знает. Такая покорность!” В то время как Шамс отказывался от ярлыков, он был вполне в рамках традиции маламатийи дураков Бога—его миссии, чтобы освободить Руми от бремени собственного достоинства. Поэтому он придумал такие задачи, как отправить его в еврейский район, чтобы купить вина и пронести кувшин по улицам. В Конье была таверна, которую часто посещали армянские христиане, и Шамс сказал: “Пойдем посмотрим на женщин в таверне. Давайте тоже пойдем в церковь и заглянем туда”. Такие районы стали для Руми романтически духовными:

*Хозяин таверны стал спутником моего сердца,
Любовь превратила мою кровь в вино и сожгла мое сердце.*

Шамс стремился разрушить зависимость Руми от его таланта использовать слова, чтобы вращать аргументы и очаровывать аудиторию. - А где твой собственный?” он спросил, не цитирует ли Руми слишком много пословиц, стихов и сказок. “Давай, отвечай!” Как и Керру, раздраженного непрерывным светом лампы, пока он читал, Шамса беспокоило то, что Руми корпел над страницами рукописей своего отца. Однажды он ворвался в комнату, когда Руми читал, и крикнул: “Не читай! Не читай! Не читай!” Пожилые ученики сообщили его биографу Афлаки, что Руми сказал им: “Он твердо приказал мне: «Больше не читайте слова своего отца!» Следуя его указаниям, я на некоторое время перестал их читать.”

Шамс также не одобрял модную поэзию любимого арабского поэта Руми со школьных лет в Алеппо, аль-Мутанабби. Помимо того, что его отец писал, Руми любил читать стихи аль-Мутанабби по вечерам. Шамс сказал ему: “Это не стоит того. Никогда больше не читай этого.” Руми проигнорировал его предупреждение, пока однажды ночью, засыпая, читая поэта, у него не появилась ночная кобыла, в которой Шамс схватил аль-Мутанабби за бороду и потащил его вперед, говоря: “Это тот человек, чьи слова ты читаешь!” Аль - Мутанабби, тощий, с тоненьким голоском, умолял: “Пожалуйста, освободите меня из рук Шамса и никогда больше не читайте мою книгу!” « Другим сомнительным поэтом, которого читал Руми, был аль- Маарри, слепой сириец, меланхоличный, как Хайям, о быстротечности жизни: “Как печально, что человеку, свободно блуждающему по миру, судьба говорит:” Иди в могилу «»(Даже Шамс, как известно, время от времени читал строчку или две из аль-Маарри, но он очень не любил Хайяма за то, что он говорил “путаные, неумеренные и темные слова».)

Руми и Шамс не были полностью изолированы во время своего пребывания в доме Салаха, просто изолированы от обычных обязанностей. И жена Руми, и султан Валад посетили его и были втянуты в некоторые экстремальные испытания на верность, послушание и освобождение, вызванные Шамсом. Руми позволил обнажить свою жену перед Шамсом, что было бы непростительным проступком для нее. Когда Шамс попросил, чтобы ему прислуживал красивый мальчик, Руми представил султана Валада, хотя Шамс задумчиво отказался, сказав, что молодой человек больше похож на сына для него. Пропал Алаоддин, второй сын Руми, который был, следуя православному пути, с планами стать уважаемым религиозным деятелем, как его отец. Шамс представлял угрозу его амбициям продолжить родовое имя, и Алаоддин был потрясен его влия-

нием. Эта динамика среди членов семьи—выстраивающихся в очередь в ответ на присутствие Шамса—оставалась неизменной с той первой встречи, когда Алаоддин всегда жестоко судил со стороны.

Единственным близким человеком, допущенным в зачарованный круг, был Хосамоддин Челеби, девятнадцатилетний парень из хорошей семьи среднего класса Коньи курдского происхождения, из Урмии в Азербайджане, который был очарован манерой Руми преподавать. Недавно умершего отца Хосама звали Акхи Торк, и его имя указывало на то, что он был лидером организации ахаван, братства ремесленников, рабочих и торговцев, подобных ранним гильдиям. Это братство (акхи мог означать “мой брат”) пересекалось с более широким движением фатоват, к которому принадлежал даже халиф, сочетая рыцарскую мораль с суфийским мистицизмом и оттенком силы бдительности, поскольку его члены носили форменные жилеты и брюки. В то время улицы Коньи были полны таких молодых людей, часто длинноволосых, со сверкающими кинжалами, заткнутыми за церемониальные пояса, защищающими и в то же время пугающими.

Хосаму были рады из-за его мягкого темперамента. Он был интуитивным и чутким, так как, как говорили, чувствовал боль своих друзей в собственном теле. Он считался красивым образцом приличного поведения и, как и Салах, с раннего возраста увлекался аскетизмом. Самое главное, что для Руми Шамс выразил большую привязанность к молодому человеку. Суждения Шамса о характере стали суждениями Руми, и круг, образующийся вокруг Шамса, останется ядром его собственного мира. Десятилетия спустя Руми описал Хосама в нежном письме к нему как “и отца, и сына для меня, и свет, и зрение.” Со смертью своего отца Хосам стал рассматриваться как лидер группы рабочих и ключевой в объединении этих новых после-

дователей с Руми, точно так же, как Алаоддин и другие традиционные ученики Баха Валада становились недовольными.

У Шамса были агрессивные, властные манеры, которые многим могли показаться экстремальными. В отличие от Руми, публичный оратор практиковался в политических оборотах фраз и обладал способностью очаровывать. Шамс был простодушен. Он избегал светских разговоров: "Я всегда говорю с людьми." Его речь была скупой, но музыкальной и выразительной в своих ритмах и простых, подвижных образах, иногда похожих на зрелую поэзию Руми. Он не одобрял разрыв между публичным выступлением Руми и голосом, который он слышал, когда они были одни. "У него прекрасные манеры и он говорит красивые сморчки, но не удовлетворяйтесь ими», - предупредил он группу студентов. - За ними есть что-то еще. Он утверждал: "У него есть два способа говорить: один-осмотрительный, а другой - честный ".

В течение этих интенсивных первых трех месяцев совместной жизни диапазон разговоров между двумя мужчинами был широк, и Шамс не удержался от того, чтобы не рассказать Руми обо всех его верованиях и практиках, действуя так, как будто эти моменты вместе никогда не повторятся. Шамс особенно поощрял честного, искреннего Руми. Его религия была полностью религией сердца. "Практика-это практика сердца, служение-это служение сердца, а преданность-это преданность сердца", - сказал он ему. Чтобы просветить сердце Руми, он почувствовал необходимость освободить его не только от писаний своего отца и поэзии аль - Мутанабби, но и от всего языка и философии, которые были его поддержкой и основой его славы в раннем взрослом возрасте. В соответствии с некоторыми направлениями суфийской мысли Шамс рассматривал слова и логику как "завесы», скрывающие Руми от истины. Из греческих философов он предпочитал Платона, потому что

тот “претендовал на любовь», как писал Руми об этой радикальной переориентации:

*Когда твоя любовь воспламенила мое сердце
Все, что у меня было, сгорело дотла, кроме твоей любви.
Я поставил на полку логику, учебники и книги.*

Заменить мышление словами, особенно словами других людей. Шамс быстро ввел музыку, поэзию и танцы в жизнь Руми через практику сама. Технически означая « слушание», сама применялась к слушанию в научных группах чтения, которые Руми посещал в Дамаске, когда сертификат, или иджазат аль-сама, был выдан за то, что он услышал книгу, прочитанную вслух. Во многих суфийских кругах, однако, сама стала означать сеанс прослушивания музыки и поэзии, иногда сопровождаемый кружащимся танцем. Великая Керра в детстве научила Руми раскачивать руки в такт музыке. Шамс, в течение нескольких недель после их первой встречи, более подробно обучил его кружению—научил его буквально освобождаться от языка и логики, открывая и согревая его сердце:

*Когда все частицы воздуха наполнены сиянием солнца
Они все входят в танец, в танец.
И никогда не жалуйтесь на кружение!*

Запертый наедине с Руми, Шамс вскоре стал навязчивой темой сплетен по всей Конье, в основном злобных и подозрительных. Результатом их уединения в доме Салаха стал хаос и беспокойство для семьи Руми и студентов семинарии. Обе группы полагались на Руми не только в плане морального руководства, но и в плане средств к существованию и поддержки, поскольку покровительство его мадрасу просачивалось.

Когда султан Валад драматизировал уход посоха руководства, ученики его отца присягнули на верность Руми, сказав: “Мы будем искать богатства и выгоды от тебя”. Поэтому Шамса презирали как колдуна-колдуна, наложившего заклятие на их местного святого, или необразованного “Товризи” из Тебриза. («Товризи” - это еще один термин для обозначения “тебризи» на местном разговорном диалекте персидского языка.)

На самом деле Шамс не был ни колдуном, ни необразованным, но у него не было привычки делиться многими подробностями своей эксцентричной и необычной жизни. Однако за три месяца их близости, запертые в доме Салаха, Руми начал узнавать историю своей жизни, как рассказывал Шамс о десятилетиях, проведенных в одиночестве, в поисках правды, но часто сталкиваясь с болью быть неправильно понятым. В то время как на поверхности условия их двух жизней сильно контрастировали, как и Руми, Шамсом двигало желание, которое редко удовлетворялось. Откровение об этом общем поиске и взаимной неудовлетворенности только еще больше разожгло их духовный и интеллектуальный романтизм и закрепило окончательное обязательство Руми.

Как и многие другие в эту эпоху хаоса и высокой мобильности. Шамс путешествовал на большие расстояния, прежде чем прибыл в Конью, вырос в Тебризе, в восточном Азербайджане, где он родился где-то около 1180 года. Подобно Балху или Самарканду, хотя и дальше на запад, расположенный в плодородной провинции между современной Турцией и бывшим русским Закавказьем, Тебриз был важным персидским рынком на основных торговых путях между Индией и Константинополем. Город также был точно указан в преданиях как место расположения Эдемского сада. Реки к северу и югу от него впадали в Каспийское море; неподалеку находилось соленое озеро Урмия, родной город семьи Хосама. Руми никогда не бывал

там, хотя он со знанием дела говорил о “районе розовых садов” “славного имперского города».”

Как и большинство коммерческих городов той эпохи, Тебриз постоянно переходил из рук в руки, являясь спорной фишкой в борьбе за власть. Когда Шамс был мальчиком, тюркским правителем был атабек Абу Бакр, описанный им как “возвышающийся над всеми и окруженный вооруженной охраной на целый полет стрелы вокруг.” Подобно сельджукам, атабеки предпочитали персидский язык в качестве своего основного языка, и искусство и культура процветали. Тебриз также был культурно ближе к городам Центральной Азии. В 1220 году неконтролируемые монгольские вторжения в Хорасан достигли города. За призыв к сопротивлению немусульманским монголам Шамс восхвалял своего правителя как “величайшего из века”, хотя к тому времени, когда Шамс прибыл в Конью, чтобы встретиться с Руми, Тебриз был надежно частью династии 11 ханов Монгольской империи.

И Руми, и Шамс боролись с авторитетом отцовских фигур, но в противоположных манерах. Руми пытался подражать и угождать своему уважаемому отцу, в то время как Шамс, по-видимому, единственный ребенок, с самого начала боролся со своим собственным отцом, Али ибн Малекдадом, из-за отсутствия понимания, изнеженности и чрезмерной защиты. “Вина лежит на моих отце и матери, потому что они воспитали меня со слишком большой добротой”, - странно пожаловался Шамс. Отец Шамса беспокоился о признаках духовного рвения в своем необычном сыне, который еще не достиг половой зрелости, но уже слушал проповеди, когда мог, и постился по крайней мере месяц за раз. “Ты не сумасшедший, - сказал его отец, - но я не понимаю твоих привычек.” Шамс чувствовал себя так, словно он был утиным яйцом, снесенным обычной курицей. Как и Руми, в том же возрасте, он был уверен, что видел “ангелов,

высшие и низшие миры. Я предположил, что все видели то, что видел я.” Избалованность “его отца была отчасти реакцией на чрезвычайно чувствительный дух, который он распознал в своем интровертированном сыне. В Тебризе бродячие кошки часто прыгали в окна, чтобы стащить еду с тряпок на полу, и были должным образом отбиты палками. Даже если одна из этих кошек разбила тарелку с молоком. Отец Шамса пощадил его из-за тонкой чувствительности своего сына. Вместо этого он говорил: “Это судьба! Это хорошее предзнаменование!” В пятнадцатом веке Доулатшах, писавший Жития поэтов при дворе Тимуридов в Герате, впервые записал истории, которые передавались из поколения в поколение о Шамсе как о красивом мальчике с темпераментом, который некоторые считали “женоподобным”, предположительно доказанным его мастерством вышивальщика по золоту, ремеслом, которому он научился, оставаясь с женщинами в гареме.

Шамс рассказал Руми о поисках родственных душ, которые привели его сначала в оживленные суфийские кварталы Тебриза—квартал Сорхаб на севере, где многие суфии были похоронены в гробницах у подножия Валиенкуха, или Горы Святых, а на юге-квартал Чарандаб. Плотность суфиев в этих районах была настолько высока, что души святых на кладбищах, как говорили, поднимались в пятницу вечером, образовывали группы красных и зеленых голубей и отправлялись в Мекку, чтобы окружить Каабу. Около семидесяти суфиев собрались вокруг одного харизматического лидера, который построил суфийскую ложу в районе Сорхаб и преподавал популярную форму преданности, основанную на мистических состояниях, а не на изучении книг. Многие суфии в Тебризе предпочитали этот простой, неграмотный подход, описанный Руми:

*Книга суфия не состоит из слов,
Это не что иное, как сердце, белое, как снег.*

Шамс сказал Руми об этих вдохновляющих местных фигурах, стимулирующих столько волнения и роста: “Там были люди, по сравнению с которыми я ничто, как если бы море выбросило меня, как волны, подбрасывающие коряги. Если я такой, представьте, какими они были!”

Он рассказал о том, как еще подростком тяготел к шейху Абу Бакру Салебафу из Тебриза, который возглавлял суфийскую ложу в районе Чарандаб. Мастер плетеных корзин по профессии, его последователи, как правило, были привлечены из рабочего движения фотоввата и часто были угрожающе более лояльны к нему, чем к правителям. “У шейха Абу Бакра останавливались дервиши”, - вспоминал Шамс. “Когда к нему приходил один из помощников визиря, дервиши оказывали шейху почтение в сто раз большее, чем до прибытия чиновника.” Салебаф не утруждал себя всеми суфийскими атрибутами, такими как дарование плащей. То ли от этого шейха, то ли от другого страстного местного суфия Шамс научился кружащейся практике, которой он учил Руми: “С такой любовью страстный спутник захватил меня в саме. Он вертел меня, как маленькую птичку. Как крепкий молодой человек, который не ел три дня и вдруг находит хлеб—он хватает его и торопливо разламывает. Я была такой в его руках.”

Однако, как и большинство его наставников, Шамс в конце концов почувствовал, что его неправильно поняли или недооценили, и отступил от безоговорочной лояльности. Позже он признался султану Валаду: “У меня был шейх по имени Абу Бакр в городе Тебриз, и по профессии он был плетельщиком корзин. Я многое узнал от него о благочестивой дружбе, но во мне было что-то такое, чего мой шейх не мог видеть и чего никто никогда не видел. В отличие от Баха Валада, когда у Руми были видения ангелов, Абу Бакр осторожно запретил Шамсу говорить о своих видениях. По очереди. Шамс с подозрением

относился к практике суфиев тебризи просить милостыню, чтобы заработать на жизнь. Поэтому он отправился из дома в затяжное путешествие, которое длилось четыре десятилетия, и повел его по небрежному маршруту через Ближний Восток. Будучи высоко мотивированным искателем, он побывал в Багдаде, Мекке, Дамаске, Алеппо и многих анатолийских городах, встретившись в своем путешествии с большинством выдающихся суфиев своего времени.

Шамс поддерживал себя в дороге, работая на случайной строительной работе, обучая детей Корану или ткал брючные галстуки. Из-за хрупкого вида, который появился из-за его неустойчивого поста, его часто пропускали в бригады каторжных работ, к его разочарованию. «Они выбрали всех остальных, но оставили меня стоять там», - вспоминал он. Он был более/успешен в качестве преподавателя начальной школы и оценил скромность позиционного положения, в котором он признал одного из учеников Руми, когда-то видевшего его как учителя и не признавшего его присутствия. - Ты приходил в школу и видел во мне простого учителя», обвинил Шамс. - Но как часто неизвестный человек оказывает нам услугу.» Он гордился тем, что научил упрямого мальчика за три месяца выучить наизусть Коран, хотя, по-видимому, сделал это с помощью щедрого применения строгих побоев.

В конце концов он нашел свой путь в Багдад, центр суфизма, за несколько лет до того, как Руми со своей семьей прошел через него. Шамс принадлежал к школе исламской юриспруденции Шафии, более распространенной среди суфиев, чем ханафитская интерпретация, за которой следовали Баха Валад, Руми и многие из Центральной Азии. Судьи шафии основывали свои юридические решения, насколько это было возможно, исключительно на схеме жизни и практики - или сунны - Мухаммеда, часто используя аналогии. Шамс и Руми обсудили

один из основных правовых текстов шафии, написанный одним из первых профессоров колледжа Незами в Багдаде. Тем не менее, их слегка отличающиеся правовые ориентации, казалось, никогда не имели большого значения ни для одного из них. “Если бы Абу Ханифа увидел Шафии, он бы повернул к нему голову и поцеловал его в глаза”, - сказал Шамс, один из основателей двух школ. “Как могут слуги Божьи не соглашаться с Богом?”

Вероятно, остановившись в суфийской ложе Дараджа на западном берегу Тигра, Шамс рассказал о кратковременных связях с турецким суфием Кермани, лидером ордена в Багдаде и Дамаске. Кермани был одной из самых ярких и эпатажных суфийских фигур своего времени. Очень часто в школе Ахмада аль-Газали, который видел проблески божественности в лицах красивых мальчиков, Кермани был печально известен тем, что во время танца сам разрывал плащи безбородых молодых людей и прижимался грудью к их груди. Ходили также слухи, что он расстегнул некоторые из их тюрбанов в пылу кружения.

Хотя Кермани был на десятки лет старше. Шамс не испугался. Однажды вечером он наткнулся на мистика, уставившегося в миску с водой, и спросил, что тот делает. - Я смотрю на отражение луны в чаше с водой.” “Если у тебя нет фурункула на шее, почему бы не посмотреть на небо?” - саркастически спросил Шамс. “Может быть, вам следует обратиться к врачу, чтобы вылечиться, чтобы вы могли увидеть настоящую вещь.”

Его намерение состояло в том, чтобы опровергнуть практику поиска божественности, отраженной в человеческой красоте, а не непосредственно в Боге. Тем не менее, Кермани пригласил Шамса стать одним из его близких товарищей. Шамс настоял, чтобы он сначала “выпил со мной вина посреди базара Баг - И».” В отличие от Руми, который, по крайней мере, публично покупал для него вино, я, Кермани, отказался, и Шамс

пошел дальше».

В Дамаске Шамс тяготел к знаменитому суфийскому району Салехийе, у подножия горы Касиюм, недалеко от Ребвы, его панорама была вызвана Руми в Маснави, используя популярную арабскую поговорку, которая советовала сохранять взгляд на жизненные испытания:

*Когда вы видите горе, примите его с любовью:
Посмотрите на Дамаск с вершины Ребвы*

Согласно собственной датировке Шамса его первой мимолетной встречи с Руми, он был в Дамаске около 1230 года, если не до или после. В то время как Руми, возможно, имел некоторый контакт с кругом Ибн Араби, Шамс, похоже, стал серьезным учеником. Он говорил о “шейхе Мухаммеде”, который, как полагают, был дальновидным андалузским шейхом Ибн Араби, к которому его, вероятно, направил друг Ибн Араби Кермани. “Он был горой, настоящей горой! - похвалил Шамс. “Он был таким возвышенным ученым, и он был более осведомлен, чем я во всех отношениях ... искатель Бога.”

Однако теплая похвала Шамса ученым знаниям Ибн Араби не была всей историей. Как и со всеми его учителями, отношения иногда были спорными из-за вызывающего отношения Шамса. Они вдвоем обсудили множество тонкостей пророческих изречений и связанных с ними отрывков из Корана, своего рода мусульманскую версию талмудической науки еврейских раввинов. Шамс, однако, был разочарован тем, что они не вступили в более продолжительный спарринг. “Шейх Мохаммед обычно уступал мне и не спорил,” проворчал Шамс. “И все же, если бы он спорил, было бы больше пользы. Мне нужно было, чтобы он спорил со мной!- Он бы тоже обвинил Руми в том, что тот отказался вести с ним удовлетворительные деба-

ты. Явно неутомимый, Шамс изматывал своих партнеров по дискуссии. “Ты щелкаешь мощным хлыстом!” - криво пошутил шейх Мохаммад, хотя он всегда ласково называл Шамса своим “сыном».”

По его мнению, шейх Мухаммед не “следовал” или не подражал Пророку Мухаммеду достаточно полно. “Он был сострадательным, хорошим другом. Он был уникальным человеком. Шейх Мухаммед, но он не следовал” Это “следование” было предметом споров среди суфиев Анатолии. Первоначальный вопрос Шамса к Руми, когда они встретились, указывал на это. Где бы ни пал Руми в этом споре, его оды Мухаммеду, безусловно, были вдохновлены высотами обожающей страсти, которые разделяли бы Шамс. Руми писал о Мухаммеде в гуне любви, часто возвращаясь к рассказу в суре 54 Корана о его расщеплении луны:

*Наш караванный вожак, Мухаммед, гордость мира
Луна раскололась надвое, увидев красоту его лица.
Луна, с ее удачей, смотрела на его смирение ...
Загляни в мое сердце, расколотое, как луна, в
каждое мгновение.*

По такой нежной логике Руми стал для Шамса “жемчужиной”, а Ибн Араби-просто “камешком».” Шамс также сблизился в Дамаске с Шехабом Хариве, философом-материалистом из Герата, который был лучшим учеником Рази. Шехаб полагался на логику, анализ и разум и отвергал откровения, чудеса, такие как расщепление луны или телесное воскресение, как басни для простых людей. У них была необычная дружба, которой никогда не должно было быть, если бы применялась логика, которую Шехаб находил столь неопровержимой. В схоластическом брожении Дамаска Шехаба искали за его блестя-

щее утверждение, что у Бога нет свободной воли, подкрепленное уверенностью в том, что “интеллект не делает ошибок.” “Для меня смерть-это как если бы слабого человека нагрузили мешком, привязанным к шее», - сказал он. “Кто-то перерезает веревку, тяжелый груз падает, и его отпускают.” 1 Год спустя в Конье Шамс все еще спорил в уме со своим старым другом Шехабом. Он сказал Руми: “Я бы сказал: «Мне не нужен этот Бог. Я хочу Бога, у которого есть свободная воля. Я ищу этого Бога. я бы сказал ему уничтожить того Бога, о котором он говорил,— Даже если бы весь мир принял это от Шехаба, я все равно не стал бы этого делать!” И все же Шамса и Шехаба сближали их отчужденность, резкая мизантропия и упрямство, а также склонность друг друга к непрерывным спорам. “Этот человек близок по духу, - сказала Шехаб. Точно так же Шамс сказал: “Я чувствовал себя непринужденно, когда сидел с ним. Я нашел там легкость.” Он остроумно добавил: “Хотя Шехаб и богохульствовал, он был чист и духовен.” Что характерно, для Шамса их взаимная привязанность перевешивала любые философские разногласия.

Напротив, трудный и непредсказуемый, Шамс также обсуждал и опровергал свой путь через возникающие интеллектуальные центры Анатолии. Путешествуя на север от Алеппо, он провел время в Эрзуруме и Эрзинджане, где Баха Валад преподавал в своей школе “Эсматийе” в течение четырех лет; Сивасе; Кайсери, где Бурхан провел последние годы жизни; и Аксарая, необычном для региона, поскольку сельджуки организовали его как чисто мусульманский образцовый город, в ста милях к северо-востоку от Коньи. Типичным аргументом Шамса было несогласие с ученым из Сиваса. Раздраженный тем, что я публично противоречил ему в тонком вопросе о знании человеком сущности Бога, ученый сказал: «Вы задаете старые вопросы.” “Что значит” старый»? - огрызнулся Шамс. “Он

болит от новизны! Это то, что в наши дни считается лекцией?” Ряд выдающихся учителей отказались взять Шамса в качестве частного ученика из-за его резких манер.

Ему трудно найти свое место в этом хорошо организованном обществе святых и ученых в средневековом исламском мире. Индивидуальность Шамса продолжала вмешиваться. Его беседа была испещрена упоминаниями о сложных текстах закона и духовности. Он прожил в колледже мадраса в Алеппо четырнадцать месяцев. И все же он никогда не чувствовал себя комфортно ни среди ученых-юристов, ни среди суфийских дервишей. О своей двойственности он сказал Руми: “Сначала я не хотел этого с юристами, я сидел с дервишами. Я часто говорил: «Они незнакомы дервишам». Тогда я начал понимать, что значит быть дервишем там, откуда они пришли, и теперь я предпочел бы сидеть с юристами. По крайней мере, юристы приложили немало усилий, чтобы научиться этому. Остальные просто хвастаются, что они дервиши.”

У Шамса был один надежный проводник—его сердце. Он отвергал учителей одного за другим не столько на основе последовательной теологической позиции, сколько на основе чувства и интуиции. Внутри его суровой внешности все еще билось сердце чувствительного мальчика из Тебриза, которое оставалось источником его пронизательности. “Всякий раз, когда вы видите кого-то, чей характер экспансивен, говорит широко и терпеливо и благословляет весь мир, так что его слова открывают ваше сердце, и вы забываете об этом узком мире ... он ангел из рая, - посоветовал он Руми. “Всякий раз, когда вы слышите в чьих-то словах гнев, холодность и ограниченность, вы остываете от его слов... Тот, кто откроет эту тайну и применит ее на практике, не обратит внимания на сто тысяч шейхов.” Шамс рассказал о том, как посещал Конью в предыдущих случаях. Во время своего первого визита он нашел три монеты

в дирхам, помеченные как валюта сельджукского султана, на дороге к главным воротам, ведущим к городской площади. Кайкобад I был первым сельджукским султаном, чеканившим золотые монеты, но Шамс, очевидно, нашел обычную. Каждый вечер он покупал полкусочка прекрасной белой лепешки и раздавал бедным сумму, равную ее стоимости. Когда деньги были израсходованы, он снова уехал в Сирию. Его визит осенью 1244 года был более преднамеренным. Позже он сказал, что ему приснился сон, в котором Бог обещал ответить на его молитвы и сделать его, наконец, спутником одного святого “в Раме”. Шамс прибыл в Конью с сильными надеждами достичь конца своего долгого и утомительного пути, и его встреча с Руми явно казалась ему исполнением этого пророческого сна, точно так же, как Руми раскрыл предчувствие, которое, как он чувствовал, наверняка осуществилось в Шамсе.

Где-то в 1245 году Руми и Шамс вышли из зимнего затворничества, последовавшего за их первой встречей. Они вернулись в медресе Ходавандгар и начали принимать урезанное участие в жизни общины. Однако, быстро справившись с желанием многих членов семьи и учеников полностью вернуться к нормальной жизни, эти двое быстро исчезли за закрытыми дверями в мадрасе для еще одной интимной встречи, которая длилась шесть месяцев—к удивлению тех, кто снова остался, считая дни против неопределенного окончания странной тишины, которая опустилась на школу, без каких-либо занятий или проповедей, произносимых их юным патриархом.

Смятение тех, кто остался, было понятно. Связь между этими двумя сложными душами может показаться странной и непостижимой. Шамс временами был язвительен и мизантропичен, и в любой момент мог раскрыть острые грани своей личности, которые заставили многих искренних суфийских мастеров по всему Ближнему Востоку держаться на рассто-

янии или полностью отступить. Руми был его защитником, человеком большого обаяния и привязанности, обладающим властью и влиянием, теперь рисковавшим всем, чтобы остаться запертым в изолированном заключении, позволяя всему, что он и его уважаемый отец строили так старательно, подвергаться опасности, семья и ученики плыли по течению, в то время как он терял себя в вызове Шамса.

И все же их любовь была мгновенной и продолжительной. Шамс увидел Руми таким, каким он был, и этот взгляд узнавания начал освобождать Руми. Независимо от того, сколько почестей и достижений он накопил, Руми все еще чувствовал себя обремененным своим положением. Шамс видел, что Руми был творческим человеком, поэтом и мистиком, а не привратником правил. Он поощряет его найти свой голос, и поэтому Руми обязан ему своим новообретенным сердцем. Точно так же Шамс, несмотря на все его ворчливое хвастовство о самостоятельности, десятилетиями путешествовал в поисках кого-то, кто признал бы его собственное подлинное «я», его более мягкое ядро. Как Шамс и сказал султану Валаду, Руми сделал это первым. Религиозная жизнь для людей того времени часто была требовательной и ограничительной. Вместе они создали свой собственный, более безопасный и легкий домен. Оба были достаточно взрослыми, чтобы понимать ценность своего открытия, и хотели, чтобы оно длилось долго.

Единственными двумя посетителями, допущенными в это время, были Салах и султан Валад, который приобрел еще большую привязанность своего отца в той степени, в какой он поддерживал его преданность Шамсу. Даже Керру теперь не пускали в комнату, держали в стороне от ее обожаемого мужа, с которым она привыкла возиться по пустякам—например, предупреждать его, чтобы он пожевал соломинку, чтобы отогнать неудачу, потому что он сломал ремень. И все же, хотя ее

супружеская и семейная жизнь казалась ему исполнением этого пророческого сна, точно так же, как Руми раскрыл обман: она никогда публично не выступала против него. Точно так же Шамс иногда ласково отзывался о Керре и, казалось, понимал ее затруднительное положение. “Керра Хатун ревнует,” сказал он. “Но ее ревность такого рода, которая ведет вас в рай, а не в ад, и действительно является частью пути добра.” Опровергая обвинения в адрес Шамса как необразованного, султан Валад позже точно написал о нем как о человеке “ученом и знающем».” (Руми также засвидетельствовал знакомство Шамса с “алхимией, астрономией, математикой, теологией, астрологией, юриспруденцией, логикой и дискуссиями”.) Султан Валад смотрел на Шамса как на “любимого” и духовного “султана». По очереди. Шамс взял на себя руководящую роль, обучая его медитативной само, а также консультируя молодого человека-подростка.

В то время как Руми претерпевал эти серьезные изменения в жизни с Шамсом и развивался в своем понимании своего призвания, Сельджукская империя Рома, за стеной их камеры в Медресе Ходавандгар, переживала столь же серьезные разрушения, хотя и скорее девальюцию, потерю власти и могущества. Султан Кайкобад I, покровитель отца Руми, наблюдавший за непрерывным периодом процветания и культурного блеска, умер в 1237 году, в то время как ходили слухи, что он был отравлен своим сыном и преемником Кайхосровом II. Взойдя на трон, Кайхосров II женился на дочери правителя Алеппо, но вскоре проявил свое пристрастие к христианским дамам, женившись на своей второй жене Тамаре, или Горджи Хатун, молодой грузинской принцессе, которая поднялась до уровня его супруги и в конечном итоге стала одной из самых ярых учениц Руми.

*Иногда Любовь сияла на крыше, как луна,
Иногда, как легкий ветерок, перемещаясь из
переулка в переулок.*

Руми и Шамс действительно гуляли вместе по эпицентру Коньи, ее процветающему рыночному району, который особенно очаровывал их моральное воображение своей способностью заманивать и соблазнять, играя на основных желаниях и фантазиях. Как позже писал Руми:

*Мир-это иллюзия, и мы подобны торговцам,
Пытающимся купить его лунный свет,
измеряемый ярдом*

Они остановились, чтобы понаблюдать за цыганами, или луллами, которые проезжали через Конью. Своей музыкой и танцами на веревке они вызывали интерес и получали деньги. Сахар продавался в аптекарских магазинах в маленьких коричневых пакетиках или завернутых в бумажные пакеты, как конфеты, так Руми позже писал о Шамсе:

*Всякий раз, когда я пишу имя Шамса Тебриза,
Я посыпаю свой любимый сахар в бумажную обертку*

Обоих мужчин одинаково тянуло как к неприятному, так и к хорошему. Руми вспомнились мясные лавки, торгующие кишками жестокого возлюбленного персидской любовной поэзии, похожего на мясника, чьи руки были окровавлены печенью неразделенных любовников. Очарованный темными магазинами, предлагающими кровопускание, рядом с травниками. Шамс размышлял о своих клиентах, решивших исчезнуть в темноте, в то время как “взошло солнце, наполняя мир светом!” Более определенно он предположил, что образован-

ным богословам было бы лучше “походить на бедного русского человека, закутанного в овчину, носящего высокую меховую шапку и продающего серные спички.”

Столь же важным, как базар в жизни Руми и Шамса в Конье, были его многочисленные хаммамы или бани, особенно потому, что сельджуки были влюблены в свежую проточную воду и использовали в лечебных целях бесчисленные минеральные источники Анатолии. Они оба часто посещали хаммам, поодиночке и вместе. - Я останавливаюсь в каждой бане, - сообщил Шамс. Руми был интуитивен в своей любви к хаммаму и подробно останавливался на каждой детали, принимая во внимание проворство слугителя, разжигающего огонь в печи, или чашку для обливания тела водой, или густое мыло султани. Больше всего его завораживали декоративные картины на стенах бани, часто изображавшие героев из Шахнаме, и он размышлял о разнице между нарисованным героическим Ростомом и настоящим воином, бытием и духом, а также о том, как свет, падающий из окна, оживлял эти статичные фигуры:

*Мир - это баня, ее застекленная вечность,
Освещенная окном, - это красота героя*

После их освобождающего заклинания отступления Руми сделал шаг назад, осторожно, в свою прежнюю жизнь в качестве религиозного лидера в городе. В поле его зрения оставался Конави, крестник и назначенный заместителем Ибн Араби. После смерти Ибн Араби Конави переехал на север, в Конью, и продолжал философскую традицию Ибн Араби, заполняя новые ступени мистического знания в изученных арабских трактатах. Руми и Конави были примерно одного возраста, и до приезда Шамса Руми посещал его лекции. Однако под влиянием Шамса их идеи все больше расходились, поскольку Кона-

ви проповедовал путь знания, а Руми-путь любви. Они стали представлять двух антиподов суфийского темперамента в Кони, но при этом оставались уважаемыми, хотя и настороженными коллегами.

Руми тоже вернулся к преподаванию, но большую часть разговоров вел Шамс, или они вдвоем вели диалог перед залом студентов. Многие из наиболее консервативных учеников пришли в ужас, обнаружив, что Руми почти молчит или прислушивается к словам и мнениям странного бессвязного мистика из Тебриза, который иногда говорил загадками или загадочными непоследовательными фразами. Как и Руми, Шамс был интеллектуалом. Тем не менее, вдохновленный “неграмотными” мистиками тебризи своего детства, он оставил обучение позади, как будто поднялся по высокой лестнице, которую затем оттолкнул. Руми, вероятно, поручил Султану Валаду записывать эти сеансы, поскольку одна из сохранившихся стенограмм, по-видимому, написана его почерком.

Вместо того, чтобы читать лекции по логике и религиозному праву. Шамс предпочитал говорить ранимо и нежно о своей дружбе с Руми. Эти публичные учебные кружки стали праздниками любви, а также поводами для распаковки той или иной заумной темы. Шамс смоделировал разговор от чистого сердца, а не более формальный двойной разговор, лицемерно освоенный, ворчал он, Руми, что делало его таким нетерпеливым. “Мы удивительным образом познакомились”, - воскликнул он с прозрачной радостью. - Прошло много времени с тех пор, как два таких человека, как мы, падали вместе. Мы предельно открыты и очевидны. Святые раньше не были такими очевидными. Но мы также скрыты, и у нас есть свои секреты.... Я так счастлива быть твоим другом—так счастлива, что Бог дал мне такого хорошего друга! Мое сердце отдает меня тебе—существую ли я в том мире или в этом мире, нахожусь ли я в яме на

дне земли или над небесами, нахожусь ли я наверху или внизу.”

В этой открытой обстановке он раскрыл основные правила их дружбы: “Первое условие, которое я поставил, состояло в том, что наша жизнь не должна быть лицемерной, как если бы я был один.” Он настаивал на том, что видит себя не шейхом, а другом: “Бог еще не создал человека, который мог бы быть шейхом Мауланы. И все же я также не тот, кто может быть учеником. Ничего из этого не осталось во мне”. Он сравнил своего любимого Руми с лунным светом и, дерзко, с киблой, указывая направление на Мекку для молитвы; «Я хотел кого-то из своего рода, чтобы я мог сделать его своей киблой и повернуться к нему лицом. Мне было скучно с самим собой.

Теперь, когда у меня есть эта кибла, он понимает и понимает, что я говорю.” По словам Шамса, Руми был разрядом природной энергии, сместившим плотину, из-за которой его воды застаивались: “Теперь вода течет плавно, свежо и великолепно. ... Я говорю красноречиво и красиво. Внутри я яркая и светящаяся.” Он придавал большое значение освобождающей неформальности между ними как на публике, так и в частном порядке.

Шамс не только говорил о своих чувствах, но и разыгрывал их, наклоняясь, чтобы погладить или взять Руми за руку. “А теперь погладь мою маленькую ручку,” уговаривал он. - Прошло много времени с тех пор, как ты в последний раз его терла. У тебя есть чем заняться получше? Потрите просто так какое-то время.” Он продолжал разглагольствовать в припадках возвышенной поэзии: “В переулке возлюбленной есть что-то вроде гашиша. Люди принимают это за сумасшествие. Тогда они не могут найти дом возлюбленного, потому что им не удастся добраться до возлюбленного.” И он засвидетельствовал, что наконец-то нашел смысл не в наборе идей, а в их дружбе. Истина, подразумевал Шамс, была лицом к лицу: “Цель жизни состо-

ит в том, чтобы два друга встретились друг с другом и сидели вместе лицом к лицу в духе Божьем, вдали от земных желаний. Цель-не хлеб и не пекарь, не мясная лавка и не мясник. Просто в этот самый час, когда я спокойно сижу здесь в вашем обществе.”

Шамс изучал теологию, но его подход был нетрадиционным, поскольку он язвительно отвергал потребность философов доказать существование Бога. Как вспоминал Руми один случай:

В присутствии Шамсоддина Тебризского кто-то сказал: “Я бесспорно доказал существование Бога.” На следующее утро Шамсоддин сказал: «Ангелы сошли и благословили этого человека, сказав:» Хвала Богу, он доказал, что наш Бог. Дай Бог ему долгой жизни!... О бедный человек, Бог-это данность. Его существование не нуждается в логических доказательствах. Если вы должны что-то сделать, то просто докажите свое достоинство и свой ранг в Его присутствии. Он существует без доказательств. В этом нет никаких сомнений.”

Шамс высмеивал ученых за то, что они цитировали высказывания Пророка и приводили источник— подход “главы и стиха”—вместо того, чтобы говорить от всего сердца и ссылаться на Бога как на источник. Он обошел ересь провокационными комментариями: “Я не почитаю Коран, потому что его произнес Бог. Я почитаю его, потому что он вышел из уст Мухаммеда.

Руми тоже стал смелее выражать свои чувства к Шамсу на публике. Однажды он присутствовал на церемонии инаугурации важного нового мадраса. Шамс прибыл поздно, и он сидел среди зевак у входа, где снимали и складывали обувь. Руми сидел с видными учеными—религиоведами, и проводился симпозиум по самому насущному для них вопросу - “Какое место является почетным местом?” Вторя своему отцу, переворачи-

вая социальные приличия с ног на голову, Руми сказал:

Почетное место для ученых находится в середине этой приподнятой платформы.

Почетное место для мистиков находится в углу их собственного дома. Почетное место для суфиев находится рядом с возвышением. Но в практике истинных влюбленных почетное место находится рядом с возлюбленным, где бы он ни находился.

В этот момент Руми встал и быстро покинул сцену, пробираясь сквозь толпу собравшихся сановников, и шокированно сел в дальнем вестибюле рядом с Шамсом.

Такое поведение терпели, потому что Руми был так любим отцами города. Они не были так терпеливы с Шамсом и продолжали пытаться найти способы ослабить его позицию или прогнать его. Однажды делегация этих местных знатных людей появилась в школе Руми, чтобы поднять вопрос о шаманстве и распитии вина, что было запрещено в исламе, хотя, как известно, является проверкой правил и ритуалов среди некоторых суфиев. Очевидно, он, по крайней мере, понимал, что пьет настоящее вино, а не просто божественное вино. Поэтому они задали Руми наводящий вопрос: “Запрещено вино или нет?” Его резкий ответ был пренебрежительным, поскольку он показал, что не поддается их запугиванию, даже используя проклятие Хорасани:

Все зависит от того, кто пьет. Если вы выльете флягу вина в океан, океан не преобразится, не загрязнится и не потемнеет от вина, и поэтому ему будет разрешено использовать его воду для омовения и питья. Но, без сомнения, одна капля вина сделала бы крошечную лужицу воды нечистой.

... Мой ясный ответ вам таков: если Шамсоддин пьет вино, для него все дозволено, так как он обладает подавляющей силой океана. Но для тебя—брата шлюхи—даже есть кусок яч-

менного хлеба должно быть запрещено.

Руми, казалось, признал им, что Шамс действительно пил настоящее вино и, по-видимому, не думал о себе как о “крошечном водоеме”, а не океане.

Шамс не помогал его положению ни со старейшинами Кони, ни с более близким окружением Руми в его школе. Он нажил врагов легче, чем друзей, поскольку начал действовать как своего рода секретарь, камергер, даже телохранитель, вмешиваясь, блокируя доступ и иногда взимая небольшую плату за аудиенции с Руми: “Что ты принес и что ты отдашь в качестве подношения, чтобы я показал его тебе?” Однажды посетитель спросил Шамса, который сидел перед дверью в личную комнату Руми, собирая деньги: “Со своей стороны, что вы принесли с тех пор, как попросили нас о чем-то?” “Я принес себя,” драматично ответил Шамс, - и я пожертвовал своей жизнью ради него». Шамс объяснил налоги как испытание: “Один из них утверждает, что любит тебя от всей души, но если я попрошу у него один дирхам, он потеряет рассудок, потеряет душу и не сможет отличить голову от ног. Я проверил их, чтобы они немного поняли о себе. Но они начали поносить меня, говоря, что я обескуражил ваших последователей.”

Такие раздражающие слова и поступки вызывали рост негодования. “Прекрасный сын Баха Валада из Балха стал послушным ребенку Тебриза», - пожаловался один из последователей Руми, очевидно, из Хорасана и, возможно, из числа тех, кто сопровождал Баха Валада и его семью во время их эмиграции. - Разве земля Хорасана подчиняется приказам земли Тебриза?” Другие хорасанцы говорили, что все жители Тебриза были “ослами». (Эти лоялисты в конце концов были похоронены рядом с Баха Валадом в императорском розовом саду.) В своей более поздней биографии в стихах о своем отце султан Валад записал некоторые из самых резких из их каскада возму-

щенных комментариев друг другу: “Кто это украл у нас нашего шейха?” Паранойя, смешанная с ревностью, когда они обвинили Шамса в том, что он “прячет его от всех остальных». От его существования не осталось и следа. Мы больше не можем видеть его лица. Мы больше не можем сидеть рядом с ним. Он, должно быть, волшебник, накладывающий злые чары, гипнотизирующий нашего шейха своими заклинаниями”.

Эти обиды высказывались часто и открыто, и Шамс так же резко защищал себя в своих преподавательских кругах в присутствии Руми. Он легко опроверг доводы хорасани, сказав, что если человек из Константинополя обладает благодатью, то даже человек из Мекки обязан следовать за ним. Он размышлял вслух о трудностях, которые грубые грани его личности могут создать для других. - У Моу-ланы великая красота, в то время как у меня есть и красота, и уродство, - довольно проципательно объяснил он. Он понимал, что его собственная мягкость уравнивается суровостью. Но уродство и суровость, по оценке Шамса, были элементами абсолютной честности и откровенности, отсутствия лицемерия. “Внутри я весь одного цвета,” похвастался он. И он утверждал, что процветает на оскорблениях. “Я беспокоюсь только тогда, когда кто-то хвалит меня”, - подстрекал он своих критиков.

Руми иногда присоединялся к спору, отвергая тех, кто жаловался, что Шамс был. “высокомерен, жаден и не общается с нами.” Он советовал понять:

Ты говоришь так только потому, что не любишь Маулану Шамсоддина. Если бы вы любили его, вы бы не увидели жадности или чего-то предвзятого.

В ответе Руми была скрыта его заветная история о Меджнуне и Лейли. Как он любил рассказывать, Лейли была обычной, ее красота была очевидна только в любовном видении самого Меджнуна. Он явно знал, что его любовь к скрежету и острому

на язык притворству смущает их:

Во времена Меджнуна были девушки красивее Лейли, но они не были любимицами Меджнуна. Они сказали Меджнуну: “Есть девушки красивее Лейли. Должны ли мы принести их вам? Он ответил: “Но я не люблю Лейли из-за ее лица. Она не просто лицо. Лейли - как чашка в моей руке. Я пью вино из этой чаши. Так что я влюблен в вино, которое пью из нее.

Ты смотришь только на чашку. Вы прекрасно осведомлены о вине. Если бы у меня была золотая чаша, украшенная драгоценными камнями и камнями, и в ней был бы уксус или что-то еще, кроме вина, зачем мне использовать эту чашу?

Сломанная старая тыква, в которой хранится вино, стоит в сто раз больше.”

В основном Руми не утруждал себя спорами. Однажды, услышав, как кто-то начал критиковать Шамса, он вскочил и закричал: “Я не собираюсь это слушать!” - И вышел из зала. В других случаях он так честно говорил о глубине их дружбы, что оставлял мало места для критики после своего откровенного возбуждения и страсти, выражая им вечную любовь, лежащую в основе их поразительной духовной связи:

В День Воскресения, когда будут выстроены ряды пророков и категории Друзей Бога, и верующие мусульманской общины, отряд за отрядом, соберутся вместе, Шамсоддин и я, держа друг друга за руку, гордо и милостиво войдем в Рай.

Руми был удивительно уверен в больших переменах, вызванных в его жизни Шамсом, чьи смелые команды помогли ему не только расслабиться от чтения слов своего отца, но и от копирования образа жизни своего отца, поскольку он продолжал уважать его. Он понял, что ему была предоставлена возможность для более широкого существования. Шамс позволил Руми ощутить сердечное тепло, которое он всегда достаточно естественно ассоциировал с солнцем, из которого вскоре по-

текло творчество. Как он писал об этом нарушении, соответственно, вен - трилокально направляя голос Шамса:

*Ты был молчалив, и я сделал тебя рассказчиком,
Ты был набожен, и я научил тебя петь.*

ГЛАВА 8

Разделение

За несколько дней до Навруза, персидского праздника, отмечающего первый день весны, в марте 1246 года—примерно через пятнадцать месяцев после того, как он появился в Конье и перевернул жизнь Руми,—Шамс внезапно исчез. Он покинул Конью без всякого предупреждения, оставив позади Руми, который был поражен, смущен и обезумел. На его быстрый уход повлияли-растущий объем и интенсивность гнева со стороны последователей Руми и, возможно, двойственность Руми в отношении того, что Шамс настойчиво настаивал на том, чтобы он полностью отказался от своей прежней жизни.

Султан Ялад живо вспомнил волнение, которое было таким всепоглощающим в дни, предшествовавшие исчезновению Шамса. В воздухе витал намек на насилие. Некоторые разгневанные мужчины даже сверкнули кинжалами в Шамса или прокляли его, когда он проходил мимо них по улице. “Все гадали, когда же он покинет город или придет к гневному концу”, - писал султан Валад. Движущей силой этого желания затмения Шамса было ожидание последователей Руми, что они вернут своего учителя и старый образ жизни. Однако произошло обратное. Руми полностью удалился. Как поэтически описал султан Валад, “Его птица любви улетела из их домов.” Осознав, что их положение ухудшилось, а не улучшилось, многие раскаялись.

Если Шамс придумал еще один из своих тестов, Руми прошел его. Он обнаружил, что не в состоянии вернуться к своим прежним привычкам. Он также не мог двигаться вперед, поскольку его новая жизнь вращалась вокруг Шамса. На его месте была пустота, которую Руми не мог заполнить, и он чувствовал себя парализованным и подавленным. Как сообщал

Атлаки, “Из-за разлуки с Шамсоддином Маулана чувствовал себя неуютно. Днем и ночью он не находил покоя и не спал.” Руми не знал, что Шамс ездил в Сирию, либо в Дамаск, либо в Алеппо, либо и в то, и в другое. И все же он, возможно, слышал о состоянии Руми. Несмотря на то, что путешествие на такое расстояние заняло некоторое время, многие курсировали между этими культурными столицами. Поэтому Шамс немного смягчился. Он доверил записку путешественнику в Конью, заверив Руми, что он жив и думает о нем: “Пожалуйста, имейте в виду, что этот скромный человек молится за вас и ни с кем больше не общается.”

Ответ Руми был наэлектризован. Он сочинил по меньшей мере четыре письма в стихах для Шамса, тронутый этим важным личным кризисом, чтобы начать пытаться найти свой голос как поэта. Руми, возможно, экспериментировал раньше, так как он был поклонником арабской и персидской поэзии и подразумевал в одной строфе, что он начал писать стихи:

*Когда тебя здесь нет, сама запрещена,
Музыка и танцы забрасываются камнями, как сатана,
Без тебя не было написано ни одной газели,
Пока не пришло ясное послание твоего письма.*

Первые несколько из этих срочных стихотворных писем лишены уверенного тона, присущего его зрелым произведениям. Что характерно, он начал с арабского, более интеллектуального и формального языка того времени. Тем не менее, он выбрал в качестве своей формы газель—свою любимую на всю жизнь—рифмованное стихотворение из семи или более строк, классически используемое как эротическое стихотворение, исполняемое менестрелями в основном на легкомысленные темы вина, женщин или мальчиков и песни, и в конечном ито-

ге развилось как средство для мистических любовных стихов. Подобно английскому или итальянскому сонету, газель можно было модулировать от низких до высоких тем, все еще благоухая грубостью песнопений бедуинской пустыни, выражая при этом более тонкие суфийские чувства.

Хотя Шамс так насмеялся над поэзией аль-Мутаннаби, эти первые стихи, написанные ему Руми, часто звучат как этот любимый арабский поэт, как в языке, так и в придворных условиях. Будучи поэтом по найму, аль-Мутаннаби специализировался на «каси-дас», или хвалебных одах, написанных в героическом стиле для правителя Алеппо в десятом веке. В этих песнях царя сравнивают с солнцем, его благоухающий аромат разносится по ветру, его власть соперничает с властью львов, его благосклонность к другому вызывает у поэта болезненную ревность. Руми просто адаптировал эти величественные тропы для Шамса, сравнивая его с царем Кобадом, персидским царем Сасанидов, или с великим военачальником, приносящим триумф и победу. Он инстинктивно знал, что только самые грандиозные сравнения соответствовали его бурлящим эмоциям.

Если эти первые попытки были подражательными копиями классических стихотворений о любви и похвале, таких как юношеские стихи, некоторые из остроумия и уязвимости Руми очевидны—этот другой голос Шамс слышал, когда они были наедине. Связующим звеном во многих газелях был радиф, повторяющийся рефрен слова или фразы в конце каждой строки, добавляющий ударный ритм, который облегчал групповое пение при публичном чтении. Для одного из этих стихов Руми выбрал в качестве своего радифа мольбу о команде «Гом!»—настойчивый рефрен, умоляющий Шамса вернуться:

О ты, свет в сердце, приходи!

Цель всех усилий и желаний, приходите!

*Ты знаешь, что моя жизнь в твоих руках.
Не притесняй своего поклонника, приди!*

В середине мольбы Руми ловко перешел на персидский, а также перешел с арабского “Приди?”— Таал” - на персидский “Приди!”—Бия!”:

*Что такое “Таал» по-персидски ? Бия!
Или приходи, или прояви милосердие, Бия!*

Руми и Шамс жили в двуязычном мире, и это переключение туда и обратно соответствовало тому, как они говорили вместе и с другими. Рассказывая ученикам о своем важном воспоминании о встрече с Руми, Шамс перешел на арабский. Когда Руми продиктовал Хосаму точную дату отъезда Шамса в Сирию, он перешел на официальный арабский язык:

Солнце Истины и Веры, скрытый свет Бога в начале и в конце—пусть Бог продлит свою жизнь и одарит нас приветствием его—ушло в четверг 21-го дня месяца Шавваль в 643 году.

(Убывающая четверть луны по лунному календарю, дата соответствовала 11 марта 1246 года.)

Руми поручил своему сыну султану Валаду доставить ответ Шамсу в Сирию, послав с ним дань в виде золотых и серебряных монет. Это предложение было тонким напоминанием о тарифах, которые Шамс потребовал от последователей Руми, чтобы доказать свою любовь. В сопроводительном прозаическом письме Руми обратился к проблеме этих последователей и заверил Шамса в их искреннем изменении сердца—они с нетерпением ждали возвращения Шамса и с нетерпением ждали его обновленного учения. Однако в своих стихах Руми допускал более интимные проблески отчаявшегося сердца, закодированные и замаскированные в стандартном поэтическом

декоре:

*С того момента, как ты ушел,
Я был лишен сладости, превращен в воск.
Всю ночь я горю, как свеча,
Опаленная огнем, но лишенная меда.
Отделенное от твоей красоты, мое тело
Лежит в руинах, и моя душа-ночная сова.*

Он подписался своим любимым источником каламбуров с того времени— имя Шамса, как “шамс”, по-арабски соответствовало солнцу, а также Сирии (Шам) и, в древнем, но все еще существующем персидском словаре пехлеви, ночным или ранним вечерним часам (шам).):

*Пусть моя ночь превратится в светлое утро благодаря вам,
Вы, гордость Сирии, Армении и Рима!*

Его седельная сумка наполнилась посланием, золотыми и серебряными монетами и стихотворными письмами—очаровательными и выразительными—султан Валад, которому тогда было двадцать лет, отправился в Сирию. В своих писаниях он говорил о том, что его отец отправил его в Дамаск. Биограф Афлаки позже рассказал больше подробностей о том, как Руми направил султана Валада еще точнее в известный караван-сарай, расположенный в суфийском районе Салехийе, где он сказал ему, чтобы он ожидал найти Шамса, играющего в нарды.

Шамс в своем более позднем отчете о том, как он провел время вдали от Руми в Сирии, с любовью говорил о Дамаске и о своей особой любви к великой мечети Омейядов, повторяя избитое уравнение Дамаска с раем. В основном, однако, он говорил о том, что задержался в Алеппо, так что султан Валад

либо отправился в оба города, двое мужчин остановились в Алеппо по пути из Дамаска, либо были совершены две отдельные поездки.

По его собственному мнению, высшей точкой отступления Шамса из Коньи и городом, который больше всего тянул его дух остаться и никогда не уезжать в Ром, был Алеппо. Шамс сообщил, что почувствовал волнение возвращающегося посетителя, сидя рядом с его великой Цитаделью, недалеко от района, где жил наставник Руми Ибн аль-Адим: “Это замечательный город, Алеппо—дома, улицы. Я радостно огляделся, увидев верхушки зубчатых стен. Я посмотрел вниз и увидел мир и ров”. О крепости недалеко от города он сказал: “Если бы мне сказали: «Твой отец вышел из могилы и хочет тебя видеть. Он приехал в Тель—Бахсер, чтобы увидеть тебя, а потом снова умереть—приходи к нему». Я бы сказал: «Скажи ему, чтобы он умер». Я бы не покинул Алеппо даже ради него”. Если он все еще не был уверен в своих чувствах к Руми, он был совершенно уверен, что у него нет желания менять Алеппо на Конью.

Шамс привез из Коньи от трехсот до пятисот дирхамов и платил семь дирхамов в месяц за свою комнату, так что ему не нужно было искать случайную работу, как в прошлом. Он также ел экономно. В прежние дни, когда он был в дороге, он был таким аскетом, что раз в день ходил к продавцу бараньих голов, чтобы купить хлеба и бульона. Когда лавочник настоял, чтобы Шамсу дали лучший кусок баранины в его супе. Шамс перешел в магазин, где с ним не обращались так строго. В этой поездке он более спокойно относился к еде. Как он позже вспоминал Руми: “Помню, в Алеппо я говорил, что хотел бы, чтобы ты был там. Когда я ел, я бы тоже дал тебе немного.”

Однако, помимо своей абсолютной любви к городу, Шамс испытывал смешанные чувства по поводу своих мотивов пребывания там и своего разрыва с любимой Руми. В течение пер-

вого месяца их разлуки он продолжал колебаться. Он проверял решимость Руми. Он также проверял себя, решая, стоит ли уходить от такого дорогого друга после того, как провел большую часть своей взрослой жизни, разыскивая его. Позже он признался Руми: “Я так молился за тебя в Алеппо в том караван-сараяе, где я остановился! Было неправильно показывать свое лицо людям, когда тебя там не было. Поэтому я занимался работой или проводил время в суфийской ложе.” В другое время он чувствовал себя готовым вернуться к своей прежней, более свободной жизни: “Когда я был в Алеппо, я был занят молитвой за Мауляну. Я помолился сотней молитв и вызвал в памяти только воспоминания, которые усилили мою привязанность, избегая тех, которые охладили привязанность, но у меня не было намерения возвращаться.” Он понимал, что их дружба не просто эмоционально заряжена, но и имеет решающее значение для раскрытия потенциала Руми.

В конце концов султан Валад со свитой из двадцати спутников обнаружил местонахождение Шамса: “Когда я нашел Шамсод - дина, я приложил лоб к земле и поклонился.» Согласно рассказу в Афлаки, Шамс был тронут и тронут, чтобы снова увидеть султана Валада: “Поцеловав Валада несколько раз, Шамсод - дин ласкал его сверх всякой меры и спросил о Мауляне”. Султан Валад должным образом вручил подарки, высыпав все монеты в обувь Шамса, а затем передал важное сообщение от своего отца. “Все спутники Рома склонили головы в полной искренности», - сообщил он. “Раскаившись, они безмерно искали прощения и сожалели о том, что сделали. Они решили, что с этого дня и впредь не будут проявлять никакого неуважения и не позволят никакой зависти возникнуть внутри них. Все они ждут вашего благословенного прибытия.” Шамс смягчился, хотя, когда он позже обсуждал их обмен в тот день с султаном Валадом, он настаивал, что был далеко не

уверен в своем выборе. Он не просто уклонялся от ответа. Он напомнил султану Валаду, что его самообладание не изменилось, когда он увидел его: “Когда вы приехали в Алеппо, вы заметили какие-либо изменения в цвете моего лица? Как будто это было одно и то же в течение ста лет.” Далее он признался, что очень страдал внутри от разлуки: “Но это было так неприятно и трудно для меня, что было бы плохо говорить об этом. Иногда я получал удовольствие, Но неприятности были сильнее. Я предпочел Маулану”. Никто лучше Руми не знал, с какими колебаниями может столкнуться его сын. Шамс, очевидно, говорил об этом выборе в течение некоторого времени. Перед тем, как группа покинула Конью в Сирию, Руми написал и исполнил для них более беззаботную газель, которая предупреждала именно об этой сильной возможности:

*Товарищи, идите и верните мою возлюбленную,
верните мне мою сбежавшую возлюбленную.
Заманите его сладкими мелодиями, и золотые дары
Вернут его домой, его лицо-прекрасная луна.
Если он пообещает, что скоро придет
Возможно, он обманывает вас. Все его обещания – уловки*

Игривый тон Руми подразумевал, что он судит о худшем, но мудрая игривость заключалась в том, что он играл с романтическими условностями газели, обращенными к женщинам в арабской лирике, хотя чаще в персидской традиции к молодым мужчинам, особенно туркам, солдатам при дворе или виночерпиям, с вьющимися черными волосами и бровями. Шамс был так же далек от этого безбородого идеала, как и от королей-воинов, с которыми Руми сравнивал его в своих поэтических письмах, в то же время вызывая всю пламенную любовь, тоску и благоговение, которые несли эти образы.

Расстояние от Алеппо до Коньи составляло около четырехсот миль, что заняло бы у каравана верблюдов около месяца. Отряд султана Валада ехал верхом. По словам Афлаки, поскольку у них теперь был лишний всадник, им не хватало одной лошади. Султан Валад разумно настоял, чтобы Шамс сел на лошадь. Менее разумно, когда Шамс предложил им пойти вместе, султан Валад отказался на основании должного уважения в присутствии шейха. Учитывая древний акцент на сложных ритуалах вежливости в персидской культуре, этот обмен мог продолжаться в течение длительного времени. - Королю и рабу не разрешается ездить на одной лошади одновременно, - возразил султан Валад, заботясь о стремени Шамса на протяжении всего путешествия.

Разделение Руми и Шамса продолжалось около года, и Шай вернулся в Конью около апреля 1247 года. Когда Руми был в депрессии в течение нескольких месяцев, его счастье в ожидании возвращения Шамса было почти маниакальным. Он видел шанс прожить свою жизнь в обоих направлениях-исследуя свободу, творчество и любовь, которые предлагал Шамс, оставаясь при этом ответственным перед семьей и обществом. Если бы он был более лояльным, когда эти двое—по словам Шамса — ненадолго встретились в Дамаске в качестве студентов, он продолжил бы жизнь поэта и мистика. Он также мог быть «летуном», как Шамс, Аттар или Санаи. Поскольку его революция произошла в середине жизни, ему нужно было противопоставить обязанности, завещанные его отцом, авантюрным альтернативам, предложенным Шамсом. От надежды, что он сможет получить и то, и другое, у него закружилась голова.

Руми охотно рассказывал своим ученикам о чудесной жизни, которую они теперь будут делить, веря им на слово, что они оставят позади свою ревность к провокационным приключениям.:

На этот раз вы обнаружите, что получаете больше удовольствия от слов Шамсоддина о том, что вера-это парус на корабле жизни человека. Когда парус установлен, ветер уносит его в великие места. Без паруса слова-не что иное, как ветер.

Стараясь угодить, эти ученики поощряли волнение своего учителя, сообщая о слухах о том, что Шамса заметили по пути в Конью. В шутивном ответе Руми отругал их за эти ложные видения, сравнив видение Обмана с духовным прозрением. Без такой пронизательности. Шамс останется невидимым: Эти люди говорят: « Мы видели Шамсоддина из Тебриза, сэр, мы действительно видели его.»

Это похоже на то, как кто-то, кто даже не может видеть верблюда на крыше, говорит: «Я нашел игольное ушко и проткнул его ниткой!»

Долгожданное возвращение Шамса домой было воспринято как гражданский праздник. Когда султан Валад прибыл в соседний караван-сарай Занджирли, он послал вперед дerviша, чтобы сообщить Руми об их скором прибытии. Руми предупредил своих учеников, которые вышли за городские ворота, чтобы поприветствовать Шамса на церемонии приветствия, которая не включала стук в литавры, размахивание знаменами и чтение стихов. Затем Султан Валад привел лошадь Шамса к дому Руми, и снова они увидели друг друга, и снова их сердца расширились, Султан Валад описал это событие, подчеркнув отсутствие ясности или взаимных чувств, которые отмечали их нетрадиционные отношения, они упали друг другу в ноги, «и никто не знал, кто был любовником, а кто был любовником». Это пронизательное замечание об отказе от их приветствия было распространено достаточно широко, чтобы в конечном итоге найти свой путь в четверостишие Руми: С его красивым лицом, зависть ангелов.

Он пришел ко мне на рассвете и плакал у меня на груди, Он

плакал, и я плакала до рассвета», - Как странно они сказали. - Кто из этих двоих любовник?»

Руми отпраздновал приезд Шамса, время от времени исполняя стихи—написание стихов для особых случаев останется его практикой на всю жизнь. Эти строки были музыкальными и похожими на транс, и были подписаны, чтобы сопровождать кружение и медитацию, которые происходили на фестивалях. В своем вдохновляющем стихотворении о возвращении Шамса он использовал тот же радиф «приди», что и в своем умоляющем стихотворном письме, но в прошедшем времени, как исполненное желание, пройдя полный круг. Стихотворение было долгим выдохом, который Руми задерживал почти год:

*Мое солнце и луна пришли, мое зрение и слух пришли,
Мой серебряный пришел, мой золотой рудник пришел.
Мой экстаз пришел; свет моей жизни пришел,
Что бы вы ни называли, Пришло; мое желание пришло.
Пришел мой грабитель с большой дороги,
Пришел мой нарушитель условно - досрочного
освобождения,*

*Пришел Этот светлокожий Джозеф,
Внезапно оказавшийся рядом со мной.
Сегодня лучше, чем вчера, мой дорогой старый дьявол.,
Вчера вечером я была в восторге, услышав новость о
том, что он приехал.*

*Тот, кого я искал прошлой ночью с фонарем в руке
Сегодня, как корзина с цветами, разбросанная по
моему пути, пришла ...*

*Сейчас время вставать, как встает утро в мире,
Сейчас время рычать, потому что пришел мой лев.*

Мирная община, в которую вернулся Шамс, держалась

вместе, не распадаясь в течение нескольких месяцев. В течение первых недель разные члены круга Руми устраивали вечеринки, которые включали музыку, поэзию, молитвы и танцы сама в своих частных домах, празднуя возвращение Шамса. В конце концов он снова начал преподавать, беседуя с новоиспеченными студентами о теме, близкой его сердцу, — о красоте мира, доступной за пределами нашего ограниченного разума. «Сердце шире небес, — учил их Шамс, — и тоньше и ярче звездного неба. Зачем сжимать свое сердце мыслями и шепчущими сомнениями? Зачем превращать этот радостный мир в узкую тюрьму? Подобно гусенице, мы плетем из мыслей, сомнений и фантазий, медленно задыхаясь.» Он добавил: «Я никогда не борюсь с высказываниями Пророка, за исключением того, что этот мир-тюрьма для верующего». Но я не вижу никакой тюрьмы. Я спрашиваю вас: «Где находится тюрьма?»

Хотя Шамс не гордился тем, что он поэт, и не работал в ремесле, у него был поэтический талант, и он акцентировал эти разговоры своими собственными куплетами, которые он читал спонтанно. «Потерпите меня еще два или три дня—в 1 книге моей жизни осталась только одна страница», — сказал он, однажды громко вздохнув в рифму, выражая чувство, жутко намекающее! в неминуемом конце. Многие из этих строк появляются в более поздних стихах Руми, либо потому, что он выучил их наизусть, либо он внимательно изучал страницы записанных бесед Шамса, как он изучал страницы своего отца—часто в стихах, посвященных Шамсу:

В книге моей жизни осталась только одна страница.

Его сладкая ревность оставила мою душу беспокойной

В моей книге, он написал слова слаще сахара,

Слова, которые заставили бы застенчивую

луну покраснеть.

Не питая иллюзий относительно проявления вновь обретенного уважения среди учеников Руми, Шамс знал, что большая часть их теплоты была надуманной. Он был слишком наблюдателен, чтобы не понять, что это было рассчитанное почтение, и со своей неподцензурной откровенностью он сказал об этом публично. «В прошлом они чувствовали ревность, потому что предполагали:» Если бы его здесь не было, Маулана была бы счастлива с нами», - резюмировал Шамс. «Потом они почувствовали, что все стало хуже, но Руми не дал им утешения. Что бы у них ни было в начале, они проиграли, а затем даже вся страсть, которую они питали к этой ситуации, рассеялась. Так что теперь они счастливы, они чтят меня и молятся за меня.

После его возвращения Шамс и Руми возобновили свое интенсивное общение. По словам раннего биографа Сепаксалара, кто! представившись, что он был рядом с Руми с самых ранних дней, «Маулана еще больше увлекся Шамсод - дином, даже больше, чем в первый раз, когда они встретились друг с другом. Они стали более сплоченными, чем когда-либо. Днем и ночью они разговаривали друг с другом и погружались друг в друга.» И все же, несмотря на более легкую атмосферу в Мадрасе Ходавандгар, Шамс все еще тосковал по открытой дороге. Если бы идеальным решением для Руми было наличие Шамса в Конье, когда он выполнял свои обязанности. Желание Шамса состояло в том, чтобы исчезнуть с Руми в качестве его попутчика. Он хотел показать ему свою родину. —Я бы хотел, чтобы мы вместе съездили в Мосул и—ты не видел этих мест-в Тебриз, - уговаривал он Руми. «Вы могли бы проповедовать за кафедрой, и вы могли бы смешаться с толпой и посмотреть, как они себя чувствуют, когда они оказываются просто между собой. После этого мы могли бы отправиться в Багдад, а затем в Дамаск.»

В таких приглашениях подразумевалось настойчивое желание Шамса уехать. Когда он говорил с султаном Валадом о его самообладании, когда он прибыл в Сирию, он намекнул что Руми был гораздо более расстроен и взволнован внезапной разлукой. «Работа», обучение с Руми, шла хорошо. Действительно, «погружение» Руми в Шамс было духовным погружением, которого он надеялся достичь. Тем не менее, угроза внезапного отъезда все еще беспокоила Руми, в то время как годы одиночества Шамса приучили его к уверенности в себе, или, по крайней мере, он так утверждал, хотя он не был полностью уверен, когда был в Алеппо. - Если ты действительно не в состоянии сопровождать меня. Я не боюсь, - настаивал Шамс. «Я не страдал, когда был разлучен с тобой, и быть вместе с тобой не приносит мне счастья. Мое счастье приходит изнутри, и мое страдание приходит изнутри. Теперь я знаю, что жить со мной трудно. я знаю, что я сложный. Я не являюсь ни тем, ни другим.»

Значительный перерыв в этом устойчивом общении, за которым последовали угрозы уйти навсегда, произошел в начале зимы 1247 года, когда Шамс, которому сейчас было за шестьдесят, неожиданно попросил у Руми разрешения жениться на Кимии, молодой женщине, воспитанной в гареме Руми. (Поскольку она, возможно, носила одно имя с дочерью Керры, некоторые предположили бы, что она была падчерицей Руми.) Эта просьба, подразумевающая оседлость, не только ознаменовала изменение в отношениях между Шамсом и Руми, но и резкий разрыв с привычкой Шамса всю жизнь бродить свободно, без семейных связей, хотя он упомянул, что когда-то имел детей, которых он оставил, чтобы путешествовать в своих поисках. Кимия была «чистой и красивой» молодой женщиной, и их брак был заключен в декабре-мае. Этот поздний расцвет желания со стороны Шамса казался искренним, хотя он

явно начинался как практический переход к более стабильной связи с Руми. Поскольку браки заключались в соответствии с патриархальной традицией, мнение Кимии могло быть услышано, а могло и не быть.

Руми был очень доволен таким поворотом событий, который гарантировал, что Шамс будет более предан—и рядом—как официальный член его семьи. В день свадьбы Руми зачитал брачный контракт для пары. По словам биографа Сепаксалара, “Поскольку была зима, Маулана устроила для них специальные комнаты с камином, чтобы они могли исполнить свои обеты. В ту зиму Шамсодин продолжал жить в этих комнатах.” Брачное ложе было церемониальным центром традиционного свадебного ритуала, и, как и отец Руми, Баха Валад, Шамс подчеркивал интеграцию своих сексуальных отношений с Кимией и свою сильную религиозную преданность. В последующие годы, пытаясь объяснить некоторым студентам смысл практики Баязида Бестами по поиску божественности в лицах молодых людей, Руми рассказал им историю о Шамсе той зимы:

Шамсодин сказал: “Господь Всевышний любит меня так сильно, что приходит ко мне в любом облике, который мне нравится. Прямо сейчас. Он пришел ко мне в облике Кимии, приняв ее облик”. Так было и с Баязидом.

Владыка цзи Всевышний предстал перед ним в лице безбородого юноши.

В другой раз Шамс воссоздал небольшой разговор перед сном со своей новой женой для Руми или других собравшихся. “Я просил Бога дать мне ребенка”, - очевидно, сказал он Кимии. “Мое желание иметь ребенка связано с тем, что я хочу, чтобы ты была его матерью. Ты спишь!» Затем она открыла глаза. Она увидела меня. Она снова заснула. Редко когда я кого-нибудь будил, но я будил ее три раза. И каждый раз она снова засыпала.” В другой вечер, Шамс взял свою постель и спал

один в углу, положив голову на руку. Он был так же откровенен в разговорах о близости с Кимией, как отец Руми был откровенен в своих собственных записных книжках о том, как спал с матерью Руми.

Маленькие отапливаемые комнаты, отведенные Руми для Шамса и Кимии, располагались рядом с крыльцом, ведущим в женский гарем. Другая половина домашнего мира Руми, гарем, примыкала к мадрасу, но была совершенно отдельной. Ни одной женщине не разрешалось пользоваться входом, ведущим в школу, и ни одному мужчине не разрешалось входить в маленький коридор, если только они не были махрамом или религиозно законными инсайдерами, как теперь Шамс. Такие гаремы часто имели собственный внутренний двор с бассейном, водосточными желобами и, в Конье, тузовыми или платановыми деревьями, увешанными сосульками зимой, окруженными глинобитными стенами и освещенными по ночам факелами. Кроме спальных камер, здесь была кухня, ванная и некрашенная женская столовая.

Если в жизни мадраса в те годы происходили постоянные потрясения, то в гареме все еще доминировали некоторые оригинальные личности и обычное поведение, восходящее к Хорасану. У власти в качестве матриархальной фигуры оставалась Великая Керра, мать первой жены Руми. Хранительница институциональной памяти, она умела рассказывать истории о жизни в Балхе и Самарканде и была свидетельницей трудного периода, когда ее дочь, первая жена Руми, Гоухар, была оставлена воспитывать их двух дерущихся сыновей, в то время как ее муж был в Сирии, продолжая учебу. Вражда мальчиков настолько запутала гарем, что некоторые говорили, что это спровоцировало их отправку в Дамаск в школу. В гареме все еще жила их няня, которая была так огорчена, когда ее подопечных отослали, что проводила дни в своей комнате, печаль-

но чистя морковь и репу. Самыми младшими детьми, оставшимися в гареме, были вторая пара Руми от Керры—его дочь Малеке и третий сын Мозаффароддин.

Переехав в резиденцию прямо в гареме, Шамс сразу же оказался втянутым в какую-то сложную семейную политику, которая не была смягчена его раздражающей личностью. В центре внимания был второй сын Руми, Алаоддин, который уже был настроен враждебно по отношению к Шамсу. Среди немногих в кругу Руми, кто не участвовал в церемониях приветствия в честь триумфального возвращения Шамса, Алаоддин, которому сейчас было чуть за двадцать, обладал природным талантом к книжному обучению и знаниям. В отсутствие его отца многие из более традиционных учеников в мадрасе начали собираться вокруг него для ортодоксальных учений, поскольку он смешивался с учеными юристами в других школах. Особенно он негодовал на Шамса за то, что тот оторвал его отца от лекций и проповедей, а теперь еще и за то, что он вмешался в непостоянное соперничество между братьями и сестрами, отдав предпочтение султану Валаду. Ходили даже слухи, что Алаоддин тайно хотел жениться на Кимии. Раздражало Алаоддина и то, что Шамс вмешивался в его любимое времяпрепровождение в шахматы, персидскую придворную игру, поскольку Шамс сказал Руми, что он должен прекратить закупать шахматные фигуры Алаоддина. - Это его учебное время," сказал Шамс. "Он должен учиться каждый день, даже если только одно предложение."

Инцидент, вызвавший взрыв напряженности, заключался в том, что Алаоддин слишком часто проходил мимо комнат Шамса и Кимии, хотя другой путь был бы невозможен, учитывая планировку гарема. Как рассказал Сепаксалар, "Второй сын Мауланы, Алаоддин, был сокровищем мира благодаря своей красоте, доброте, знаниям и интеллекту. Каждый раз, когда

он приходил засвидетельствовать свое почтение бабушке и родственницам, когда проходил через двор и проходил мимо зимнего дома, Шамсоддин кипел от ревности. Несколько раз Шамсоддин мягко советовал Алаоддину: «О свет моих очей, хотя у тебя замечательные манеры, тебе нужно реже проходить мимо этого дома». Этот упрек унижил Алаоддина, тем более что он уже обижался на Шамсоддина за то, что тот проявил больше внимания и доброты к султану Валаду.»

Они обменялись гневными словами, которые привели к большим неприятностям между ними. - Ты видел, как я косвенно угрожал Алаоддину?» Шамс расспросил всех позже, давая более полный отчет о своей стороне разговора. «Я сказал: «Твой плащ в лавке». Он сказал: «Купец попросил принести его сюда для меня». «Нет, я запретил ему входить в мою комнату, потому что это беспокоит меня; я выбрал это место для моего уединения и уединения». Точно так же и женщине, которая приносит воду в комнату, я сказал: «Приходи, когда я скажу тебе прийти. Но в противном случае не входите просто так. Я могу быть голым или одетым». - Затем он процитировал Алаоддину по-арабски подобные упреки, приписываемые Мухаммеду его последователям, когда им разрешалось входить в его личные семейные покои без предупреждения. Сообщение, которое Шамс, казалось, посылал в этом конфликте, было о его желании сохранить свою частную жизнь—и Кимию—против случайных и частых приходо́в и уходо́в Алаоддина.

Алаоддин публично высказался об этом предполагаемом оскорблении, вызвав еще больше проблем в школе и гареме. Согласно рассказу Сепаксалара, «Он повторил слова Шамсоддина другим. Они воспользовались этой возможностью, чтобы еще больше разозлить Алаоддина. Они сказали: «Что за странные вещи вы говорите! Этот иностранец приехал и остановился в доме Ходавандгара, и он не пускает сына Ходавандгара в

свой собственный дом». Всякий раз, когда у этих людей был шанс, они пытались бросить вызов и смутить Шамсоддина. Благодаря своей великой доброте и терпению Шамсоддин ничего не сказал Мауляне. Через некоторое время он заговорил с султаном Валадом, так как они слишком беспокоили его.”

Хотя Шамс клялся, что “сердце Кимии было после меня”, она часто раздражалась против своего нового режима в качестве молодой невесты Шамса. Ссылаясь на свое собственническое отношение к Руми, Шамс признался: “Кого бы я ни любил, я угнетаю. Если он соглашается, я сворачиваюсь в его ладони, как маленький шарик. Доброта-это то, что вы можете практиковать с пятилетним ребенком, чтобы он верил в вас и любил вас. Но есть одна вещь-угнетение.» Он противопоставлял свои резкие манеры мягкости Руми, черте, присущей ему с детства. ‘Кто-то сказал, - повторил он, - что Руми-это вся мягкость, а у Шамсоддина есть как атрибут мягкости, так и атрибут суровости’, - добавил Шамс. - “Мне становится скучно с мягкостью.” Всегда строгий учитель Корана, он считал доброту неэффективной для обучения.

И все же мудрость, накопленная Шамсом за долгие годы обучения и дискуссий с философами, а также молитв и поста в одиночестве в маленьких комнатах в караван-сараях на Ближнем Востоке, не подготовила его к жизни в гареме. Возможно, он хорошо работал с учениками на избранном огненном пути к самопознанию, но все же он не полностью контролировал свои страсти в этом позднем союзе с женщиной намного моложе. Его черты собственничества и ревности стали чрезмерными. Он с подозрением относился к молодым мужчинам, которые могли бы очаровать ее, особенно к Алаоддину. После целой жизни аскетической практики и пресловутых мистических подвигов. Шамс был ослеплен семейной жизнью.

В его монологах стали всплывать вспышки супружеских

ссор и конфликтов. Кимия, очевидно, была свободным духом и не была идеальной покорной женой. Проблема заключалась в том, что она часто убегала в один из садов на окраине города с другими женщинами без его разрешения. Такие огороженные стенами сады располагались за пределами города и обычно делились на сады для выращивания инжира и винограда или производства меда, а также розарии со скамейками, отведенными для общения и развлечений среди высших классов. Шамс жаловался на то, что Кимия проводит время с дамами вне их дома: “Я не могу винить ее. Она не знает, что делает. Но почему она пошла в сад? Как она могла сидеть с этой группой?” Он пригрозил, что найдет двух свидетелей, перед которыми сможет совершить простой мусульманский обряд развода. Ан - он умолял Руми дать ему десять дней, чтобы найти дом и уехать. “Останься на два месяца, - попросил Руми. Расстроенный, Шамс дед, “Это было так, как будто он говорил мне сидеть спокойно в течение двух лет.”

Однажды зимой женщины гарема решили взять Кимию на прогулку подышать свежим воздухом. Очевидно, она была подавлена, муж держал ее почти в изоляции, и, возможно, она тоже была больна. Как рассказывал Афиаки, “Однажды, без разрешения Шамсоддина, женщины взяли ее с бабушкой султана Валада в свой сад, чтобы подбодрить ее. Вдруг Шамсоддин вернулся домой и спросил Кимию. Ему сказали: «Бабушка султана Валада с другими дамами вывела ее на прогулку». Шамсоддин громко закричал и очень рассердился. Когда Кимия Хатун вернулась домой, она сразу почувствовала боль в шее и была неподвижна, как сухая ветка. Она закричала от боли и через три дня скончалась.”

Внезапная смерть Кимии была самым мрачным из многих трудных испытаний Шамса в Конье. Как бы неловко или чрезмерно он ни выражал свои чувства, Шамс пришел, чтобы леле-

ять Кимию. Конечно, ни один современный отчет не обвинял Шамса в ее убийстве. Тем не менее, тяжелые обстоятельства ее смерти и тень его собственного яростного гнева в те последние зимние дни не придали ему особой уверенности в его несвоевременной попытке жить оседлой семейной жизнью, в то время как трагедия усугубила полностью вернувшийся гнев Алаодина и его осмелевшей когорты. Руми сочинял строки о своей приверженности Шамсу, похожие на клятвы, которые включали его отказ слушать несогласных:

*Когда вы разговариваете с людьми,
запечатывают губы грязью, чтобы сахар
застрял за зубами, и уходите.
Скажи: «Эта луна для меня, остальное для тебя,
Мне не нужна семья или дом, я и уйду.
Кто эта луна? Лорд Шамс из Тебриза.
Шагни в тень этого короля и уходи.*

Однако по поводу смерти Кимии Руми публично хранил молчание. Переживает свою шокирующую потерю. Шамс покинул гарем, чтобы вернуться и жить рядом с портиком мадраса.

Над Шамсом нависло чувство неудачи. В то время как Руми начинал как его нетерпеливый ученик, а Шамс наслаждался силой своей независимости—своим опытом пожизненного странника—он пытался несколькими драматическими способами обеспечить их ценное общение. Шамс изменил его жизнь больше, чем Руми, и он пожертвовал большим. Он никогда не хотел оставаться в Конье, и, очевидно, после своего отъезда в Сирию не хотел возвращаться к определенным неприятностям, постоянно изучаемый сверкающими глазами врагов. Его брак с Кимией был его последней попыткой исправить ситуацию,

став стабильным членом большой семьи Руми. И все же Шамс не годился для семейной жизни. Когда он выходил из своей комнаты в гареме, практически изгнанный из этой семьи, он был сведен к нескольким ходам, загнан в угол и размышлял о значении этих зловещих признаков беды.

Крошечная камера Шамса в школе была гораздо менее безопасной, чем его периферийная комната с Кимией на краю гарема. Почувствовав слабость, Алаоддин и его союзники снова попытались изгнать Шамса из города, как будто приветственного юбилея девять месяцев назад никогда не было. Руми поместил Шамса в камеру, которую он прозвал “Местом Хезра”, ссылаясь на мистического друга Моисея в Коране, который посвятил его в тайные пути духовной практики. Как и в своих комнатах в торговом доме, Харнс запер дверь на всякий замок, чтобы обеспечить уединение и уединение, ii*0, в какой бы обстановке он ни оказался. Однако защитной руки Руми было недостаточно, чтобы защитить его от необъявленных ночных вторжений местной полиции и регулярных угроз его безопасности.

«Один инцидент был настолько печальным, что Шамс ждал два дня, прежде чем сообщить Руми. Эта стычка в его камере не была первой, или его предупредили, потому что он не спал всю ночь в ожидании какого-то инцидента. “Я не спал всю ночь”, - сказал Шамс, когда он рассказал о тревожной встрече. “Мое сердце трепетало.” Наконец, на рассвете прибыло несколько гвардейцев под командованием Аминоддина Микаила, важного лейтенанта и вице-короля султана, хотя он и не присутствовал. Они утверждали, что сам эмир приказал освободить камеру и Шамс должен уйти. Они также претендовали на авторитет Таджоддина Армави, высокопоставленного лейтенанта.

“Эта камера принадлежит уборщику, и теперь этот человек запирает ее на замок и говорит, что она принадлежит ему”. -

Шамс сообщил о бессвязных криках начальника охраны по-турецки. - Потом он сказал: "Мы с тобой разговариваем. Почему вы заперли эту камеру? Вы здесь не лицензированный инструктор. Мы с тобой разговариваем. Они вышвырнули тебя из города. Как они тебя называют? Притворство? Что? Притворство? Что?" Затем Шамс молча встал, еще не сказав ни слова: "Эти люди Аминоддина посмотрели на мое лицо и подумали, что им нужно поговорить со мной по-турецки. Они думали, что я не понимаю, о чем они говорят. - Это камера Мауланы," сказал я. - Это его библиотека. Я пойду и возьму ключ у Мауланы, и я открою дверь. 'Возьмите его,' сказали они. - Он лжет. У него есть ключ. Возьми у него ключ". - Один из них настаивал: "Зачем ты сюда идешь? Мы несколько раз тебя вышвыривали." Шамс спросил, действительно ли они были посланы соответствующими властями: "Я знаю характер Тадждоддина», - сказал он. "Мне нужны доказательства, если он говорит, что я собака и неверующий" (Тадждоддин, также известный как "Тебризи", был из родного города Шамса.)

Среди всех тревог и разрушений, вызванных тем, что они оказались в ловушке под наблюдением религиозного военного государства, хотя бы в его нижних эшелонах. Шамс в эти последние дни упорствовал в своем учении, в основном предназначенном только для Руми, в течение периода, который длился от недели до нескольких месяцев. У него все еще были важные темы для общения, которые, как он чувствовал, зависели от его существования и были ядром "работы", которую он намеревался закончить. Важным для него было послание любви и сердца, которое было великим вдохновением Руми. В персидском эпосе или духовной поэзии имя означало "книга", как в «Шахнаме», Книге царей, или «Ашрамаме» Аттара, Книге тайн. Для Шамса Коран был Эшкнамом, или Книгой Любви. Он также поднялся до поэтических высказываний о практике

кружения. “Танец людей Божьих нежен и невесом», - ликовал он. - Они похожи на листья, плывущие по реке.” То, что такие деликатные, деликатные уроки излагались в атмосфере, становившейся все более тревожной и опасной, только усиливало их чувство срочности.

Более темная и сложная тема начала появляться также в учениях Шамса Руми во время этой хаотической временной разлуки. Он показал, что его отъезд в Сирию был наглядным уроком, а не импульсом, и пригрозил еще больше таких уроков. - Если вы можете, - Шамс изложил свои намерения, - действуйте так, чтобы мне не пришлось путешествовать ради вашей работы и ваших интересов, чтобы работа могла быть завершена путешествием, которое я уже совершил. Так было бы лучше. Я не в том положении, чтобы приказывать вам путешествовать. Я могу взять на себя путешествие ради вас, чтобы вы могли стать более зрелыми. В разлуке вы говорите: «Эта степень заповедей или запретов была ничем. Почему я этого не сделал? Это было легко по сравнению с трудностями разлуки”

- Я просто говорил загадками, - продолжал он, распаковывая свою метафору. “Я должен был быть откровенным. Чего стоит эта работа? В ваших интересах я бы совершил пятьдесят путешествий. В противном случае, какая мне разница, нахожусь ли я в Раме или в Сирии? Неважно, нахожусь ли я в Каабе или в Константинополе. Однако это, безусловно, тот случай, когда разделение готовит и полирует. Итак, тот, который отполирован и приготовлен фллоном, лучше, или тот, который отполирован и приготовлен разделением? ... Была ли Маулана когда-нибудь счастлива с того дня, как я ушел? ... Чем глубже союз, тем труднее и тяжелее время разлуки”, - это был основной урок, проповедь, которую он хотел преподать своей собственной жизнью.

Из всех учений, которыми Шамс делился с Руми и которые

становились сырьем для поэзии Руми, он дал ему, возможно, самую центральную метафору в этих последних беседах; сравнивая эволюцию человеческого духа через работу разделения с приготовлением пищи. Этот образ—способ объяснить, как болезненная разлука может иметь благотворные результаты и как любовь, как человеческая, так и божественная, включает в себя как союз, так и разлуку, — стал постоянным мотивом в поэзии и разговорах Руми, знакомой и домашней аналогией того типа, который он предпочитал. Руми любил рассказывать о нуте, преображенном через страдания в кипящей воде кастрюли повара. Он также гораздо более лично выразил свои собственные страдания в пылу разлуки, которые обрушились на него из-за его любви к Шамсу:

*Вся моя жизнь свелась к трем словам—
Я был сырым, я был приготовлен, я был сожжен*

Он использовал почти ту же формулировку в менее точно разобранном крике из сердца в газели:

*Вся моя жизнь свелась к трем словам—
Я горел, я горел, я горел.*

Шамс был эмоционально захватывающим, когда он говорил о разлуке, особенно захватывающей для Руми, которая чувствовала огонь в его словах, но у него были мотивы для размышлений о разлуке, помимо поэтических и философских. Повседневная жизнь Шамса в Конье становилась все более опасной, и он постоянно сталкивался с трудностями. Инцидент в его камере не был единичным, и последователи Руми присоединились к когорте, идентифицированной с Алаоддином. Шамс избавил Руми от многих подробностей, хотя и

поделился своими опасениями с султаном Валадом, который позже вспомнил ультиматум Шамса ему: «Он сказал мне: «Ты их видел? Снова воссоединились из-за зависти друг к другу? Они хотят разлучить меня с Мауляной, которая гораздо мудрее всех остальных. Они хотят отделить меня и увезти. После меня они хотят быть во главе всего. На этот раз я уйду так, чтобы никто не смог найти, где я нахожусь. Все с треском провалятся, пытаюсь найти меня. Никто не сможет найти ни малейшей зацепки. Так пройдет много лет. Никто не найдет даже следа моей пыли. Когда меня долго не будет, они наверняка скажут, что думают, что меня убил враг», - он повторил свои слова несколько раз, потому что хотел подчеркнуть их.»

Когда он чувствовал себя особенно обеспокоенным. Шамс иногда обсуждал некоторые вопросы с Руми. Однажды его обвинили в воровстве, и он говорил с Руми явно расстроенным тоном. «Я даже не могу получить отдельный дом», - говорил он о своей хрупкой и нехарактерно зависимой жизненной ситуации. - Я не хочу, чтобы ты была здесь пленницей. Но я больше ничего не хочу от этого места, только чтобы иметь возможность видеть тебя». Он подчеркивал, что единственной привлекательностью для него в Конье был Руми, но что именно такая целеустремленность в конечном итоге может стать все большим бременем для них обоих. В других случаях, однако, он винил Руми за то, что тот не встал на его защиту и держал его вне поля зрения, как будто стеснялся его, или жил двумя своими жизнями в двух отдельных отсеках.

Одна из практик в доме Руми, традиционная в исламском ЛИДЖХ, выделявшая пятницы для общей молитвы и для семьи, заключалась в том, что он посещал общину в сумерках после вечерней молитвы, следуя за любой мечетью Цитадели или на территории дворца. Обычно мужчины сидели на верхнем конце длинного стола, на котором обычно раскладывали

хлеб или финики, женщины сидели дальше, в то время как Руми выслушивал заботы домашних, рассказывал истории или иным образом вкладывал свое обаяние в успокоение конфликтов. Он не приглашал Шамса на эти пятничные собрания, и Шамс был уязвлен. “Поскольку ни Маулана, ни я не любим проводить время без цели, мы, как правило, остаемся наедине друг с другом”, - пожаловался Шамс. “Поэтому каждую пятницу, когда он не берет меня с собой, я впадаю в депрессию. Почему я не могу быть включен в эту группу? Я знаю, что моя печаль не должна быть настоящей, но это так».

Иногда чувство предательства Шамса со стороны Руми прорывалось сквозь их взаимное обожание. Руми, казалось, пытался дистанцироваться от разрушительного присутствия Шамса, чтобы сохранить мир, особенно после смерти Кимии и обострившегося гнева Алаоддина, который должен был присутствовать на пятничных собраниях, где Шамс был исключен. “Я так расстроился, когда вместо того, чтобы ответить на них, ты промолчал”, - сказал Шамс, обращаясь к Руми, когда он не ответил на критику в его адрес, виды жалоб, делающие нападения возможными. “Вся моя обида возникла, когда они сказали эти вещи, а ты не ответил на них. Ты молчал. Ты знаешь мою преданность. Ты же меня знаешь. Но когда кто-то снаружи дома что-то сказал, ты не ответил.”

Этот или другой подобный инцидент не давал Шамсу спать по ночам. “Чтобы иметь возможность смотреть в глаза моему другу, я должен пройти через глаза сотни врагов”, - сокрушался он. - Прошлой ночью я думал о тебе и представлял твое лицо. Я мысленно спрашивал вас: «Почему вы не ответили этим людям ясно и прямо?» В моем воображении вы говорили, судя по выражению вашего лица, «мне стыдно за них», или «Я стесняюсь», или «Я не хочу, чтобы они расстраивались». Я разговаривал с тобой, и наш спор занял у меня много време-

ни.” Руми всегда был против открытого конфликта и, очевидно, вернулся к попыткам успокоить многочисленных критиков Алаоддина и Шамса, делая все возможное, чтобы успокоить всех пар, особенно после трудных событий зимы Шамс ясно почувствовал, что Руми недостаточно защищал его, и ему пришлось отражать угрозы, чувствуя себя менее уверенным в том, что Руми нуждается в нем так же, как и в их первые дни, но он не потерял контроль над своей мудростью и пониманием событий вокруг него. Его недавние беседы с Руми были глубокими в раскрытии природы любви, включающей страдание и разлуку,— послание, которое должно было стать еще более актуальным.

Однажды утром Руми прибыл в школу и, как обычно, отправился навестить камеру Шамса возле портика. Когда он вошел, то не обнаружил никаких признаков своего друга, кроме его кепки, пары ботинок и нескольких вещей, накопленных за время пребывания в Конье. Пропали личные вещи, которые Шамс носил с собой во время путешествия, предупреждая Руми о его отъезде. Учитывая мрачное настроение и трагические события последних месяцев, Руми понимал, что это поспешное бегство не просто соответствовало неуволимому характеру Шамса, но имело вид завершенности, которой не хватало даже первому исчезновению. Он с ужасом осознал, что его собственная попытка прожить жизнь в обоих направлениях только что провалилась. Руми ворвался в комнату султана Валада. “Бахаоддин, почему ты спишь?” он вскрикнул. - Встань и поищи своего шейха. Я не чувствую его милосердного присутствия где-либо поблизости.” “Когда Шамсоддина не нашли через день или два, - вспоминал султан Валад, - Мавлана начала плакать от боли.” Как сообщал Сепаксалар, от горя “Маулана ревел, как гром.”

ГЛАВА 9

«Я горю, стогаю, сторел»

Руми обошел безумие. Или безумие было просто единственным объяснением, которое самые близкие ему люди могли найти для его душераздирающего Коллапса после ухода Шамса. Даже пять десятилетий спустя, когда арабский писатель-путешественник Ибн Баттута проезжал через Конью, он все еще слышал истории о безумном поведении “шейха и благочестивого имама” Джалалоддина Руми после исчезновения похожей на Шамса фигуры, которая продала ему покрытые сахаром фиуты, заставив Руми оставить свой пост в колледже, чтобы преследовать его. “Впоследствии он вернулся к ним, спустя много лет, но он сошел с ума и говорил только на персидских рифмованных двустушиях, которые никто не мог понять”, - как Ибн Баттута записал местные предания. “Его ученики обычно следовали за ним и записывали эти стихи, когда они издавались им.”

Руми потерял контроль над собой в то утро, когда обнаружил пустую комнату Шамса, и вой и рыдания, слышимые по всей его школе и дому, продолжались днями, а не часами. Когда Шамс таинственным образом покинул город два года назад, Руми удалился в свои личные покои и закрыл дверь, позволив обвиняющей тишине заполнить коридоры до тех пор, пока виновные в этом громком событии не раскаялись. На этот раз все было совсем по-другому. Он был сосредоточен только на том, чтобы снова услышать неподражаемый голос Шамса и почувствовать “его милосердное присутствие”, как он сказал своему сыну, где-нибудь поблизости. Все претензии на поддержание его тщательно построенных двух жизней, которые так раздражали Шамса, были оставлены.

Их время вместе длилось всего около двух с половиной

лет, и за это время. Шамс исчез почти на год. Тем не менее, девять месяцев их совместной жизни прошли почти в уединении днем и ночью, когда они общались, разговаривали и делились секретами, в заметной скобке, которую Руми достаточно заботился, чтобы вырезать из середины своей занятой и уже завершенной жизни. Ничто даже отдаленно не напоминало интенсивность времени, которое он проводил с Шамсом, который справедливо сказал всего несколько недель назад, что он и Руми предпочитают общество друг друга поверхностности большинства других социальных жизней. Руми знал, что их связь уникальна. Все началось с взгляда, который пронзил его сердце. Теперь у него осталось воспоминание об этих обжигающих глазах и о той преобразующей правде, которую они сообщили ему. Это воспоминание заставило Руми испытать разрыв между сердцем и разумом.

После “дня или двух”, по словам султана Валада, Руми стал еще более публичным со своей истерией и горем, начав поиски Шамса по всей Конье. Такая широкая охота включала бы в себя все любимые” захудалые « места Шамса, такие как тавемы и армянские церкви, которые они посещали вместе, а также паровые бани в район Сревери. Обеспокоенная семья Руми, а также друзья и ученики пытались помочь. У него были хорошие связи в правительстве, и он мог привлечь к этой акции имперскую гвардию и полицию. Пророчество Шамса султану Валаду о том, что он исчезнет без следа, похоже, сбылось. “Они искали его в каждом переулке и доме”, - вспоминал султан Валад о погоне по всему городу, но никаких улик или зацепок не обнаружилось. - Никто из тех, кого я знаю, ничего о нем не знает. Никто не мог найти даже намек на его запах. Я, шейх, обезумел от разлуки.”

Не в состоянии найти его лично, оставаясь в надежде, если не в полном отрицании, Руми попытался воссоздать свою бли-

зость к Шамсу! снова лед в себе. Помимо его сосредоточенных заключительных посланий Руми о смысле разлуки. Шамс, по словам Сепаксалара, поощрял его продолжать практиковать саму. “Исполни сама!” - сказал Шамс. “Все, что вы ищете, будет получено в изобилии в себе”, - Руми относился к этому мистическому танцу, который они исполняли вместе, как к форме связи, хотя теперь «он бессвязно вращался вокруг отсутствия Притворства так же, как и практики просветления. Ему нужны были устойчивые ритмы, чтобы смягчить боль, и, как говорили, он кружился или неуверенно поворачивался вокруг шеста, произнося некоторые непонятные строки, которые слышал кто-то поблизости.

Вскоре Руми пригласил группу музыкантов, чтобы они тоже присутствовали, заполняя пустые места вокруг его одинокого танца. Традиционные инструменты, которые он выбрал, вернулись в Центральную Азию, культурную родину как его самого, так и Шамса. Решающее значение имело скорбное «нет», или тростниковая флейта, которая, по одной из историй, была впервые привезена в Анатолию на караване семьей Руми. Он стал ассоциировать каждый инструмент с муками любви. Смелая труба “пела” только тогда, когда прикасалась к губам игрока: “Без твоих губ. Я молчу.” Хорасани рабаб был голосом, слышимым только тогда, когда его гладили с поклоном. Руми представил, как его сердце дрожит, как бубен. В его интимную группу также входили арфа, которую он держал на коленях, барабаны, большие и маленькие, лютня тамбура и связка пандейских труб. Как он позже писал: “Иногда я-арфа, иногда-лютня, днем и ночью.”

Руми танцевал свое повторяющееся вращение под музыку до глубокой ночи, к ужасу своих измученных музыкантов, которые были настолько втянуты в дыру его отчаяния, насколько им было позволено действовать как целительная сила. Сул-

тан Валад записал эти безумные сцены, свидетелем которых он был: “Днем и ночью он начал танцевать саму, на земле, как прылка. Его голос и крик достигли неба. Все слышали его причитания, молодые и старые. Он раздал музыкантам золото и серебро. Все, что у него было в доме, он отдавал. Он непрерывно танцевал саму. Днем и ночью он не отдыхал ни минуты, так что музыканты не могли за ним угнаться. От того, что они так много пели, они потеряли голос. От пения у них болело горло. Все ненавидели золото и серебро. Все устали и были измотаны. Без вина у всех было похмелье. Если бы это похмелье было настоящим вином, оно исчезло бы вместе с большим количеством вина. Все устали от недосыпа. Их сердца были приготовлены не от огня, а от боли.”

Ответом Руми во время его первой и гораздо более мягкой разлуки было обращение к написанию стихов, чтобы направить свою боль, а также заманить Шамса вернуться с лестью и доказательством его творчества, которое его возлюбленная поощряла и лелеяла. Теперь Руми снова обратился к поэзии, но с менее блестящими результатами, столь же спотыкающимися в исполнении, как и его танец самы. Как сообщал Афлаки, “Маулана был чрезвычайно взволнован днем и ночью и не имел ни покоя, ни отдыха. Он постоянно ходил взад и вперед по двору мадраса, декламируя четверостишия.” Иногда он бормотал обрывки фраз. В другое время он, казалось,—в болезненных, иногда зловещих, часто грубо построенных строках—пытался закрепить на своем собственном здравомыслии так же, как на метрической территории поэзии. Темы склонялись к забвению или полному уничтожению в тени исчезнувшей возлюбленной:

*Ночь носит черное, чтобы показать нам, что она скорбит,
Как вдова, которая носит черное платье после похорон
своего мужа*

Он говорил об этих отчаянных стихах как о “кровавых”, поскольку они были наполнены жестокими образами, возможно, вызывающими страдание, вызванное его угрожающими мыслями. В одном из них он представил себе гору Синай, “покрытую кровью, жаждущую любви”, а в другом месте написал:

*Эта земля покрыта не грязью, а кровью
От крови влюбленных, ранами короля,
поставившего мат*

Написанные под давлением горя и полагающиеся на сердце и воображение, а не на интеллект для их быстро мелькающих образов, такие строки часто приближались к сюрреалистической непостижимости.

*Когда вода закипела, превратившись в ветер,
заставляя горы лететь,
Как солому, перед свирепым ветром, кружась и
распрямляясь
В потрескавшихся горах, были открыты глубокие шахты,
Где можно было увидеть рубин на рубине, сияющий, как
лунный свет,
В этом сиянии вы видели его, его лицо было фарфоровым,
как луна.
Его руки раскрыты, полны крови, как руки мясника.*

И все же “кровавые” отпечатки рук в этих стихах, возможно, также отражали мрачную возможность, которая, должно быть, играла в голове Руми и, конечно, в его самых тревожных фантазиях в его неустроенном состоянии, когда вопрос распространился по Конье: был ли Шамс убит? Атмосфера последних нескольких месяцев сделала такой поступок вполне

возможным. Слухи об убийстве циркулировали вокруг Руми, два из них— противоречащие друг другу—нашли свое отражение в более поздних отчетах Афлаки. В одном из этих мрачных сценариев. Вечером Шамс и Руми сидели вместе, когда астрангер подошел к двери и шепотом попросил Шамса выйти наружу. Шамс встал и сказал: “Они хотят убить меня», на что Руми ответил: “Возможно, такова воля Бога.” Шамс вышел на улицу, где на него набросились семь головорезов с ножами.

Его громкие крики заставили их всех одновременно упасть в обморок, а когда они проснулись, то не увидели ничего, кроме нескольких капель крови, без каких-либо других признаков их жертвы, и, по второму слуху, султан Валад, встревоженный сном, обнаружил труп Шамса на дне колодца и похоронил его в стенах мадраса. Руми никогда не одобрял подобных сообщений об убийстве Шамса, хотя они преследовали его стихи.

Однако почти столь же убедительным, как и нераскрытая тайна убийства, было бедствие в Конье и Мадрасе Ходавандгаре, которое позволило даже подозрению в убийстве Шамса Тебриза утвердиться, как это можно себе представить. Каким-то образом эта уникальная связь между Руми и Шамсом была достаточно нетрадиционной, чтобы привести окружающих к иррациональным и чрезмерным реакциям. Как описала их вызов Аймемари Шиммель: “Отношения между Мауляной и Шамсом не были похожи на традиционную любовь зрелого суфия к очень молодому мальчику, в котором он видел проявление Божественной Красоты и который, таким образом, является шахедом, живым свидетелем Божественной Красоты—действительно, показательно, что термин «шахед», любимый большинством персидских поэтов, редко встречается в творчестве Мауляны. Это была встреча двух зрелых мужчин.” Ирано-американский ученый Джанет Афари описала их связь как “более взаимную этику любви.” Руми и Шамс нарушали соци-

альные формальности, и их отсутствие четких границ вызывало беспокойство, поскольку культурная норма “любовника” и “возлюбленного” между мужчинами и мальчиками или даже между шейхом и учеником требовала, чтобы один партнер был мотыльком, а другой-пламенем.

Затем Руми сосредоточился на надежде, что Шамс был в Дамаске, где он впервые путешествовал где-то между зимой 1248 и весной 1249 года, а затем в одном или двух других случаях, один или со свитой. Какие бы провалы здравомыслия ни претерпел Руми в первые недели и месяцы их резкой разлуки, он сохранил достаточно присутствия духа, чтобы с устойчивой логикой преследовать уменьшающиеся шансы найти Шамса, в то же время стараясь сохранить свой дух, сшитый с ним через саму и поэзию.

Еще до отъезда из Коньи Руми ухватился за путешественников из Дамаска, надеясь услышать новости о Шамсе, его отчаяние делало его уязвимым. Как сказал Афлаки: “Однажды кто-то в форме Руми увидел Шамсоddина в Дамаске.” Руми стал более жизнерадостным, чем можно выразить словами. Все, что было на нем надето, он отдал этому человеку в качестве подарков—тюрбан, плащ и обувь. Близкий товарищ сказал: «Он солгал тебе. Он никогда его не видел, - ответил Руми, - я отдал ему свой тюрбан и плащ за его ложь. Если бы его новости были правдой, вместо того, чтобы давать ему отдав свою одежду, я бы отдал свою жизнь. Я бы пожертвовала собой ради него”. Это желание отдать или выбросить становилось все более экстравагантным.

Едва справляясь со своим повседневным существованием, Руми легко позволил бизнесу мадраса отойти на второй план, в то же время возложив ответственность за исчезновение Шамса на многих членов общины, особенно на его сына Алаоддина, с которым он отделился в этот период повышенных эмоций и

напряжения. Как писал Сехахсалар, “В течение этого времени тот, кого обвиняли в этой разлуке, не получал от него никакого внимания”. Когда он ушел, Руми поставил Хосама, молодого лидера местных рабочих, ответственным за поддержание порядка в повседневной работе школы. Он инстинктивно доверил власть только тому, кто был нарисован в маленьком, теплом кругу вокруг Шамса—образец, который он продолжал до конца своей жизни.

С Сирией, раздираемой гражданской войной и страдающей от голода и общего разорения, вызванного вторжениями многих армий крестоносцев, Дамаск, с которым Руми столкнулся по прибытии, не был раем блестящих интеллектуальных дебатов, оживленной торговли и монументальной архитектуры, свидетелем которых он был всего десять лет назад с удаленной точки зрения суфийского района Салехийе в студенческие годы. Однако круги, в которых он вращался, все еще были активны, и поэтому, по словам султана Валада, он ходил по улицам, “заглядывая в каждый угол.” Он проводил очень публичные сеансы сами, надеясь привлечь местных жителей, которые знали Шамов или могли иметь информацию, и он сочинял новые, тревожные газели, написанные на арабском языке. А8 он провозгласил свою миссию в третьем путешествии:

*В третий раз мчмся из Рима в Сирию,
В поисках его кудрей, темных, как ночь, в поисках
аромата Дамаска.
Если мой Мастер Шамс, Правда Тебриза, существует
Я буду Хозяином Дамаска, Хозяином Дамаска!*

Дамасский период поисков Руми Шамса длился около двух лет. После нескольких дней или недель прочесывания суфийских кварталов с теми же разочаровывающими результата-

ми, с которыми он столкнулся в Конье, Руми провел большую часть оставшегося времени, выискивая подсказки или слушая слухи, ожидая разговора с паломниками, возвращающимися из Мекки, или другими путешественниками, поскольку фравель был главной артерией связи. Он также культивировал саму и начал писать стихи с большей интенсивностью и частотой, чем когда-либо прежде. Накал истерии, достигший в Конье, не мог быть поддержан, и он начал обнаруживать в своих новых стихах и песнях не только выражения боли, но и намеки на любовь.

Руми инстинктивно полагался на то, что повернется после исчезновения Шамса, чтобы подавить панику и каким-то образом остаться ближе к своему спутнику, подражая ему в то время, когда он не мог думать ни о чем или ни о ком другом. Его интуиция относительно его потребности в тот момент в себе была положительной. Философ Мохаммад аль-Газали, с интеллектуальным наследием которого Руми и его отец столкнулись, особенно в Багдаде, в обширной пустыне, в Сахре, его местоположении за пределами всех мест и категорий, его абстрагировании от повседневной жизни, его трансцендентности. Руми обращался к Шамсу как к своему "государю", или, по-гречески, как к афентию или агапосу, почитаемому и любимому, и использовал различные другие прославляющие его термины;

*Я дал ему так много имен, совершенных и несовершенных,
Но поскольку он уникален, у него в сто раз больше*

Одним из элементов традиционной персидской поэзии, с которым Руми начал экспериментировать в этих стихах, поскольку он, казалось, снова контролировал свой метод композиции, был тахаллос, поэтическая подпись или псевдоним,

зарезервированный для последней строки газели, также романтизированной как “застежка”, удерживающая вместе низанные жемчужины отдельных строк в ожерелье. Руми избегал использовать свое собственное имя в качестве тахалло. Только однажды, в раннем, непрозрачном стихотворении, он попытался использовать свой титул, дарованный ему отцом, в качестве ярлыка в более традиционной манере:

*Джалалоддин, ложись спать и перестань писать
Просто скажите: ни один леопард
не может найти такого уникального льва.*

Многие из стихотворений о кризисе были непослушными и вообще не имели отшлифованной финальной строки. В некоторых Руми резко объявлял:

“Бас” или “Хватит!” Тем не менее, он приблизился к изобретательному тахалло, закрыв несколько из них словами “Хамуш!” или “Тишина”, указывая на приближение к мистическому состоянию неведения, а также на сдержанность в названии своего вдохновения:

*Молчи, мой язык, так как мое сердце горит.,
Твое сердце тоже будет гореть, если я скажу о
своем горящем сердце*

Прорыв для Руми произошел, когда он, наконец, смог назвать Шамса в своих стихах, как будто то же самое разрушение стены между его внутренней и внешней жизнью, которое было вызвано исчезновением Шамса, также должно было произойти в его поэзии. Этот переход был осуществлен в одной решающей газели, где он драматизировал образное видение, напоминающее видения во сне, которые он испытал во время

челле, включая голос мудрости:

*Однажды ночью я проснулся в полночь,
Не в силах найти свое сердце, я искал повсюду,
По всему дому. Куда он делся, Когда, наконец,
Я обыскал каждую комнату, я нашел бедняжку,
Плачущую в углу, шепчущую имя Бога и молящуюся.*

Когда он подслушивал молитву своего собственного сердца, Руми услышал, как он признался, что трепещет из-за того, что когда-либо произносил имя своей возлюбленной, опасаясь, что его тайна будет украдена кем-то, кто может подслушивать. Руководящий голос приказал ему произнести имя:

*Голос взывал к сердцу: "Произнеси его имя.
Не беспокойтесь о других, смело произносите его имя,
Его имя- ключ к желаниям вашей души.
Произнесите его имя сразу, чтобы он быстро открыл дверь"*

Сердце поэта оставалось встревоженным, несмотря на божественное вмешательство, до тех пор, пока, наконец, на рассвете не взошло солнце—надежный код для Обмана—и сердце взвизгнуло: "Тебриз!", распутанное этими усилиями, как гав и основа ковра. Стихотворение заканчивается радостным признанием Руми:

*Когда я терял сознание, имя Шамсуддина,
Этого океана щедрости, было выгравировано в моем сердце*

Открыв дверь, когда он описывал это ощущение, Руми обнаружил, что в сердце его поэзии есть разрешение произносить имя своей возлюбленной, идущее против всякой осто-

рожности и секретности, в персидской поэтической традиции такие любовные стихи писались только молодым, а не зрелым мужчинам, и личные имена редко, если вообще когда-либо, использовались, за исключением имени покровителя или собственного псевдонима поэта тахаллос. Руми подробно рассказал о ходе своей эволюции к этому освобождению. Он не только мог говорить о Шамсе в коде, но теперь он мог также нагло произносить имя Шамса в строках своих стихов, смелая прозрачность, которую он находил волнующей и вдохновляющей, когда он использовал эту новую свободу рапсодически:

*Не один я продолжаю петь, Шамсоддин и Шамсоддин
Соловей в саду поет, куропатка в горах. ..
День великолетия, Шамсоддин, возвращающиеся небеса,
Шахта драгоценных камней Шамсоддина,
Шамсоддин, день и ночь, Шамсоддин.*

В изобилии заклинательных стихов, которые последовали за этим, были строки, раскрывающие веру Руми в то, что повторение имени Шамса освободило его дух от скрытого страха, который способствовал их болезненной разлуке, и придало блеск и сияющую искру его искусству и поэзии:

*Произносите имя Шамсоддина каждое мгновение
Пока ваши стихи и песни не начнут сиять красотой*

Называть имена было смелым личным шагом для Римии, особенно учитывая его общественное положение. Его следующие шаги, однако, были еще более радикальными, когда он начал писать стихи, которые выходили за рамки всего, что осмеливалось до сих пор ни в персидской лирической поэзии, ни в мусульманской религиозной поэзии. Новизна для Руми не

имела значения. Он не был заинтересован в том, чтобы стать поэтом поэта. Тем не менее, пытаясь выразить свою любовь к Шамсу, он был вынужден силой страсти порвать с традицией.

Его новшество в персидской лирике состояло в том, что он начал использовать в качестве своего тахалло, или подписи, имя Шамса Тебризского, а не свое собственное. К концу своей жизни он написал почти тысячу стихотворений, в которых упоминался Обман или заканчивалось его имя. Самые необычные, вероятно, относятся к периоду его жизни в Дамаске, когда он был вдали от осуждающих глаз и ушей, окружающих его в Конье. Его воодушевляла поэтическая вольность, которую, как он чувствовал, давало ему его собственное сердце, реагирующее на божественные побуждения и позволяющее ему быть одновременно романтичным и религиозным. Как он написал в одной газели, составленной во время поисков Шамса, используя свой специальный тахаллос;

*Интересно, куда делся красавец возлюбленный?
Интересно, куда делся этот высокий, стройный кипарис?
Он распространял свой свет среди нас, как свечу
Куда он делся? Так странно, куда он делся без меня?
Весь день мое сердце трепещет, как осиновый лист.
Совсем один в полночь, куда делся этот возлюбленный? .
Скажи мне ясно. Шамс Тебриза,
О ком говорят: "Солнце никогда не умирает!"—Куда он пошел?*

Принятие Шамса в качестве своего тахалло было оригинальным решением затруднительного положения Руми. Он дерзко намекал, что не является автором собственных стихов. Шамс писал стихи через него, а он был всего лишь чернильной ручкой или бумагой;

*Говори, Солнце Истины и Веры, Гордость Тебриза,
Ибо твой голос говорит через все мои слова!*

Руми довел понятие музыки до крайности, так что он был не просто вдохновлен, но и проникнут произнесенным словом Шамса, продиктованным через него. Эта рамка для понимания поэзии—особенно этих лирических любовных стихотворений— навсегда осталась прикрепленной к ним, в понимании Руми, и в их общественном восприятии. Когда позже эти стихи были собраны в сборники, или диваны, некоторые из которых датировались несколькими десятилетиями после смерти Руми, они назывались «Диван - э Шамс-э Тебризи» («Собранные шамсы Тебриза»), или «Коллият-э Шамс-э Тебризи» («Полные шамсы Тебриза»), или «Газали - йят-э Шамс-э Тебризи» («Шамсы тебризских газелей»). (Эти самые ранние сборники были оценены как подлинные благодаря использованию местного хорасанского написания Руми для персидских слов, а не анатолийского, аналогично различиям между британским английским и американским.)

Затем Руми сделал последний шаг, наделив Шамов пророческими или даже божественными силами, что было столь же сложным для мусульманской ортодоксии, как использование музыки и танца в себе. Казалось, чем меньше шансов у Руми было на то, что они воссоединятся лично, тем больше Притворства начинало сливаться в его сердце с самим источником любви. Ученый Руми Франклин Д. Льюис написал, что «У меня, вероятно, не было прецедента обращения к любому человеку, кроме пророки», как Руми в одном случае восхвалял Шамса как «свет, который сказал Моисею:» Я-Бог, Я-Бог, я-Бог». « Никогда в классической персидской поэзии возлюбленный не был обожествлен как горящий куст, через который Моисей услышал голос Бога, или как киблу влюбленного,

тролем II династии ханов, под переходным правлением персидского союзника монголов, ответственного за сбор налогов и дани своим правителям. Стихи Руми того периода усеяны упоминаниями о Тебризе, как будто возможность возвращения Шамса домой постоянно возникала—либо из сообщений, либо из-за страстного желания его друга, чтобы они отправились туда вместе. В этих последних стихотворениях Тебриз остается отдаленным местом ума, а не, как Дамаск, реальным местом:

*Когда я поехал в Тебриз, я говорил с Шамсоудином
О единстве Бога, не нуждаясь в словах*

По крайней мере, один раз Руми услышал новости о Шамсе в Тебризе, которые были достаточно убедительными, чтобы он написал стихотворение о возможности того, что он жив, более интуитивное, чем его причудливые выплаты незнакомцам, утверждающим, что их видели здесь или там. Руми сравнил прием этой новости с коранической историей об отце Иосифа, Иакове, уловившем запах своего исчезнувшего сына, который, как говорили, был убит и сброшен в колодезь своими братьями—подозрительно похожий на слухи об убийстве Шамса:

*Рубашка Джозефа и его запах пришли!
Следуя этим двум знакам, несомненно, он тоже придет!*

Финал газели уверенно фиксирует местонахождение живого Шамса в Тебризе:

*Ты просил, чтобы пир с небес Поднялся и приготовился.
Стол опускается.
Хорошие новости, Любовь моя! От Шамсоудина,
В Тебризе появился новый знак!*

Наконец, хотя, скорее всего, в Дамаске, около 1250 года, Руми услышал некоторое подтверждение смерти Шамса, что заставило его решительно взглянуть в лицо своим худшим страхам, которых он избегал так же, как и преследовал в течение последних двух лет, и вместо этого принять позицию траура и больше не питать надежды. Тон его письма, речи и чувств по поводу Шамса изменился. Он двигался скорее к принятию, чем к отрицанию. Из него лилась классическая элегия, вместилище его горя, наполненное горячими, но не истерическими слезами, каждая строка триоди заканчивалась печальным радифом: "плачь":

*Если бы мои глаза могли полностью плакать
Об этом великом горе Дни и ночи, до рассвета, я бы
только плакал....*

*Смерть глуха к скорби и не слышит плача,
Иначе с пылающим сердцем он плакал бы.
Смерть-палач без сердца,
Даже если бы у него было каменное сердце, он бы заплакал.*

Благородная ода заканчивается в режиме скорби, необычном для сочинений Руми о его личном солнце:

*Шамс из Тебриза ушел, и кто.
Будет ли плакать этот величайший человек среди людей?
В мире сущностей он наслаждается своей свадьбой.
Но в нашем мире простых форм, без него, мы плачем.*

Руми, возможно, никогда не знал точной причины смерти Шамса или его последнего места жительства, и он, похоже, решительно отвергал все слухи об убийстве до конца своей жизни. То ли намеки, то ли сомнения росли и падали на протяже-

нии многих лет, неизвестно. Никто никогда не узнает правды о туманных обстоятельствах смерти и похорон Шамса, которые в то время были столь же таинственными и неясными—что не совсем удивительно для одинокой фигуры, уже немолодой, возможно, путешествующей инкогнито и без свиты. Гробницы для Шамов существуют в Конье, Тебризе и Мултане, Пакистан—самая древняя в Хое, городе недалеко от Тебриза на главной дороге из Коньи, его могила с инкрустированным минаретом, датируемая по меньшей мере 1400 годом.

Тем не менее, принятие Руми смерти Шэма освободило его, а также освободило Шамса, чтобы снова жить в поэзии Руми как состояние бытия, как простого смертного. В течение оставшегося времени пребывания Руми в Дамаске он примирился с этой окончательностью, позволив себе измениться изнутри, чтобы стать тем человеком, которым он хотел быть после ухода Шамса. Когда Шамс уехал в Алеппо четыре года назад, Руми обнаружил, как сильно он полагается на изменчивого учителя в своем новом образе жизни. Теперь ему нужно было смириться с тем, что отсутствие Шамса было постоянным. У него был выбор: вернуться в Конью побежденным, снова надеть тюрбан и мантию, чтобы прожить свою жизнь с уважением, если, возможно, его немного пожалеют, или взять на себя ответственность за воплощение свободы и любви, которые Шамс стремился передать. Сделать это означало претерпеть те изменения в жизни, которые характерны для молодых людей, переходящих из подросткового возраста во взрослую жизнь, но более редки для мужчины в возрасте сорока лет.

Султан Валад писал о превращении своего отца в Дамаске в технических терминах средневековой теологии—его отец превратился из “благочестивого человека” в “мистика”. “Благочестивый человек”, объяснил султан Валад, послушно следует религиозным законам, веря, что “Если я буду совершать добрые

дела, меня не потянет ко злу.” И все же мистик, писал он, “Из любви говорит: «Что произойдет?» В состоянии изумления он ждет, что сделает Бог”. Султан , Валад, вероятно, узнал об этом отличии от своего отца, кто в то время сочинил еще одну элегию для Шамса, раскрывающую аналогичное понимание его перемены;

*Каждый рассвет, как осеннее облако,
Я проливаю слезы у твоей двери,
А затем вытираю слезы из твоего дома рукавом.
Куда бы я ни отправился-на восток или на запад,
или в небо, - я не увижу никаких признаков жизни,
пока снова не увижу тебя.
Я был благочестивым человеком в этой стране.
Я держал кафедру.
А потом судьба заставила мое сердце влюбиться и
танцевать вслед за тобой.*

Последние дни Руми в Дамаске были более спокойными и официальными. Безумие Коньи для него утихло. Позже Афлаки рассказал о времени, проведенном Руми за учебой в компании местного лидера суфийской общины Дамаска, которого он “очень любил.” Он явно избегал Коньи, места, где было так много боли и нервного срыва, и теперь был готов вернуться. В другом наборе суфийских терминов он перешел от «Клевера» к “возлюбленному”, найдя источник силы и мудрости, которыми он восхищался и которых ему не хватало в Шамах внутри себя. Интеграция, которую он испытал в своей поэзии, произошла и в его жизни. По версии султана Валада, Руми открыл Шамса “в самом себе, сияющем, как луна.” Когда он прямо повторил слова своего отца, то ли из стихов, которые читал Руми, то ли из близкого исполнения;

*Он сказал: "Поскольку я-это он, кого я ищу?
Я такой же, как он. Его сущность говорит!
В то время как я восхвалял его доброту и красоту,
Я сам был этой красотой и этой добротой.
Конечно, я искал себя "*

Примерно в возрасте сорока трех лет Руми вернулся в Конью, редко покидая ее снова. Многое произошло в столице с тех пор, как он был молодым человеком, в то время как его отцу был оказан королевский прием, когда его семья впервые прибыла два десятилетия назад. Его собственное возвращение теперь было совсем другим, поскольку те позолоченные и полные надежд дни давно прошли. Великий защитник своего отца и Сельджукской империи Кайкобад I умер более дюжины лет назад. Точно так же распутный и неумелый сын Кайкобада, Кайхос - ряд II, умер четырьмя годами ранее—после того, как временно успокоил монголов слабой финансовой сделкой. Он оставил после себя беспокойный триумвират из трех молодых принцев, все моложе двенадцати лет—Эззоддина, Рокноддина и Алаоддина, сына любимой жены султана, Гойдзи Хатун.

Эти королевские особы и их махинации были для Руми чем-то большим, чем далекие шахматные фигуры. Он вернулся в Конью гораздо более откровенной фигурой, чем уехал,— менее "благочестивой", говоря словами как его сына, так и его самого, Эти ключевые личности сельджукского двора оказались бы гораздо более снисходительными и покровительственными, чем некоторые из наиболее честных членов религиозного истеблишмента в городе, и его отношения с ними часто были довольно близкими. Мать или мачеха всех трех султанов, Горджи Хатун стала центром круга знатных женщин, преданных Руми, и была тепло упомянута в хвалебной поэме, написанной султаном Валадом. Существует по меньшей мере девять писем Руми

к султану Эззоддину, в которых он называл Эззоддина своим “сыном”, а себя—“отцом”. Взаимная любовь также связывала его с Каратаем—освобожденным греческим рабом, ныне регентом, истинной властью, стоящей за всеми тремя тронами между 1249 и 1254 годами, - чьи “ангельские качества” Руми когда-то перевозносил.

Каратай особенно помогал уберечь Конью от разрушения и лишить ее всей красоты и утонченности, свидетелями которых Руми только что стал в Дамаске. Действительно, столица переживала сладкозвучный и витиеватый всплеск в своем искусстве и архитектуре, что придавало теплый контекст желанию Руми жить духовной жизнью музыки и поэзии. Символом этой поздней фазы империи Сеюк в Конье был мадрас, построенный Каратаем как его собственное наследие, богословская школа напротив Цитадели, на полпути к Мадрасу Ходавандгар, который был закончен в 1251 году, как раз когда Руми возвращался из Дамаска. Его архитектура была явным отходом от трезвости мечети Алаоддина в сторону более утонченного сельджукского классического стиля— покрытого бирюзово-голубой глазурованной плиткой, окруженного полосами куфических надписей, с резными переплетающимися треугольниками, ведущими к открытому куполу. Белые, голубоватые, черные и бирюзовые плитки купола образовывали сложные узоры из звезд. Ночью настоящие звезды, видимые в круге купола, отражались в бассейне внизу, и этот эффект никогда не терялся для Руми, для которого отражения усиливали его метафорический способ видения:

*Так же, как вода отражает звезды и луну,
Тело отражает ум и душу*

Если жизнь Руми была нарушена Обманом, то же самое

произошло и с семьей, к которой он вернулся, хотя и в том смысле, который был установлен на ранней стадии их первыми реакциями на незнакомца из Тебриза. Керра довольно легко справилась с трансформацией своего мужа после Дамаска. Она всегда проявляла склонность к магической духовности снов и видений, а также парящих джиннов и скрывающихся водных монстров. Многие из самых невероятных историй о Руми после его смерти—например, о том, как он был перенесен в Мекку во время молитвы и вернулся с пылью на ногах—были прослежены до нее. Из двух своих сыновей, обоим было за двадцать, султан Валад укрепил свою роль послушного фаворита отца. Однако его образ белой овцы был запятнан некоторыми, такими как Керра, которая жаловалась на его жестокое поведение, с точки зрения отца, по отношению к другим членам семьи в гареме. Более измученный Алауддин покинул Конью на некоторое время после исчезновения Шамса, пристыженный тем, что его отец обвинил его в его роли в этих событиях—отчуждение между ними так и не полностью излечилось при жизни Алауддина. Третий сын Руми, Мозаффаруддин, маленький мальчик, все еще находился в гареме со своей сестрой Малеке; в течение десяти лет обоим детям нужно будет решить, вести ли меркантильную жизнь, чтобы стать суфиями.

Когда Руми вернулся из Дамаска, он, как всегда, перемещался между двором, семьей и школой, но все же каким-то образом изменился. И эта перемена стала следующей загадкой для тех, кто его окружал, чтобы заметить и попытаться понять. В отличие от Шамса, действительно аутсайдера, не заинтересованного ни в каком месте или учреждении, Руми всегда был полноправным членом религиозного и правящего класса Коньи, и его комментарии и действия были примечательными, особенно учитывая продолжающуюся драму его публичного обожания Шамса. Вернувшись в Конью, он понял, что снова

выходит на сцену. Он занимался своими делами с тем видом одиночества, находясь среди людей, которым советовал Шамс. И все же теперь он не был пугающей или отчужденной фигурой для большинства. Он превратился в гораздо более доступного и заботливого религиозного лидера, без притворства, добродушного, скромного и простого в подходе, живущего по-новому в своем старом городе.

Многие истории о Руми после его возвращения из Дамаска сообщают о тихих актах доброты по всему городу. Типичным был друг, который рассказал о том, как Руми попросил его купить два лотка вкусных деликатесов на рынке. Отдав их Руми, он завернул их в ткань и ушел. Любопытствуя, друг последовал за ним и обнаружил Руми внутри разрушенного здания, кормящего лакомствами собаку, которая родила щенков. Когда с ним столкнулись, он объяснил: “Эта несчастная собака ничего не ела в течение семи дней и ночей, и из-за своих щенков она не может уйти,? Такая милость Руми, описанная как ходьба с опущенной головой, говорила со всеми жителями Коньи, его смирение и доброта понимались как добродетельные как христианами, так и иудеями и мусульманами.

Он появлялся повсюду, смешиваясь со всеми, в самых разных ситуациях. Многие из тех, кто его окружал, хотели защитить его, держа его в стороне и с достоинством. Но своим поведением он неоднократно показывал, что изменился. Однажды он присутствовал на сеансе сэма, где молодой человек задел его во время танца, и ученики Руми сказали резкие слова чрезмерно возбужденному суфию о его приличиях. Руми быстро оборвал их, отказываясь держать в изоляции или задевать чьи-либо чувства во имя благочестия;

Моя доброта такова, что я не хочу, чтобы из-за меня пострадало чье-то сердце. Когда кто-то в толпе в самое натягается на меня, некоторые из моих друзей пытаются помешать им, но

мне это не нравится. Я уже сто раз говорил, чтобы ты не настаивал на том, чтобы говорить за меня. Только тогда я буду доволен.

Он также был смелым и энергичным в организации своих собственных сеансов самы на публике, проводя четкую линию, чтобы показать, как он относится к этой проблеме музыки, танца и песни в религиозной медитации и молитве. Хотя он был чрезвычайно добр, он также был воодушевлен и непоколебим в своей решимости. Как вспоминал султан Валад, подчеркивая свое удивительное оживление: «Он отправился в Дамаск, как куропатка, и вернулся в Рум, как сокол. Капля его души стала такой же широкой, как море. Степень его любви стала еще больше. Потому что он стал таким, никогда не говорите: «Он не нашел его». Что бы он ни искал, он действительно нашел. Он снова собрал всех музыкантов, на крыше и во дворе. Не отличая головы от ног, он кричал изо всех сил, его голос был неистовым. Его любовь была наполнена волнами, как бурное море. Все были поражены.»

Пытаясь понять смысл своего времени с Шамсом и его уроки для дальнейшей жизни, мысли Руми часто возвращались к любимому Суфийскому представлению о необходимости живой духовной мировой оси, известной или анонимной, которая была центром любви и понимания в его время и от которой зависело благополучие всех людей. Позже Руми объяснил эту тонкую, неуловимую концепцию в книге II своего Маснави;

*В каждом веке появляется святой
Поскольку испытания продолжаются до конца времен,
Когда те, у кого добрые души, будут освобождены. ..
Он-светильник, дающий свет другим святым,
Меньшие святые подобны нишам светильников,
отражающим его свет.*

Руми никогда прямо не говорил, что считает Шамса святым святых своей эпохи. Он не пытался технически поместить его в сложную иерархию суфийской духовности, оставаясь таким же осторожным или двусмысленным в этом вопросе, как и во многих богословских вопросах. И все же во всех своих оборотах он подразумевал, что действительно верит в то, что Шамс был такой возвышенной фигурой. Он ходил по Конье в поисках отражения такого света в людях, которых встречал каждый день.

С течением десятилетий, особенно бурного десятилетия 1240-х годов, султан Валад стал представлять жизнь своего отца схематично, следуя основным контурам, но убирая их в определенные квадраты и коробки. Как его сын описал жизнь своего отца, безумные поиски Руми Шамса были разрешены к 1250 году, когда он вернулся в Конью, достигнув уровня посвящения. Тем не менее, Руми на самом деле оставался судорожно страдающим от своих болезненных воспоминаний о потере Шамса на протяжении всей своей жизни, раскрывая или скрывая эту тайну разными способами. Точно так же подразумевалось, что его “Собрание шамсов Тебриза” или, по крайней мере, тысяча или около того стихотворений, явно называющих Шамсоддина, были написаны во время их совместной работы, особенно во время поисков в Сирии. Логически, если бы Руми понимал необходимость живого духовного святого, он бы не продолжал призывать дух Шамса в поэзии. Тем не менее, он продолжал писать стихи о любви, которые указывали именно на такую композицию, как в одной мучительной поздней газели:

*Я состарился, оплакивая его, но скажи слово “Тебриз”
И вся моя молодость возвращается ко мне*

Руми продолжал чтить память Шамса и отмечал его постоянное присутствие, его несокрушимый дух. Он часто посещал камеру Шамса в портике мадраса. Вспоминая свое собственное прозвище - Шамс, Руми, по словам Афлаки, "однажды опустил голову перед дверью комнаты Мауланы Шамсоддина и красными чернилами написал своим благословенным почерком: "Место возлюбленной Хезра». Много лет спустя, когда Руми услышал, как кто-то делает ремонт и забивает гвоздь в стену камеры, он закричал: "Они не боятся забивать гвоздь в этом месте? Не позволяй им сделать это снова. Я представляю, как они вбивают этот гвоздь в мое сердце!" Никто не мог провести время в Мадрасе Ходаванд - гар, не почувствовав резонанса длительного воздействия Шамса на Руми. В его ауре одиночества и отсутствующем взгляде было отсутствие единственного человека, который мог бы его понять.

Даже манера Руми одеваться была для него постоянным напоминанием о Шамсе. В знак уважения, когда он принял смерть Шамса, Руми отложил в сторону белый тюрбан, который до этого времени был его головным убором, стандартным обозначением ученого и зрелого религиозного лидера, и вместо этого обернул голову дымчатым тюрбаном. Он также избавился от своей мантии юриста с широкими рукавами, похожей на мантию атаби, которую носили ученые в Багдаде, сделанную из мерцающего шелка. Он смастерил недорогой плащ фараджи, сотканный из толстой льняной ткани, изготовленной в Индии или Йемене, и выкрашенный в темно - синий цвет. Такова была одежда, связанная с путешествующими суфиями, их темные оттенки маскировали засохшую грязь дороги, в то время как Руми ассоциировал их также с насыщенными фиолетовыми оттенками раннего утреннего неба;

*Встает утро и обнажает свой отполированный клинок,
В небесах вспыхивает свет, белый, как камфара,*

*Суфий небес намеренно разрезает свою голубую
мантию и шаль
Вниз, пока не коснется пупка.*

Темно-синий и фиалковый цвета также были цветами скорби и печали в средневековом персидском обществе, и члены семьи носили синюю одежду так же часто, как и черную во время своих сорока дней скорби, как сообщил Афлаки: “Это была его одежда до конца его жизни.”

ГЛАВА 10

В прошлом году в красном плаще... в этом году в синем”

Однажды Руми, в приподнятом настроении, шел по улице в квартале ювелиров в районе коммерческого рынка Коньи. Когда он случайно проходил мимо знакомой маленькой лавки Салаха, звук размеренного стука золотых дел мастера музыкально поразил его слух. Он откликнулся на ударные ритмы и, согласно истории, рассказанной Сепаксаларом, “начал спонтанно кружиться на улице: «Когда Салаходдин увидел свою саму и его движение в ритме его удара, он не прекратил стучать молотком, не заботясь о повреждении золота. Через некоторое время Салаходдин вышел из своей лавки, чтобы спокойно побеседовать с Мауляной.” Когда Сепаксалар рассказывал об их знаменательном воссоединении, “Салаходдин отполировал свое внутреннее зеркало, поговорив с Мауляной.”

Эти двое знали друг друга в течение двадцати лет, особенно запомнились первые дни, когда Руми и Шамс впервые встретились, и Салах открыл свой дом для двух мужчин, предоставив им безопасное убежище, в то время как многие из семьи и школы Руми, за пределами этих стен, становились раздраженными и взволнованными. За его доверие и участие в особое время, которое держалось в секрете от большинства других, Руми лелеял Салаха. В тот день, когда он начал кружиться перед своим магазином, они с Салахом разделили волшебный момент узнавания, возродив воспоминания о том, как Руми впервые увидел Шамса за пределами гостиницы по крайней мере шесть лет назад. После этой встречи Салах стал вторым из трех возлюбленных, занимавших центральное место в жизни Руми.

Салах также был живой связью с первоначальным наставником Руми, Борханом, и, таким образом, с духовным насле-

дием потерянного мира Хорасана и отца Руми. И Салаху, и Руми помог Борхан, который признал в Салахе обещание из-за того, что он внимательно следовал строгому режиму Борхана в посте и медитации. Дочь Салаха Фатема вспомнила случай в их доме, когда Борхан указал на разные темпераменты Руми и ее отца. Если традиционный учитель того времени передавал свой стиль и поведение своим ученикам, Борхан говорил о разделении этого наследия: “Я передал свою красноречивую речь Джалалоддину, поскольку он уже обладал обильной духовной силой. Я даровал свое прекрасное духовное состояние Салаходдину, так как он не способен ни к какой форме красноречия.” Ни одна черта Салаха не была прокомментирована больше, чем его невнятная манера публичных выступлений.

Руми был членом персидской культурной элиты, благодаря не только своей семье, но и особенно своему погружению в разреженную университетскую атмосферу Багдада, Дамаска и Алеппо. Салах, если он вообще читал, никогда даже не посещал мактаб, начальную школу, в которой основное внимание уделялось чтению, письму и чтению Корана, столь важным в жизни Руми, когда он был мальчиком в Центральной Азии. Персидский и арабский языки Салаха были сломаны. Когда он вернулся в рыбацкую деревню Камеле после отъезда Борхана в Кайсери, Салах легко вписался в простую деревенскую жизнь своего отца, Фаридуна, и матери, Латифе. Он женился, и у него было несколько собственных детей. Вернувшись в Конью, по словам Афлаки, он и Руми затем пошли разными путями, предложенными Борханом: “Пока Маулана занимался изучением религиозных наук, диспутами, преподаванием и проповедями, Салаходдин стремился в своей ювелирной мастерской зарабатывать на жизнь, приобретая власть в своем духовном состоянии.”

Более близкий по возрасту к Шамсу, чем Руми, Салах выре-

зал в своем магазине сказочную фигуру сморщенного мистика. Он был особенно склонен видеть цветные огни и видения из мира, видимого только внутренним взором, возможно, усиленные крайностями его поста “Я вижу так много чудесных огней”, - сказал он Руми. В другое время он говорил: “Я видел океан белого света”, или “Я вижу океан темно-синего света”, или “Я вижу зеленый свет, и я вижу желтый свет. Я вижу дымчатый свет, и вот, океан черного света взбудоражен волнами.” Когда султан Валад спросил своего отца, было ли их возобновленное общение основано на этих галлюцинаторных видениях, Руми ответил: “Нет, скорее, я люблю его из-за его характера и нашей особой близости.” в большинстве стихотворений, которые он начал писать, вызывая Салаха, Руми подчеркивал его потустороннее поведение и его далекий взгляд:

*Этот лев-охотящийся на оленя; ясно по его глазам.
Бродит по другой пустыне, за пределами неба и земли*

Руми не стеснялся использовать Салаха в качестве замены Шамсу. Логика средневековых суфийских представлений о любви и святости привела его к пониманию того, что любовь в человеческих сердцах универсальна и, следовательно, подобна. Жизнь духа требовала, чтобы два сердца бились как одно, чтобы сработала его алхимия. Руми прозрачно написал о том, как он заменил Салах на Шамса, после того как они после обеда танцевали и разговаривали у его магазина;

*В прошлом году в красном плаще он поднялся, как луна.
Только чтобы вернуться в этом году, в синем
Турок, которого вы видели в прошлом году в Туркестане,
Вернулся в этом году как араб,
Тот же возлюбленный, но в другой одежде,*

*Он переоделся, а затем снова появился
Вино то же самое, но в другом бокале.*

Обозначая растущее притязание Салаха на его сердце, Руми начал опускать свое имя в стихи. Сначала он осторожно представил его в строках, относящихся к «ювелиру» или «тиглю», так же, как он сначала замаскировал имя Шамса в арабском слове, означающем «солнце». Наконец, он упомянул Салаха непосредственно в стихотворении, которое все еще носило имя Шамса в качестве своего тахалло, достаточно скоро продвигаясь вперед, чтобы рекламировать его имя как нового тахалло во многих из более чем семидесяти любовных стихотворений, вдохновленных им в течение следующего десятилетия:

*Благодать Салаходдина сияла в глубине моего сердца
Он свеча в сердце мира Я не что иное, как чаша,
 куда капает его воск*

Некоторые из этих стихотворений пришли, чтобы выразить близость и красоту, равную тем, что были у Шамса:

*В конце концов, никто не поможет вам,
Только Салаходдин, только Салаходдин,
Если вы узнали тайну его тайны,
Не произносите ни слова.
Пусть никто не знает.
Грудь любовника-это свежий, струящийся поток
Души плавают по его водам, как палки и солома,
Когда вы видите его лицо, не дышите ни словом,
Дыхание только затуманит зеркало.
Солнце восходит из сердца влюбленного,
Наполняя весь мир светом.*

Поскольку это были совершенно разные люди, если Салах заменил Шамса в качестве духовной оси Руми, то в результате стихотворения Салаху зафиксировали изменение настроения по сравнению с годами Шамса. Исчезло огненное солнце, грозившее опалить или сжечь, если подойти слишком близко. Салах был зеркалом, в котором Руми видел отражение своего собственного лица, или свечой, мягко освещающей комнату, оленя, золотую жилу, лилию или розу. Тон этих стихотворений был нежным и теплым. Салах не был равным Руми по интеллекту и не давал ему острых вызовов и дебатов, но и не ставил ловушек беспокойства, постоянно поднимая карающую, хотя и спасительную угрозу разделения. В своей простоте, своей способности отражать, а не разжигать пламя, Салах оказал успокаивающее действие, позволив Руми восстановить некоторое подобие равновесия и душевного равновесия. Афлаки пишет о том, что они легко вовлекаются в “эшк-бази”, своего рода “любовную игру”.

По сравнению с Шамсом, между ними также сохранялась уважительная формальность. Все не всегда было эшк-бази. Позже Руми поделился воспоминаниями о Салахе со студентами, сделав замечание об этикете, раскрывая их почти комическую пристойность:

Со мной случилось так, что однажды в бане я вел себя с чрезмерной вежливостью по отношению к шейху Салаходдину, а он был чрезмерно вежлив со мной. Когда я пожаловался на его вежливость, мне пришло в голову, что я переоцениваю собственную скромность и что было бы лучше раскрывать свою скромную натуру постепенно. Сначала вы растираете кому-то руки, а затем ноги, пока мало-помалу он не привыкает к этому настолько, что больше не замечает. Вы не должны заставлять его чувствовать себя неловко, а скорее сочетать вежливость с вежливостью. Независимо от того, проявляете ли вы

дружбу или гнев, вам нужно действовать постепенно.

В отличие от Руми и Шамса, эта пара никогда не исчезала надолго в вечном коконе. Руми часто пребывал в уединении, но обычно в одинокой молитве и задумчивости. Со времени окончательного исчезновения Шамса он хранил вокруг себя ниб отчетливой обособленности, таинственной непохожести и трогательного одиночества, которое никогда полностью не рассеивалось.

Шоком для Коньи и Мадраса Ходавандгара в этом новообретенном внимании к Салаху стало решение Руми возвысить скромного ювелира до высокого ранга его преемника. Султан Валад назвал его найебом, или заместителем и преемником Руми—в юридических школах того времени это было точное» звание и должность». Поскольку профессора будут занимать более одной академической должности— Руми занимал четыре разных поста, когда на сцене появился Шамс,—их нойиб будет преподавать некоторые из его занятий и читать проповеди вместо него за небольшую плату, выплачиваемую из зарплаты профессора, с обещанием в будущем продвижения на полную должность. Салах действительно начал такие проповеди, так как Афлаки сообщает, что Руми больше никогда не читал проповедей, за исключением одного последнего случая, когда Салах уговорил его подробно изложить свои собственные наставления. Это назначение почти неграмотного местного торговца на должность, предназначенную для тонкого изложения утонченных богословских вопросов, было вынужденным отклонением от обычных ожиданий, если не откровенным издевательством над всей системой.

Связь Руми с Салахом была ответом на его потребность в родственной душе. Как вспоминал султан Валад, он сказал, вторя своему собственному газелю: «Он сказал: «Тот Шамсоддин, о котором я говорил, снова вернулся! Почему я сплю? Он

просто переделся и вернулся.” Но он также был хитер и стратегичен. Руми больше не хотел быть в положении ежедневного авторитета. Он заранее сделал ошибку, чтобы его оставили в покое. Салах был фигурой, которую он поставил в качестве буфера между собой и своей постоянно нуждающейся группой студентов. Как султан Валад записал грубые—даже резкие—слова своего отца, передавая ему свою официальную руководящую роль: “Посвятите своих эльфов Салаходдину. Я не в настроении быть шейхом, потому что ни одна птица не может сравниться в полете с моими крыльями. Я доволен собой, мне никто не нужен. Присутствие других вокруг меня, как мух, беспокоит меня. Отныне просто следуйте за Салаходдином — ищите его всем своим сердцем и душой и, подобно ему, идите по прямому и узкому пути”. Намеренно или случайно, назначив Салаха, Руми начал вмешиваться в фундаментальную природу прежнего мадраса и привлекать новую, потенциально гораздо большую и инклюзивную группу последователей. Салах смог обратиться непосредственно к местным рабочим грекам и туркам, а не только к более избранному религиозному классу персидских и арабских эмигрантов. Его неправильное произношение слов, которое так ужасало многих представителей образованного класса, было бы успокаивающе знакомо его коллегам по работе. У Салаха даже возникли проблемы со словом “аль-хамд”, или “хвала”, в “аль-Фатихе”, вступительной суре Корана, читаемой в начале всех пяти ежедневных молитв, а также с рядом других арабских и персидских слов. Чтобы прикрыть его, а также подчеркнуть свою точку зрения, Руми начал неправильно произносить эти слова в той же манере, что и Салах. “Слова менялись людьми в каждую эпоху с начала творения», - утверждал он. Его возвышение Салаха укрепило его репутацию любителя всех людей, открыв духовность всем, а не только тем, кто имел специальную религиозную подготов-

ку и образование.

Если Салах был Шамсом, возрожденным для Руми, он оживил некоторые старые конфликты вокруг Шамса для тех традиционных членов мадраса, особенно оставшихся учеников отца Руми. Они снова начали причитать, даже желая возвращения Шамса как меньшего из двух зол, дьявола, которого они знали: “Снова зависть распространилась среди недоверчивых. И снова лицемеры собрались вместе. И снова закипала ревность, потому что они тонули в своих иллюзиях. Они сказали друг другу: «Мы освободились от другого, но теперь мы боимся, что снова попали в ловушку. Этот еще хуже, чем первый. ... По крайней мере, он был красноречив в своей речи и хорошо говорил, обладая знаниями, интеллектом, языком и письмом. ... Этот человек не знает ни письменности, ни науки, ни риторики. Он не имеет для нас никакой ценности или ценности. Он обычный человек* и глуп. Он не отличит добро от зла. Он постоянно днем и ночью стучал в своей лавке молотком, так что соседи закрывали свои двери и окна от шума.” Большая часть их сопротивления была основана на классовых проблемах. Салах на самом деле получил глубокую духовную подготовку от Борхана и был воспринят Руми как истинный преемник Шамса, но они были ослеплены этими добродетелями, потому что он был менее красноречив и не читал широко.

Руми не терпелось критиковать Салаха, особенно учитывая историю жалоб на Шамса. Он усвоил урок убежденности и теперь был безразличен к давлению со стороны других, будь то принцы или студенты, семья или незнакомцы. Несмотря на всю его рассеянность звездами, у него был внутренний руль, по которому он теперь управлял, его курс был известен ему одному. Эбн Чавош, друг ювелира, пошел за его спиной, чтобы сообщить Руми о ропоте по всему городу, утверждая, что Салах “ничего не значит”, и что его совет был испорчен смешанными

мотивами. Руми был быстр в своем увольнении как посланника, так и сообщения, в рассуждении о мудром сострадании Салаха, произнесенном в основном на арабском языке;

В принципе Ибн Чавош должен остерегаться злословия в отношении шейха Салаходдина— как для его собственного блага, так и для того, чтобы с него можно было снять это темное покрывало. Почему Ибн Чавош думает, что так много людей покинули свои дома, отцов и матерей, семьи, родственников и племена и износили железо в своих сапогах, путешествуя из “Индии к реке Синд” в надежде встретить человека, который обладает ароматом мира цитер? Сколько людей погибло от сожаления, потому что им не удалось встретиться с равным ему? В вашем собственном доме вы столкнулись с таким человеком во плоти, и все же вы повернулись к нему спиной. Это и прискорбно, и неразумно.

Руми доверял своим сердечным инстинктам. Он также понимал, что живет в духовном мире зеркал, поскольку суфийская мысль представляла себе родство, которое он испытывал с Салахом через образы света и отражения, свечей и зеркал. Сердце возлюбленного было зеркалом, в котором влюбленный видел себя и видел свое отражение, достойное общего света. Истинное просветление происходит только в отношениях:

*Без зеркала вы не можете видеть, как ваше лицо
Смотрит на вашего возлюбленного. Он-ваше зеркало.*

Этот отражающийся свет создавал” вспышки « (как описал Ахмад аль-Газали) божественности в людях, в физике любви и в естественном мире, отражая божественность, если ее правильно увидеть. Занятый этой оптикой, а не логикой, святой просто размышлял. Как писал Руми:

Я зеркало, я зеркало, я не спорщик.—

Ты увидишь меня, только если превратишь свои

уши в глаза.

Высший возлюбленный, отраженный в этом очищенном сердце, понимался как Бог: “Прими отшлифованное сердце к Богу, чтобы Он мог увидеть Себя.” Для Руми он и Салах были двумя такими зеркалами, смотрящими друг в друга, их близость необъяснима ни словами, ни мыслью. Шлифовка происходила вместе и включала созревание через союз и разделение. Страсть Руми к Салаху была отчасти вызвана его приятием этих концепций, и это видение мира отражающегося света и любви заставляло его всю оставшуюся жизнь.

То, что Руми заменил Салаха, отразилось не только в его общине, но и в его семье. Это решение оказало наибольшее влияние на султана Валада, особенно в отсутствие Алаоддина. Султан Валад подробно описал эту фазу жизни своего отца, воспоминания были яркими, потому что к тому времени он был уже взрослым мужчиной лет двадцати пяти и внимательно наблюдал за описанной динамикой, а не подростком, который пытался разобраться в разрушениях, вызванных еще более необъяснимыми обманами своего отца.

Тебриз. Он также был настороже, так как все считали его неизбежным преемником Руми.

Однажды Руми позвал своего сына и сказал: “Посмотри на лицо Салаходдина. Этот король истины несет в себе такую пронизательность!” Султан Валад согласился, хотя и без особого энтузиазма, указав на своего отца: “Да, но только в твоих глазах. Не в глазах обычных людей.” Руми выдвинул свой аргумент, что Салах был воплощением Шамса, поскольку он нес для него сущность любви: “Это царь Шамсоддин, только без лошади и седла.” В то время как султан Валад деликатно на-

мекал на свое разочарование, вся его жизнь была основана на послушании и угождении отцу, и поэтому он капитулировал перед его желаниями. - Я вижу его так же, как и ты, - заверил он Руми. И его отец дал четкий приказ: "Отныне следуй за Салахудином. Следуйте за этим истинным родственником." - Я сделаю все, что он прикажет, - поклялся султан Валад. - Я всей душой к его услугам."

Салах чувствовал необходимость более решительно отстаивать свою позицию перед султаном Валадом. То ли под руководством Руми, то ли по собственной воле он потребовал клятвы верности, сказав сыну Руми: "Если ты станешь моим учеником, предайся мне всем сердцем и душой." Султан Валад ответил, слегка подстраховываясь, чтобы позволить более высокий статус предыдущему фавориту. Шамс: "О король, никто не может сравниться с тобой в этом веке." Еще одним признаком верности Салах пронизательно потребовал, чтобы султан Валад прекратил произносить проповеди, которые напомнили последователям Руми о его красноречии и разжигали негодование: "Мой друг, прекрати проповедовать. Отныне говори только о моей доброте. ... Я хочу быть уверен, что ты вся моя." Султан Валад поклялся в весьма витиеватой средневековой персидской манере: "Днем и ночью я буду поворачиваться к тебе лицом. Ты-король, а я-слуга. Все, что вы хотите, чтобы я сказал, я скажу. Куда бы вы ни послали меня, я буду следовать вашим приказам."

Салах поговорил с султаном Валадом о волнении, которое, как он знал, росло в общине, знакомой им со времен Шамса. Он объяснил свое повышение в звании, используя метафору зеркала, которая доминировала в понимании Руми их отношений: "Они расстроены, потому что Мавлана сделала меня особенным, выше всех остальных. Но они не знают, что я всего лишь зеркало. Зеркало не отражает себя во мне, он видит свое

собственное лицо. Так как же он мог поступить иначе, кроме как выбрать меня?” Салах был более искусен, чем Шамс, в борьбе с грубыми угрозами насилия. Султан Валад никогда не писал о каких-либо заговорах против Шамса, но он обсуждал заговор, направленный против Салаха, который был резок в своем ответе: “Когда эта новость дошла до короля Салаходдина ... он громко рассмеялся и сказал: «Эти слепцы-заблудшие неверующие. Они не осознают силы истины, что ничто не движется без Божьего повеления, даже соломинка.»”

Руми не только приказал своему сыну подчиниться Салаху, но и вскоре устроил так, чтобы он женился на Фатеме, старшей дочери Салаха. За то время, что он жил в доме Салаха с Шамсом, во время их первого интенсивного уединения в течение трех месяцев, Руми сблизился с семьей Салаха, включая его жену Латифу, его мать, также названную Латифой, которая жила в доме после смерти мужа, Фатему, которой в то время было около десяти лет, и ее младшую сестру Хедие. Латифе и ее дочерям было позволено предстать перед Руми “с открытыми лицами”, поскольку он считался махрамом или частью семьи. Однажды он воскликнул о своих связях с ними: “Фатема-мой правый глаз, а ее сестра Хедия-мой левый глаз.”

Из всех женщин в семье Фатема определенно была любимицей Руми. Когда она была еще маленькой девочкой, “из-за крайней привязанности, которую он испытывал к ней”, он начал учить ее писать и читать Коран—довольно необычно для девочки того периода. Так что выбор Фатемы в качестве невесты для султана Валада, теперь, когда она достигла совершеннолетия, был естественным для Руми. Он также выполнял духовную версию государственной свадьбы, объединяя их две семьи, с большими надеждами на рождение ребенка, сочетая в себе черты Руми и Салаходдина. Для султана Валада брак был менее идеальным, и из-за его отношения молодоже-

нам предстояло пережить несколько тяжелых дней. Никогда не отличавшийся такой дальновидностью, как его отец, брак с дочерью ювелира оставался для султана Валада социальным понижением.

Уравновешивая любые опасения своего сына, Руми не выражал ничего, кроме восторженной радости и счастья. Он написал по крайней мере два стихотворения, либо по случаю брачного контракта, либо по случаю свадебного торжества, либо и то и другое, изобилующие упоминаниями о “шейхе”, отце невесты, и обрушивающиеся на них благословения со всех религиозных праздников одновременно:

*Пусть благословения, которые текут на всех свадьбах
Увеличатся с еще большим количеством благословений
для этой свадьбы.*

Благословения Ночи Силы, праздника и праздника

Благословения встречи Адама и Евы

Благословения встречи Иосифа и Иакова

Благословения видения небес над

Благословениями, которые невозможно выразить словами

Для дочери шейха и моего старшего сына.

В другом из этих брачных стихотворений Руми дает представление о праздновании, которое имело место, полное ударного барабанного боя, который теперь занимает центральное место в повседневной жизни его общины:

Танцуйте, святые! Кружитесь, праведники!

В царстве царя мира, поднимите наш дух!

*С барабанами, свисающими с ваших шей, в розовой
брачной беседке*

Сегодня вечером, полной бубнов и барабанов, лучших

из лучших...

*В этот момент суфии собираются вместе от радости,
Видя невидимый мир сквозь мои хвалебные возгласы
Толпа хлопающих гостей, хлопающих, как морские волны,
Толпа прямоходящих гостей, похожих на острые
стрелы, свернутые в колчан.*

Ко времени свадьбы Фатимы и султана Валада Руми был погружен в непрерывный поток музыки и поэзии. Он совершал пять ежедневных молитв, поскольку никто не был более усерден в соблюдении религиозного режима, чем его самозванный шейх Салаходдин. (Однажды, когда он оставил свою одежду на улице зимой, Салах, как говорили, надел замерзшую одежду и бросился на утреннюю молитву, чтобы не рисковать каким-либо нарушением буквы религиозного закона.) Тем не менее, Руми в основном жил в атмосфере музыкальных инструментов и измененных состояний, вызванных кружением, постом и медитацией, спал всего несколько часов в сутки. Результатом стало накопление остальных его почти 3500 лирических газелей, написанных в пятидесяти пяти различных метрах, включая устаревшие классические метры. Творчество, начавшееся под драматическим влиянием Шамса, продолжалось быстрыми темпами и расширялось вширь на протяжении 1250-х годов.

Очевидным источником этой виртуозности был природный талант и музыкальные способности Руми. Его любимым инструментом для игры был рабаб, который он настроил для своих целей с помощью шестиугольной коробки, а не традиционной квадратной формы. Его любимый музыкант Абу Бакр Рабаби, названный так за свое мастерство в рабабе, запомнился достаточно ясно, чтобы войти в историю. "Его знание музыки, которая на самом деле является источником ритма, обеспечило Руми необходимыми средствами и художествен-

ным мастерством для написания стихов, которые имеют большее метрическое разнообразие, чем любой другой персидский поэт, - заключил иранский ученый Баде аль-Заман Форузанфар о техническом мастерстве Руми, - и именно поэтому в текстах Руми можно найти ряд метров, которые отсутствуют в поэзии других персидских поэтов.”

Его метод композиции часто был совместным. Не только опыт Руми объяснял его эксперименты в разных метрах, но и знания музыкантов вокруг него, пробуя различные музыкальные режимы, когда Руми принял вызов, чтобы соответствовать своим словам и сообщениям их ритмам и ритмам. Если Шамс был назначенным представителем мамы и ее зла во время их совместной жизни, Руми остался стоять в одиночестве в качестве ее защитника. “Однажды они спросили моего отца: ‘Почему звук рабаба такой странный? вспомнил султана Валада. “Он ответил: ‘Это скрип двери рая, который мы слышим’”. Когда местный религиозный деятель услышал это замечание, он пошутил: “Но мы также слышим тот же звук. Почему мы не становимся такими страстными, как Маулана?” Руми остроумно ответил: “Боже упаси! Ни в коем случае! То, что мы слышим, - это звук открывающейся двери, в то время как он слышит звук закрывающейся той же самой двери.”

Среди всего этого спровоцированного и контролируемого экстаза—в обществе, где ожидался личный авторитет,—культивируя изысканный культ дружбы между людьми Бога, Руми все еще умудрялся быть внимательным к конкурирующим практическим потребностям своего круга, особенно своей семьи. Его самой насущной заботой после свадьбы султана Валада и Фатемы была их совместная супружеская жизнь, которая быстро стала трудной и продолжала создавать проблемы, когда Фатема не родила своему мужу детей в течение первых нескольких лет их совместной жизни. Вполне возможно, что

агрессивное поведение, которое, по словам жены Руми, наблюдалось со стороны султана Валада по отношению к членам семьи в гареме, было по отношению к его жене, поскольку Рутий был вынужден написать письмо поддержки Фатеме, обещая свою защиту:

Если мой дорогой сын Бахаоддин будет груб с тобой, искренне и от всего сердца, я отниму у него свою привязанность, и я не отвечу на его приветствия, и ему не позволят прийти на мои похороны. Не печальтесь и не будьте несчастны, потому что Бог рядом с вами, и Он поможет вам. Кто бы ни причинил вам вред, даже если они поклянутся сотней тысяч клятв, что они невиновны, я все равно признаю их виновными, потому что они не добры к вам и не ценят вас. ... Не скрывай ничего от этого отца, но расскажи мне подробно обо всем, что с тобой случится, чтобы с Божьей помощью я смог оказать тебе максимально возможную помощь.

Он также написал письмо своему сыну, с которым вел себя более вежливо, почти осторожно, раскрывая свой опыт убеждения и такта. Он привел доводы в пользу того, чтобы его сын изменил свое поведение по отношению к жене, представив при этом пронизательный аргумент в пользу уважения к женщинам, подход, который не всегда требовался от мужей в то время:

Из-за седых волос ее отца и из-за нашей семьи я хочу, чтобы вы относились к ней нежно, и каждый день и каждую ночь относились к ней так, как будто это был первый день, и каждую ночь, как будто это была ночь в брачной комнате. Не думайте, что вы поймали ее, и вам больше не нужно преследовать ее, потому что это манера поверхностных людей. Она не из тех женщин, которые когда-либо потеряют свою свежесть. Клянусь Богом, она не жаловалась и не посылала мне никаких сообщений ни намеком, ни жестом ... Я никому не собираюсь

рассказывать об этом совете. Это письмо - дело между нами.

Руми также был занят женитьбой второй дочери Салаха, Хедие, на молодом каллиграфе Незамоддине, писце султана и учителе молодых принцев. Препятствием была бедность Салаха, который отказался от своего ремесла, чтобы занять полный рабочий день в качестве духовного лидера общины Руми, а также быть его ближайшим компаньоном и отвлекать от него как можно больше деловых и повседневных забот. Тем не менее, отец невесты был ответственен за обеспечение приданого, расходы, недоступные для Салаха. Хотя Руми жил в условиях жесткой бедности, которая иногда давила на его собственную жену и семью, он тратил много энергии на написание писем, чтобы обеспечить работу и кредиты для своих иждивенцев. И поэтому он обратился к женщине-наставнице королевских принцесс и "ребенку" Руми, чтобы передать просьбу могущественной и богатой королеве-матери Горджи Хатун.

Просьба встретила зачарованный ответ, как это часто бывало, когда в дело были вовлечены женщины-последовательницы Руми. Гойдзи Хатун приказала своему казначею наколадывать два или три пресса для одежды и приготовить пять нарядов, а также вуали, шляпы и драгоценности в качестве аксессуаров. По словам Афиаки, "они собрали ковры, занавески и восхитительные ковры из Грузии, Шираза и Аксарая, а также поднос, кастрюлю, котел, медные и фарфоровые миски, ступку, подсвечники и полный набор кухонной утвари." Стоимость товаров, доставленных в школу Руми на мулах, была высока, и он разделил стоимость приданого между двумя сестрами, чтобы предотвратить любые оскорбленные чувства. Затем Руми начал писать полезные письма от имени Незама, которого он хвалил как "моего дорогого ребенка и опытного художника", а также "моего красноречивого, литературного, компетентного и честного сына."

Как и ожидалось, Руми создал брачную поэму для свадьбы Хедие и Незама. Эти случайные стихи не относятся к числу его самых изобретательных. Они шаблонны и—даже если Руми не был покровительственным придворным поэтом—адаптированы к ожиданиям его аудитории и степени их понимания. Но эти стандартные стихи резко контрастировали с мучительными одами, которые изливались из него публично и в частном порядке в течение стольких лет, даже не десять лет назад. Руми действительно, казалось, нашел какой-то баланс мистического одиночества с патриархальными удовольствиями видеть, как его семья растет и процветает в следующем поколении. Пальмовые финики, кубки красного вина и потоки молока и меда в этих счастливых супружеских стихах 1250-х годов источают чувственную жизнь. Как пел Руми в тот день:

*Пусть эта свадьба все еще будет улыбаться, как ангелы,
Сегодня, завтра и во веки веков...*

*Пусть эта свадьба будет счастливой, красивой и
прославленной,*

Как луна и как голубое колесо неба.

Я замолкаю, не в силах найти слов, чтобы сказать,

Как лучезарно светится моя душа в этот день свадьбы.

ГЛАВА 11

Падение Багдада

Осенью 1257 года Хулагу, внук Чингисхана, начал поход на Багдад, пройдя со своими монгольскими войсками по Великой Хорасанской дороге, по которой семья Руми путешествовала четыре десятилетия назад. После смерти Чингисхана в 1227 году монголы ограничились постепенными завоеваниями юга Китая, русских территорий или части современного Ирана, но ничего по сравнению с их предыдущим выравниванием всей цивилизации в столицах Центральной Азии Самарканде, Бухаре, Балхе и Мерве. Хулагу вновь возродил глобальные амбиции и теперь сосредоточился на главном призе-Багдаде, финансовой, политической и культурной столице мусульманского мира, где в течение пяти столетий было открыто разыграно большое богатство.

Следуя стандартной практике, применявшейся его дедом в отношениях с Хоразмшахом, Хулагу направил халифу аль-Мустасиму ультиматум, в котором просил его искупить надуманный список обид, в том числе не предоставлять монголам военную помощь в различных конфликтах, поскольку халиф присягнул на верность Чингисхану. Халиф Аббасидов, тридцать седьмой преемник по прямой линии от пророка Мухаммеда, а также правитель метрополии, легендарной, по крайней мере, со времен создания ее самого известного вымышленного жителя, Шахерезады, в «Тысяче и одной ночи», был встревожен этими грубыми требованиями. Гибрид папы и императора, аль-Мустасим ответил, что весь мусульманский мир, начиная с Северной Африки, будет вести священную войну, чтобы защитить столицу и ее халифа.

Священная война так и не материализовалась. К январю 1258 года войска Хулагу окружили городские стены Багдада

и заняли его пригороды, простиравшиеся за пределы “старого” круглого города, который быстро заполнялся беженцами. Монголы бомбардировали город инновационными боеприпасами, включая ракеты, изготовленные из стволов местных финиковых пальм, и порох, обработанный кислородом для создания более мощных взрывов, а также рудиментарные гранаты, дымовые шашки и огненные ракеты.

Разрушение Багдада было катастрофическим и соответствовало жестокому разрушению Термеза или Нишапура десятилетиями ранее непревзойденным творцом террора Чингисом. Хан. Разрушая плотины и отводя Тигр, чтобы создать водный барьер вокруг города, 5 февраля 1258 года Хулагу и его войска прорвались через стены, сожгли его огромные библиотеки до основания, убивая ученых и солдат и складывая их черепа. Затем Хулагу вызвал захваченного халифа в свой лагерь за пределами города, где лидер исламской веры и его дети мужского пола должны были быть казнены. По разным сообщениям, они были завернуты в ковры-или мешки, засушливые; либо забиты до смерти воинами в сапогах, либо растоптаны свирепыми лошадьми. Исламский халифат, просуществовавший более шести столетий, был уничтожен в течение недели вместе с его утонченной культурой скрупулезной арабской учености и исследований, в то время как контроль над центральными землями царства ислама перешел к совершенно иностранной державе.

Эта новость могла дойти до Коньи за пару недель. В конце концов Руми все же рассказал своему кругу о почти апокалиптическом событии для ортодоксальных мусульман. Как и в случае с другими историческими инцидентами, он был довольно точен в своем основном отчете, вплоть до точной датировки:

Когда в шестьсот пятьдесят пятом году Хулагу-хан при-

был в район Багдада ... хан приказал визирю своего царства и средоточию его дел: "Напиши от моего имени письмо халифу, чтобы он был послушен, подчинился и не вел себя дерзко"... Халиф отказался, вел себя дерзко и много ругался. В тот же день Багдад был захвачен, и халиф был взят в плен.

В своем изложении тюремного заключения Руми рассказывает о халифе, просящем милостыню и получающем взамен чаши с драгоценностями, жемчугом и монетами из своей казны в качестве урока за его расточительность в трате денег на роскошь, а не на армии. Марко Поло описал параллельную историю о халифе, заключенном в башню сокровищницы, где он хранил золото. Затем Руми подробно описал свою позорную казнь: "В мешке ... забитый до смерти."

Арабские поэты того времени были травмированы падением Багдада и халифата и оплакивали его кончину в рифме и метре. Как печально писал один поэт об этом непостижимом событии: "О, искатели новостей о Багдаде, слезы расскажут вам". Он не видел никакой пользы в том, что "возлюбленный ушел." Для еще одного поэта невыносимая катастрофа означала "потерю для королевства, для истинной религии", которая могла поседеть у ребенка. Для одних воды Тигра были красными от кровопролития, для других - черными от чернил книг. Рассматриваемый как вершина исламского золотого века, Багдад останется сильно обезлюдевшим и в основном в руинах на протяжении веков.

Руми никогда не присоединялся к хору стенаний. Вместо того, чтобы сосредоточиться на ущербе, нанесенном религии ислама или оскорблению халифата, он в основном остановился на преимуществах поста, используя в качестве примера монголов, поскольку они постились в течение трех дней перед битвой;

Теперь, если бы еда и пост не оказывали такого влияния на

дела неверующих и сомневающих в вере, чтобы они могли достичь своей цели и стать победителями, представьте, что было бы достигнуто и даровано сторонникам религии и всем добрым и благочестивым людям, если бы они сделали то же самое.

Как подытожил Афлаки отношение Руми к этому важнейшему историческому событию мусульманской эпохи: “Маулана рассказал эту историю от имени превосходства голода и отказа от еды.” *:

Кризис был еще менее сейсмическим в поэзии Руми, посвященной духовному миру, который стал еще более привлекательным, поскольку события на Ближнем Востоке и в Анатолии с каждым годом становились все более ужасными. Руми действительно отдал дань уважения власти халифата в своем Маснави, но в строках, вероятно, написанных спустя годы после его гибели:

*Наместник Милосердного Бога, халиф Создателя,
Из-за него город Багдад подобен весне*

Эти слова похвалы, однако, были вложены в уста жены бедуина, возможно, намеренно датированные как персонаж из прошлых времен. Он никогда не проявлял никакого ортодоксального почтения к фигуре халифа или к каким-либо символическим атрибутам религиозной власти в Багдаде.

Монгольские армии также периодически появлялись у ворот Коньи с тех пор, как они одержали победу над сельджуками в 1243 г. Одна газель, Руми, включала в себя личный кошмар монголов, угрожающих Конье. Он нетипично датировал сон в строках стихотворения как произошедший 25 ноября 1256 года, возможно, вдохновленный реальной угрозой со стороны Байджу, командующего оккупационными монгольскими

силами в Анатолии:

*Татарские войска, с луками и стрелами, раздули небо,
Приказали разорвать беременное небо, чтобы
родить ребенка
В ночь на субботу, на пятое число месяца
Ка'де В шестьсот пятьдесят четвертом году,
Турбулентность потрясла город.
Город охватило землетрясение.*

В то время как стихотворение было фантазмагорическим, Конья никогда не страдала от ужасной судьбы Багдада. В заключение Руми был невредим, успокаивая свой собственный дух: «Помоги себе уснуть.»

Вместо того, чтобы резко изменить судьбу Багдада, Конья пережила междуцарствие десятилетий умиротворения и порабощения, с некоторыми преимуществами, а также с большим беспокойством и неопределенностью. В своих письмах Руми давал проблески своих собственных забот как гражданин II ханства—вассальной империи, которой теперь грозно управлял Хулагу и его большая семья, и простиралась от Центральной Азии до Анатолии, или всей дуги мира, которую пересек Руми. Он жаловался на жадность монголов, требовавших бесконечных «налогов и верблюдов».» В одном письме сельджукскому чиновнику, уехавшему из Коньи по военным делам, он сообщал об ужасных нарушениях повседневной жизни грубыми бандами монголов:

Во время вашего отсутствия в этом городе начались неприятности. Каждую ночь они захватывали дом, убивали женщин и детей, крали их вещи ... У всех, кто занимался образованием в то время, не было другого выбора, кроме как закрыть свои школы и закончить занятия. Когда ум наполнен пугающими

мыслями, когда каждый день появляются плохие новости, тогда нет времени на образование ... Я надеюсь, что принц защитит их, так как они рассеянны и безработны. Те, кто привык пить сладкую воду и сидеть с учеными, не могут жить с таким постоянным страданием.

В том же письме Руми образно выразил природу власти монголов, всегда угрожающей, в то же время позволяя сельджукам вести подобие нормальной жизни:

С тех пор как эта группа получила власть над нами, страх взял верх. Если он остановился на час, это похоже на то, как если бы гадюка, насытившись своей добычей, некоторое время спала в углу. Но это все та же гадюка. В конце концов он снова проснется. Сегодня Конья, несомненно, является одним из величайших центров знаний в мире, и, с Божьей помощью, ей будет позволено оставаться таковым и в будущем.

Одной из ироний этой сумеречной эпохи была большая свобода, предоставленная таким фигурам, как Руми. Исламской культуре было позволено процветать под монгольским владычеством в Анатолии, и безразличие и терпимость этих правителей к суфиям и религиозным вопросам в целом накладывались на тонкости персидской и сельджукской культуры, создавая зону, где исследовательскому мистицизму была предоставлена свобода действий—хотя и горячо оспаривалась—вместо того, чтобы неумолимо вести к жестоким казням, которым подвергались аль - Халладж и другие под властью халифов в более раннем Багдаде.

Теневым султаном Коньи и империи сельджуков в течение всех оставшихся лет жизни Руми—и главным фоном для его двойственных отношений с политикой власти той эпохи—был Мойноддин Солейман Парване, фактический правитель государства сельджуков в Анатолии в течение большей части

периода Монгольского протектората, а также несколько непостоянный ученик Руми. Его отец, родившийся в северном Иране, получил известность в качестве визиря Хайхосрова II и вел переговоры о мире с монголами, которые пощадили ослабленную Конью после поражения сельджуков в битве при Роуз-Даге. Затем сын стал региональным командующим в Токате, пока в 1256 году его не вызвал монгольский вождь Байджу, который наградил его более княжескими и могущественными титулами эмира хаджиба и парвана.

Титул, который прилипал к нему и под которым он был известен в свое время и на протяжении всей истории, был просто “Парван” — персидское слово с причудливо звучащим значением “бабочка». Официально он был лорд-канцлером и президентом Дивана, или совета, и, таким образом, представителем султана во всех внутренних делах. “Баттерфляй” имел в виду его двойную функцию в качестве начальника двадцати четырех секретарей в своего рода государственном департаменте, занимающемся иностранными делами, особенно постоянным шорохом сообщений с иностранными державами. Написанные на тонко текстурированной белой китайской бумаге, эти записки, как правило, были на персидском языке, хотя монголы начали вводить турецкий язык в канцелярии. В пантомиме сельджукской власти, демонстрируемой на государственных церемониях, парван носил на шее чернильницу — эмблему своей должности.

В самом начале своего пребывания в Конье Парване взяли за правило встречаться и культивировать Руми. Зять Парвана был учеником Руми, присутствовал на многих его беседах и иногда был их посредником. Однажды Парван послал его пригласить Руми на собрание религиозных ученых в своем дворце. “Как бы это было, если бы Маулана также соизволил почтить нас своим наполненным светом присутствием?” - спросил

Парван. - Действительно, это была бы честь всей моей жизни.” Руми пришел, но создал назидательное отвлечение, усевшись во внутреннем дворе, а не на высокой платформе, предназначенной для почетных гостей. Парване время от времени присылали Руми подарки, от которых неизменно отказывались, ускользали или перенаправляли. Когда он предложил построить купол над простой могилой своего отца, Руми ответил, что лазурной арки неба будет достаточно.

Руми несколько не колебался, говоря правду власти. Когда однажды Парван появился, чтобы попросить его дать совет и совет, Руми, подняв голову после нескольких минут молчания, ответил: “Я слышал, что командир Мойноддин изучил Коран.” Он ответил: “Да, видел.” “Я также слышал, что вы слушали важные работы, написанные по изучению и классификации высказываний пророка Мухаммеда.” Он ответил: “Да, я это сделал”, - сказал Руми, - “Так как ты читал слово Божье и Пророка и знаешь, как обсуждать то, что требуется, и все же вы не принимаете совет из этих слов и не действуете в соответствии с каким—либо кораническим стихом или высказыванием Пророка—почему вы хотите услышать что-то от меня, а затем следовать этому?”

Руми, как известно, успокаивал Парвана, когда тот вслух беспокоился о том, что он посвящает все свое время жестоким махинациям власти и политики, а не своей духовной жизни. Однажды он прислал сообщение с извинениями за то, что не присутствовал на одной из бесед Руми: “Днем и ночью мое сердце и душа были к вашим услугам, но я не смог присутствовать из-за моей озабоченности монгольскими делами.” На что Руми ответил;

Это также дела Божьи, поскольку они связаны с безопасностью и безопасностью верующих. Вы пожертвовали всем, как материальным, так и физическим, чтобы дать спокойствие

сердцам нескольких мусульман, чтобы они могли заняться делами преданности. Это тоже хорошая работа.

В других случаях, когда Парване приходили без предупреждения, чтобы попросить мудрого совета у духовного учителя, Руми прятался от него и его свиты. Он оберегал свою частную жизнь и старался не выказывать особой благосклонности богатым и могущественным. Заставив Парвана долго ждать—непривычное для него обращение,— Руми вышел и обнаружил, что его гость усвоил важный урок. “Со своей стороны, поскольку Ходавандгар опоздал, я представил себе следующее”, — сказал Парван. «Это опоздание-урок для тебя, Парвана! Как горько и как тяжело людям, нуждающимся в том, чтобы их заставляли ждать, чтобы поговорить с вами. « Ваше опоздание принесло мне эту пользу”. Его новообретенное смирение освободило Руми, чтобы побаловать себя ярким примером чрезмерного персидского этикета:

Такой образ мышления очень хорош. Но правда в том, что если проситель подходит к чьей-то двери и просит, но его голос и лицо непривлекательны, его быстро отошлют. Однако, если кто-то, прибывший с просьбой, обладает красивым голосом, красив и приятен, ему не так быстро дадут кусок хлеба, чтобы задержать его там подольше. Я пришел поздно, потому что ваши мольбы, ваша любовь и ваше страстное желание так приятны всем людям Божьим, что я хотел, чтобы эти блага задержались.

Парвана был так доволен этим изысканным комплиментом, что приказал доставить мадрасу шесть тысяч султанских монет, которые Руми затем распределил между своими спутниками.

В течение этого десятилетия Руми все чаще проявлял попустороннее поведение—молился до рассвета на своей крыше или проповедовал стае диких собак. И все же он никогда не

отказывался от своей роли гражданского дипломата. Он оказался искусным в управлении ожиданиями сельджукских султанов и их эмиссаров, обеспечив им связь с духовной практикой, которая была искренней, но также составляла хорошие общественные отношения, необходимые для их положения.

Руми мог создавать метрически точные стихи во время кружения или давать юридические заключения в разгар экстремальных постов и медитации, благодаря своей научной подготовке. Точно так же его годы обучения манерам двора и академии никогда не пропадали даром. В этом смысле он соответствовал описанию ученым суфизма Омидом Сафи “премудрых мусульманских святых” как “мужчин и женщин, обладающих властью. Их сила проистекала из их святости.”

Много было сообщений о высокомерном поведении Руми по отношению к Парвану, хотя в десятках сохранившихся писем государственному деятелю—больше, чем любому другому корреспонденту—он был довольно формальным и уважительным, что, возможно, предполагает преувеличение в сообщениях о его публичных отказах или своего рода продуманную ролевую игру, приемлемую для обоих. В этих письмах Руми использовал все титулы олфлче Парвана, включая его титул среди монголов, одновременно прося об одолжениях для детей или учеников, таких как работа, освобождение от налогов или помилование. Почти все они содержали обменное обещание “молиться о вашем процветании.”

Через некоторое время после смерти султана Кайхосрова II Парван укрепил свою власть во дворце, женившись на жене покойного султана—и матери молодого султана Алаоддина-Гоиджи Хатун, “грузинской леди”, иначе известной как “Царица цариц.” Хотя она была самой могущественной женщиной в государстве сельджуков и стала преданной преданной Руми, нет никаких четких доказательств того, что она когда-либо офи-

циально отказывалась от своей христианской веры, поскольку она никогда не принимала традиционное мусульманское имя. Прибыв на холм Цитадели в качестве молодой невесты, грузинскую принцессу сопровождали высокопоставленные христианские священнослужители. Позже, после смерти Руми, она выступала в качестве покровительницы церкви в Каппадокии и была изображена на одной из фресок святилища.

Однако пылкая преданность Горджи Хатун Руми как ее личному святому и духовному наставнику никогда не вызывала сомнений. Когда ей нужно было поехать в королевский дворец в Кайсери, она заказала греческому портретисту нарисовать Руми, чтобы утешить ее во время ее отсутствия. Как сообщил Афлаки, «Он нарисовал очень нежное лицо, но когда он посмотрел во второй раз, выражение было другим, чем в первый раз.» Художник закончил с двадцатью набросками, так как сходство его объекта оказалось устойчивым к захвату. Горджи Хатун невозмутимо упаковала все двадцать листов бумаги в свой сундук и смотрела на них всякий раз, когда ей нужно было утешиться. Ее отношения с Руми, по-видимому, были более удовлетворительными, чем с мужем, так как Парване однажды пришлось обратиться к Руми в качестве консультанта по вопросам брака, когда Горджи Хатун потребовал развода. Она сказала: «Я хочу, чтобы ты развелся со мной». Руми посоветовала мужу продолжать обещать «Я сделаю это», но не доводить дело до конца, пока ее настроение не пройдет.

Жена чиновника казначейства, а затем вице-короля Амिनоддина Микаила, также была одной из женщин в кругу Руми, и он назвал ее «Шейхом дам», поскольку она проводила еженедельные пятничные вечерние женские сеансы самы. Эти сеансы, которые Руми часто посещал, были гораздо более скандальными и зажигательными, чем его публичные собрания в мадрасе. Когда он присутствовал, мужья стояли на страже сна-

ружи. После вечерней молитвы, нарушив все правила религиозной приличности, Руми посетил женщин “в полном одиночестве, без каких-либо последователей.” Как сообщил Афлаки: Он садился среди них, и они образовывали круг и собирались перед ним. Они осыпали бы его лепестками роз. Маулана, окруженный розами и розовой водой, был погружен в пот, и до полуночи он занимался произнесением высших смыслов и тайн и давал советы. Наконец, начинали играть певицы-рабыни и редкие игроки на бубнах, а также женщины-флейтистки. Мавлана начинала выполнять саму, и все женщины приходили в такой экстаз, что не могли отличить свои головы от ног и даже не могли понять, носят ли они еще какое-либо покрывало на голове. Они бросали все свои драгоценности и золото в обувь этого султана в надежде, что он примет какую-нибудь мелочь или проявит к ним уважение. Он вообще ни на что не смотрел. Совершив с ними утреннюю молитву, он затем уходил.

Как пояснил Афлаки, в то время и в их традиционном обществе “Ни один Друг Бога или пророк ... не вел себя таким образом или в таком стиле.”

Дух терпимости и творчества, позволявший таким проявлениям духовного экстаза, продолжал оказывать влияние и на общественные здания, все еще происходящие по всей Конье, особенно на медресе, финансируемые служителями в расширенном кругу вокруг Руми. К власти в качестве визиря после смерти сочувствующего регента Каратая пришел более молодой политик Фахроддин Сахед Ата, которого Руми в письмах к нему хвалил как “моего брата” и “высокого и благочестивого.” Возможно, конкурируя с Каратайским медресе, примерно в ста ярдах от него визирь построил свой собственный минарет Мсе, украшенный инновационным стройным минаретом. Завершенный в том же году, что и падение Багдада, Минарели Инсе ознаменовал заключительную фазу барокко в сельд-

жукской архитектуре, его ворота были украшены извилистыми линиями Корана, написанными курсивным куфическим шрифтом, одним из первых применений этого более текучего стиля в архитектурной надписи, похожего на кувыркающиеся и кинетические хитросплетения собственной текучей поэтики Руми.

Руми также поддерживал отношения с тремя молодыми султанами, хотя и с разной интенсивностью чувств и обязательств. Он особенно хорошо знал Алаоддина Кайкобада III, поскольку тот был сыном его преданной, королевы—матери Горджи Хатун, и был назначен преемником Кайхосрова II, хотя он был самым младшим, поскольку она была его любимой женой. И все же Алаоддину, который был наполовину мусульманином, а наполовину грузинским христианином, не повезло в его последней судьбе. Когда Мункэ, потомок Чингисхана, вызвал вождей сельджуков в свою столицу в Монголии, Алаоддин согласился, как представитель королевского триумвирата, но был таинственно убит в пути.

Руми также был близок с Эззоддином Кайкаусом II, старшим братом, который правил в Конье большую часть второй трети десятилетия 1250-х годов, хотя большую часть своего времени он проводил в приятном средиземноморском городе Анталья, куда он пригласил Руми посетить. Руми отказался, сказав своему окружению, что, хотя в Анталии было тепло, “люди там в основном греки, которые не понимают нашего языка, хотя некоторые греки понимают”. В одном письме Руми сравнил их разлуку, когда Эззоддин был далеко от Коньи, с тем, как патриарх Иаков скучал по своему сыну Иосифу. Поскольку его брат Рокноддин Кели Арслан IV был фаворитом Парвана, Эззоддин потерпел много неудач. Письма Руми, когда Эззоддин снова оказывался в изгнании, всегда были поддерживающими и утешающими:

Ваше королевство-это убежище для бедных и слабых, святилище для невинных и для тех, кто стал жертвой. Я надеюсь, что скоро придет радостная весть, которая расскажет нам о вашем благословенном возвращении, принесшем нам радость.

В конце концов Эззоддин бежал в окончательное изгнание в Константинополь, где он носил пурпурные туфли византийской королевской семьи и исповедовал христианство. Рокноддин был тогда поддержан монголами в качестве единственного султана с Парваном в качестве его назначенной политической разведки.

Гораздо более тревожным для Руми, чем последствия завоевания Багдада или внутренней политики сельджуков осенью и зимой 1258 года, было ухудшение здоровья Салаха, который стал старше и слабее и был прикован к постели. Десятилетие, которое Руми провел с Салахом, было воспитательным и ознаменовало пиковый период его игры на музыкальных инструментах и кружения в сеансах самы. С такими разными характерами они часто оставались наедине, даже когда были вместе. Настроенный на своего друга с разноцветными видениями, создавая свои собственные гораздо более четкие и сказочные образы невидимого царства в поэзии, Руми чувствовал себя свободнее, чтобы исследовать свой созерцательный внутренний мир тишины с Салахом, надежно находящимся рядом. Он чтил эту близость во время болезни своего друга, навещая его ежедневно в течение длительного времени и пренебрегая большинством других своих обязанностей. Написав одному из принцев, Руми обильно извинился;

Я хотел прийти и быть к вашим услугам и посетить ваше благословенное лицо, но у меня не было возможности из-за слабости и болезни нашего великого шейха Салаходдина, потому что я занят только им.

Он продолжал говорить, что постоянно молился у постели Салаха, но безрезультатно.

Единственное трение в в остальном гладкой дружбе между этими двумя компаньонами—в отличие от суматохи его времени с Шамсом—было вызвано ревнивыми тенденциями в Салахе. Руми вызывал вокруг себя необычный накал соперничества, еще более выраженный его отрешенным видом. Зная об острой чувствительности Салаха, Руми посоветовал своему сыну султану Валаду даже не упоминать в присутствии Салаха Шамса или младшего Хосама, которого Руми назначил главным во время своего пребывания в Дамаске. “Хотя между ними нет никакой разницы, о них не следует упоминать”, - сказал он. Султан Валад сообщил, что его отец решил не приглашать в Конью своего дорогого суфийского друга, жившего в Дамаске, чтобы избежать обострения напряженности с Салахом.

Однако в основном Руми и Салах гармонично участвовали в повседневных событиях жизни друг друга. Салах был одним из немногих, кто регулярно встречался с Руми в интимные семейные моменты или в обычных бытовых ситуациях. На похоронах матери Салаха, Латифе, дорогой им обоим, Руми остался с ним у могилы: “Пойдем, пойдем”, - подбодрил Руми, но Салах хотел задержаться, чтобы помолиться о ее передаче в руки ангелов. Когда Руми в следующий раз увидел Салаха, он улыбался, его миссия на могиле была завершена. В другой день Салах нанял турецких рабочих, чтобы они поработали в его саду. Вторя комментариям, распространенным в культуре полиглотов, Руми посоветовал: “Для сноса нанимайте турок, для строительства-греков.” Когда Руми понадобился камин, он нанял грека. Таковы были обычные рассказы об их спокойном и стабильном общении.

Последняя болезнь Салаха затянулась на недели, а затем и месяцы. Руми постоянно навещал его, но такая вниматель-

ность, как понял Салах, поддерживала его жизнь. В конце концов он попросил Руми освободить его от страданий. Как записал султан Валад, “Он принял его просьбу и сказал: «Да будет так». Он встал с постели и быстро ушел, направившись по дороге к своему дому, и он занялся утешением своей собственной боли. Он не навещал его еще два или три дня. ... Салаходдин, наш царь, пришел в себя и сказал себе: «Моя душа покидает мое тело. Теперь я уверен, что покидаю мир живых. Я направляюсь в мир вечности. То, что он не навещает меня, - знак того, что я должна уйти. Это знак для меня, чтобы попрощаться.»”

В одной из их тихих бесед перед смертью Салах изложил свои пожелания относительно нетрадиционных похорон, план стиля похорон, который рекламировал смысл той жизни, которой он и Руми были посвящены. Как вспоминал султан Валад об этих пожеланиях на смертном одре, “Шейх сказал: «Вокруг моего мертвого тела принесите барабаны и бубен. Идите к моей могиле, танцуя, счастливые и радостные, в экстазе и хлопая в ладоши, чтобы все знали, что друзья Бога идут навстречу вечности радостные и улыбающиеся. Моя смерть-это смерть, которую сама делает радостной.” Он представил себе мелодичную процессию танцев, сопровождаемую барабанами, тамбуринами, флейтами и силками.

Салали умер 39 декабря 1258 года. Обнажив голову в горе, Руми затем тщательно и четко выполнил пожелания о похоронах Салаха. Он приказал собрать духовые инструменты и литаврщиков, и все они отправились по улицам Коньи к месту семейного захоронения в розарии султана. Перед погребальными носилками, которые несли на плечах ученики, шли восемь отрядов певцов и чтецов, в то время как Руми крутился в самой дороге. Салах был похоронен на месте могилы отца Руми. На эмоциональном погребальном банкете в тот вечер

Руми прочел скорбную элегию, эхом отозвавшуюся в некоторых ее строках и в ее радифе, или повторяемом рефрене» плачь», его более ранней оде Шамсу:

*Гавриил и крылья всех ангелов синеют
Ради тебя, святые и все пророки плачут.
Ошеломленный своим горем, я слишком слаб,
чтобы даже говорить,
Не в состоянии придумать никаких сравнений,
я просто плачу.*

Радостные и бурные похороны Салаха стали еще одним шоком для ортодоксального мусульманского населения Кони. Мусульманские похороны традиционно отмечались серьезностью и сдержанностью, единственным отдаленно музыкальным выражением было мрачное пение Корана чтецами, обученными модулировать свои печальные тона с суровой торжественностью. Призванный к ответу за это хриплое зрелище, предвосхищающее в своей музыке и песне его собственные похороны, Руми был резко допрошен. «С незапамятных времен гробу мертвых всегда предшествовали чтецы Корана и муэдзины», - сказал он. «Теперь, в ваше время, что означают эти певцы?» Руми спокойно ответил на их опасения;

Муэдзины, читатели Корана и заучиватели Корана перед гробом свидетельствуют, что умерший был верующим, который умер в мусульманской религии. Наши певцы свидетельствуют, что покойный был любовником, а также верующим и мусульманином

ГЛАВА 12

Пой, флейта

В течение нескольких лет после смерти Салаха Руми, которому было за пятьдесят, не сразу занял оставленный вакантным руководящий пост. Более доступный, чем в прошлые годы, он взял на себя расширенную роль в управлении мадрасом, теперь работая ближе по стилю к суфийской ложе, хотя и без особой формальной иерархии, надежного дохода или богатства. Большая часть его сохранившихся бесед, собранных в томе под названием «Фихе ма фих», а также большая часть официальной переписки относятся к этому среднему периоду. В этих беседах он часто подчеркивал, что никакой прогресс невозможен без руководства более мудрой души. Он снова вступил в фазу принятия своего учения и часто искал метафоры для своего видения своей работы, такие как астролябия, инструмент, используемый в тот период для определения положения планет:

Человек-это астролябия Бога, но вам нужен астроном, чтобы знать, как пользоваться астролябией. Если бы у продавца лука-порея или зеленщика была астролябия, какая от нее была бы польза? Как он мог понять условия небесных сфер, или поворот домов зодиака, или их влияние? Только в руках астронома астролябия приносит пользу, ибо тот, кто знает себя, знает своего Господа.

Руми чувствовал своего рода духовный опыт, подобный научным знаниям астронома, которыми он хотел поделиться, в то время как знание такого знания требовало страсти любовника. Теперь он был уверен в том, кем он был как смелый религиозный лидер и где он вписывался.

Будучи снова преданным своей школе, он вряд ли был ограничен ее стенами. Вероятно, ни одна фигура не была более

необычной и узнаваемой на улицах, в садах или на кладбищах за городскими воротами Коньи в течение десятилетия 1260-х годов. Среднего роста, с седыми волосами, желтоватым цветом лица и пристальным взглядом, всегда одетый в туго намотанный тюрбан, грубый льняной плащ и оранжевые ботинки или сапоги, он брил голову и подстригал бороду, в отличие от благочестивых религиозных людей. Часто отмечалась его худоба — “тонкая, как ободок чашки”, — естественная черта, поскольку его постоянной диетой была миска йогурта с зубчиками сырого чеснока и корочкой хлеба. Его узнаваемый силуэт иногда делал его мишенью для насмешек. Как ехидно жаловался соперничающий суфий: “Посмотри на Мауляну! Какая темная фигура, и какой глупый путь он следует, в своем дымчатом тюрбане и темно - синем фараджи. Кто даровал ему этот плащ?»*»

Обучая круг хорасанских эмигрантов, оставшихся со времен его отца, и растущее число рабочих турок, курдов или греков, недавно привезенных Салахом, он был столь же убедителен в том, чтобы давать уроки во время прогулок. Он не обращал особого внимания на признаки класса, расы или религии. На каждом случайном повороте его встречали новые возможности, чтобы сбить с толку ожидания. Однажды еврейский раввин столкнулся с ним на улице и спросил: “Наша религия лучше или ваша?” “Твоя религия, - неожиданно ответил Руми. Во многих из этих рассказов результатом ответов Руми было мгновенное обращение в мусульманскую веру, которое могло произойти, а могло и не произойти, хотя, безусловно, суфии были привлекательными представителями веры, как и рассчитывали сельджуки.

У Руми были более чем мимолетные отношения с христианами, не только с коренным греческим населением, но и со многими тосканцами, генуэзцами и венецианцами, прожи-

вавшими в Конье. Он часто посещал близлежащий монастырь Философа Платона и— по словам ученого старого монаха, который позже расскажет внуку Руми истории своего деда,— уединялся там, где останавливались монахи из Византийской империи, Европы, Армении и Трабзона на Черном море. Когда он однажды увидел молодого христианина Териана, которого собирались казнить за убийство у ворот Конного базара, Руми, как друг местной греческой общины, вмешался в разговор с префектом полиции, чтобы спасти ему жизнь, символически прикрыв его своим плащом. Молодой человек стал преданным новообращенным и сменил свое греческое имя на Алаоддин Териан.

Заезжий христианский монах из Константинополя, услышав о репутации Руми за такие добрые жесты, встретил его на улицах Коньи и трижды поклонился. Когда он поднял голову, он обнаружил, что Руми кланяется в ответ, но продолжал далеко за пределами трех поклонов. “Маулана тридцать три раза опускал голову перед монахом”,— сообщил Афлаки, намекая на неумеренность. Когда монах спросил, почему он проявляет такое крайнее смирение перед ним, Руми ответил: “Как я мог не действовать со смирением по отношению к одному из слуг Бога? Если бы я не вел себя таким образом, зачем бы я чего-то стоил, и кому я мог бы действительно помочь, и для какой работы я был бы пригоден?”

Следуя примеру Шамса, Руми продолжал часто посещать район армянских таверн, считавшийся определенно запретным для мусульман. После одного сеанса самы в резиденции знатного человека Руми был одет в роскошные подарки, которые ему подарили: красный плащ с воротником из рыси и золотыми пуговицами, а также египетский шерстяной тюрбан. Проходя мимо шумной винной таверны, он услышал неотразимую мелодию рабаба, которую играли внутри, и, преис-

полненный радости, оказался на улице и отдал свой плащ и шляпу. Скандальной считалась его продолжающаяся дружба с красивой танцовщицей из соседнего караван-сарая, которая освободила рабынь, работавших на нее после встречи с ним. Когда один священнослужитель пожаловался: “Не подобает такому великому человеку проводить время с проституткой из таверны”, Руми ответил: “По крайней мере, она честна в том, кто она

«Если Руми был неправильно понят или почувствовал угрозу со стороны ряда религиозных лидеров Коньи, как ортодоксальных, так и суфийских, он нашел полностью восприимчивую аудиторию в детях. Даже когда его собственные дети были старше, он часто использовал игры и истории, чтобы преподавать им уроки. Однажды, заметив, что султан Валад, теперь уже взрослый мужчина, был печален и подавлен, Руми надел волчью шкуру, закрыв голову и лицо, подполз к нему и сказал: “Бу!” Когда его сын засмеялся, он сказал: “Если бы любимый друг всегда шутил и был весел, а потом сказал: «Бу», тебя бы это испугало?” Его точка зрения заключалась в том, что жизненный опыт может быть страшным или угрожающим, но никогда не любовной сущностью. Когда его дочь Малеке пожаловалась на скупость своего мужа, Руми рассказал ей историю о богатом человеке, настолько скупом, что он не открывал свою дверь, опасаясь, что петли изнашиваются. По словам Афлаки, “Малеке стал счастливее. Она рассмеялась и освободилась от своих забот.”

Он также мог преподавать своим детям трудные уроки. Руми вспылил, когда однажды наткнулся на Малеке, избивающую свою рабыню. Толкнув дверь, он крикнул ей: “Почему ты ее ударила? И почему ты причиняешь ей вред? Если бы она была леди, а ты-рабыней, чего бы ты от нее хотел? Вы хотите, чтобы я издал фетву о том, что во всем мире не должно быть

рабов мужского или женского пола, кроме тех, кто принадлежит Богу? На самом деле мы все братья и сестры.” Потрясенная реакцией своего отца—фетва против рабства была бы замечательной в Средние века,—Малеке освободила рабыню, одела ее в ее собственную одежду и, пока она была жива, вела себя с величайшей добротой и вниманием как к мужчинам, так и к женщинам-рабам.

Однажды он покинул свой район и наткнулся на играющих детей. Заметив Руми, они подбежали к нему, поклонились, и он поклонился в ответ. Маленький мальчик крикнул издали: “Господи, подожди, пока я закончу свою работу, и я тоже приду.” Руми подождал, пока он закончит свою “работу”, а затем обнял его. Он часто ходатайствовал, чтобы предотвратить жестокое обращение с животными. Когда он ехал рядом с ним, чтец Корана начал бить своего осла по голове за то, что тот заржал. Руми спросил: “Почему ты бьешь это бедное животное? Он либо голоден, либо возбужден. Но все существа разделяют эти реакции. Почему бы тебе не ударить всех по голове?”

Он мог принести сладости выводку щенков, но также был ясноглазым наблюдателем. Когда друг заметил “счастливый союз” собак, спящих на солнце, он поправил его:

Если вы действительно хотите увидеть их дружбу и единство, бросьте в их среду кусок мяса какой-нибудь телятины. Тогда вы узнаете их истинное положение. Это состояние людей, привязанных к миру и поклоняющихся богатству. До тех пор, пока нет мирских благ или личных интересов, они дружелюбны и лояльны. Но бросьте в него мелочь мирских благ, и они забудут о своей дружбе и единстве.

Руми по-прежнему остро интересовался опасностями высокого положения или моего богатства. Он приберегал свою самую сильную и язвительную критику для богатых и влиятельных и мог быть столь же придирчивым к ним, как и к бед-

ным и маргиналам. Когда богатого горожанина пригласили в гости, чтобы засвидетельствовать свое почтение, Руми сорвался с места и пошел в туалет. Прошло много времени, и один из его учеников отправился на поиски и нашел его, сгорбившегося в темном углу. Руми горячо объяснил ему:

Вонь этого засоренного туалета в сто раз лучше для меня, чем общество озабоченных богачей. Ибо общество мирских людей и богатых делает просветленные сердца темными и вызывает только смятение.

Он изложил этот вопрос немного более элегантно, выступая публично перед кругом своих студентов;

Опасность общения с королями заключается в том, что любой, кто общается с ними, претендует на их дружбу или принимает от них богатство, должен в конце концов сказать им то, что они хотят услышать, и скрыть свое собственное мнение об их плохом поведении, чтобы сохранить себя. Они не могут выступать против них. В этом и заключается опасность, ибо страдает их религия. Чем дальше вы идете в направлении царей, тем более странным для вас становится другое направление, которое для вас существенно. Чем дальше вы идете в этом направлении, тем это направление, которое должно быть любимым вами, отворачивается от вас. Чем больше вы приспосабливаетесь к мирским людям, тем больше истинный объект вашей любви отдаляется от вас.

Не менее сложной задачей для Руми была слава, создающая другой вид статуса, который был основан на более тонкой валюте, интимно и все более знакомой ему. Афлаки сообщил, что однажды Руми повернулся к своим спутникам и неожиданно признался:

По мере того как моя слава росла, и люди приходили навещать меня и желали быть со мной, с того дня у меня не было ни покоя, ни отдыха от этого несчастья. Пророк был прав, ког-

да сказал, что “Слава-это страдание, а покой лежит в неизвестности.”

Он часто нападал на славу, утверждая, что каждая степень освобождения от неизвестности и анонимности усиливала глубокую боль разлуки с Богом. Как он писал в Маснави:

*Сделай себя худым и несчастным,
Чтобы тебя выпустили из клетки славы
Слава-это прочная и мощная цепь,
Более тяжелая на этом пути, чем железо.*

Он чувствовал то же самое по поводу ложной похвалы или лести, которыми награждают [богатых или знаменитых:

*Слова похвалы восхитительны на вкус.
Но будьте осторожны, они наполнены огнем*

Поэтому Руми избегал каких-либо привилегий ранга или статуса как для себя, так и для кого-либо из его окружения. Он быстро вышел из бани через несколько минут после входа, когда обнаружил, что служитель отодвинул кого-то от края бассейна, чтобы освободить место для него. “Я начал потеть от стыда и быстро вышел на улицу”, - сказал он. Он всегда ждал, когда его ученики сначала войдут в дом знати, опасаясь, что их остановят у двери после того, как он войдет. Когда он увидел, что султан Валад гордо скачет на лошади, в то время как другие идут пешком, он приказал ему спешиться, предупредив о “несчастье высокого положения». ... Вы смотрите на всех, кто выше, и поэтому вы-видите их как под собой”

Чтобы сдерживать свой аппетит к еде, деньгам или славе, Руми совершал крайние аскезы, редко спал и постоянно был близок к молитве. Он не доверял комфорту и, вышивая кра-

сивую привлекательную теологию любви, музыки и поэзии, полагался в своей практике на запрещающе жесткий режим. Вместо свечей он настаивал на лампах на льняном масле, которыми пользовались бедняки. Когда его жена пожаловалась на их крайнюю нищету, он ответил: “Я не мешаю вам иметь мирские вещи, я мешаю миру иметь вас”. После того, как служанка в женской половине пожаловалась на то, что ей выделили такую небольшую сумму денег, чтобы тратить их на еду, он напомнил ей, что у нее все еще есть глаза, нос и конечности, которые были чрезвычайно ценными.

В общественной бане Руми был потрясен, увидев отражение результата своего воздержания—его слабое и истощенное тело. “Мне никогда в жизни не было стыдно перед кем-либо, но сегодня я очень смущен перед своим худым телом”, - сказал он. “Как мое тело сокрушается:” Ты не оставляешь меня в покое ни на один день, чтобы я мог набраться сил, чтобы нести твою ношу! «» Его удивленное признание, однако, мало изменило его поведение. В середине той трудной зимы, когда даже молодые люди жались друг к другу перед печами и печами в сумерках, Руми каждую ночь молился на крыше—все это делалось в интересах достижения новых призрачных проблесков потери себя, становления более свободным:

*Однажды утром в рассветном небе появилась луна,
Опускаясь еще ближе, чтобы взглянуть на меня
Как ястреб, схвативший маленькую птичку*

во время охоты.

*Эта луна захватила меня, и когда мы поднялись на небо,
Я заглянул внутрь себя, но не нашел там никакого «я».
В этой нежной луне мое тело стало душой...
Весь корабль моего существования исчез в море.*

В один из таких вечеров, около 1261 или 1262 года, Хосам случайно встретил Руми в его личных покоях. Верному последователю Руми было уже за тридцать, и он служил, по его просьбе, казначеем неофициального ордена, так что Руми никогда не приходилось прикасаться к деньгам или уделять много внимания их распределению. Хосам недавно обдумывал предложение и искал подходящий момент, чтобы подойти. Он заметил, что многие из младших учеников с нетерпением читали вслух из «Конференции птиц» Аттара, а также «Сада истины» Санаи— как маснави, так и длинные стихи в рифмованных двестишьях на духовные темы. Они предпочитали такие стихи более сухим прозаическим руководствам по суфийской теории. Поэтому он решил, что Руми должен написать свое собственное расширенное стихотворение, полное нравственной сути и мудрости. - Коллекции ваших газелей стали многочисленными, - предложил он. - И все же новая книга в манере Санаи, написанная в метре Аттара, в память о душах влюбленных, была бы добротой."

В ответ Руми, предположительно, вытащил из складок своего тюрбана страницу, на которой он уже написал восемнадцать двестишьях, начало стихотворения в рифмованных строках из одиннадцати слогов, которые следовали только за требуемым метром—плавный рамал махзуф подчеркивал ударными ногами по четыре слога каждый, причем последний фут каждой строки терял слог. Он передал страницу Хосаму, который прочитал пролог готовящегося стихотворения, которое в конце концов стало настолько знаменитым, что его просто называли по форме-маснави-затмевая все другие стихи, составленные в том же рифмованном стиле;

*Послушайте тростниковую флейту и историю,
которую она рассказывает, Как она поет о разлуке:*

*С тех пор как я был отрезан от своего ложа из тростника,
Мужчины и женщины присоединились к моему плачу,
Я продолжаю искать другие сердца, том от разлуки.
Чтобы поделиться своей историей о болезненной тоске,
Все режут один и тот же корень.
Тоска по тому времени, когда они соединились.*

В облике этой скорбной флейты—возможно, флейты, вырезанной из тростниковых зарослей Хорасана,—Руми обрел голос, который позволил ему петь о разлуке, которая была последним и величайшим уроком Шамса перед его отъездом более десяти лет назад, а также о тайнах, которые могли быть выражены только на аллюзионном языке лирической поэзии.:

*Из любопытства, они обратили ко мне поближе,
Но никто не раскрыл мой секрет,*

мой секрет в том, вплетается в мой плач, но ни глаз, ни ушей может найти его светлая душа проникает в тело и тела на душу, но нет глаз, есть силы, чтоб увидеть душу огонь, не ветер, делает эту флейту петь, если у вас нет огня, не играйте.

Поэтическая флейта восемнадцатистрочного пролога была символом одновременно мистическим и знакомым для ее целевой аудитории, как инструмент, несущий мелодии из Центральной Азии, но также сродни анатолийской фригийской флейте, ее резкие тона, как человеческий голос, комментировались уже в древних писаниях. В одной такой местной сказке. Царь Гордиона Мидас—недалеко от Коньи—был проклят Аполлоном с парой ослиных ушей, которые он спрятал под своей фригийской шапкой. Не в силах сохранить тайну, придворный прошептал правду озеру, где, по его мнению, было безопасно. Тем не менее, тростник, растущий на берегах, услы-

шал, и когда пастух срезал тростник, чтобы сделать свою собственную флейту, флейта начала петь о тайне короля.

Результат встречи умов Руми и Хосама в это время был драматичным и значительным. Для того чтобы Руми мог совершить какой-либо серьезный сдвиг в своей жизни на этом этапе, ему нужно было совместить свои роли шейха, проповедника, отца, учителя, мистика и поэта. В слиянии Хосама со своим новым маснави он нашел прилежного секретаря, уважаемого заместителя и любимого спутника на протяжении последних лет, а также средство поэзии, которое позволяло ему быть одновременно экстатичным и дидактическим, мистическим провидцем и проповедником морали.

Хосама едва ли можно было назвать новичком. Его участие в жизни Руми датировалось приходом Шамса, который проявил интерес к молодому человеку, подростку со зрелостью пожилого человека из-за того, что в раннем возрасте потерял отца, унаследовав власть и уважение среди курдов и последователей молодежного движения ахаван. Много внимания уделялось красивой внешности Хосама. Как записал Афлаки, “Когда Хосамоддин достиг возраста половой зрелости, он был чрезвычайно красив и Иосифом своего времени.” (Речь шла о юном Иосифе, столь неотразимом для женщин, как описано в Коране.)

К вечеру своего предложения маснави Хосам начал свой переход в гораздо более интимную поэтическую космологию Руми и вскоре должен был быть закреплен на своем сияющем небосводе в качестве третьей возлюбленной Руми, как музыки, так и спутницы. В этой личной вселенной. Шамс был солнцем, а Салах-либо луной, либо зеркалом. Как и Салах, Хосам лишь постепенно вводился в стихи— иногда в каламбурах на арабском языке, обозначающем меч, “хусам”. Султан Валад писал, что его отец стал думать о Хосаме как о звезде или созвездии

звезд. Однако в своих стихах он обычно отождествлял его с солнечным светом—не с шамсом, источником, а скорее с зией, которая является солнечным лучом или “лучом солнца.” Руми кодифицировал этот частный образ в прелюдии, представляя книгу IV Маснави;

*Ты-луч солнечного света Истины, Хосамоддин
С твоим светом Маснави сияет ярче луны*

Хотя Хосам был занят в качестве лидера сообщества и предан своей жене, они с Руми почти сразу приступили к работе над своим проектом, который был утомительным, трудоемким и интенсивным. Стихотворение было совместным, так как ничего не было написано, если только Хосам не был там, чтобы записать его, а затем прочитать его и помочь пересмотреть. В течение месяцев и, в конечном счете, лет он сопровождал Руми повсюду, записывая стихи, когда Руми говорил их, будь то прогулка по улице или в бане, дома или поворот вокруг шеста во время самы—его неофициальная версия кружащегося танца, который иногда сопровождал медитацию. Хосам повторял эти строки, и Руми исправлял их, прежде чем они будут прочитаны ученикам в виде проповедей или рассказов в последовательной форме. Руми предпочитал ночное время для поэтического сочинения—как и для молитвы—и включал извинения перед Хосамом за то, что задержался допоздна;

*Уже рассвело. Вы, кто поддерживает и укрывает рассвет,
Пожалуйста, даруйте мне прощение от Хосамоддина,
Вы, кто дарует освобождение интеллекта и души,
Вы, душа душ, и сияние коралла.,
От которого теперь начинается исходить свет зари.*

Руми иногда сбивал с толку своего писца, подшучивал над ним, давал ему личные уроки, выходящие за рамки тех, которые были выражены в его стихах. Как рассказал Хосам об одном случае: “Однажды Маулана пришел к нам в дом. Выбрав для уединения зимнюю комнату, он вошел внутрь и вообще ничего не ел ... Он попросил, чтобы двери были закрыты, а окна закрыты. Он приказал мне принести несколько пачек багдадской бумаги. Затем он начал произносить богодухновенное знание, и я записывал все, что он диктовал на арабском и персидском языках. Я читал вслух все, что записывал, страницу за страницей, и откладывал их в сторону, когда заканчивал. Затем он приказал мне зажечь духовку. Он взял около ста листов бумаги, одну страницу за другой, и бросил их в духовку ... Когда огонь вспыхнул и зажег страницы, он улыбнулся и сказал: «Они пришли из невидимого мира и вернутся в невидимый мир»... Я хотел спрятать несколько страниц, но он закричал: «Нет! Нет! Это неправильно!»”

Однако поэма пережила такое обращение и процветала, и их работа начала 1260-х годов была окончательно оформлена в связный первый том, состоящий примерно из четырех тысяч строк, с началом, серединой и концом. Введение стихотворения было достаточно традиционным арабским прозаическим предисловием, изобилующим ссылками на Коран, идентифицирующим поэта, поскольку Руми использовал свое имя; приводящим родословную его семьи: “Мухаммад, сын Мухаммеда, сына Хосейна из Балха”; и приписывающим вдохновение для “этого длинного произведения рифмованных двустиший” Хосаму, “Мечу” или “хусаму « истины и религии. Менее традиционным было то, что Руми сделал длинное стихотворение похожим на Коран или, по крайней мере, как он писал, “открывателем Корана”, а также не включил обычное обращение к Пророку.

После пламенной вступительной арии флейты, оплакивающей "путь любви, полный боли", несколько строк в первом рассказе о любви рабыни к ювелиру Самарканда, Руми останавливается, чтобы рассказать о создании Маснави. Среди ключевых стихов Маснави есть эта драматизированная вignetта, в которой Хосам по понятным причинам просит Руми рассказать ему больше о своем любимом Шамсе Тебризе. Подобно царскому врачу в сказке, Хосам ищет пульс любви. Руми, "я" в этом сегменте, говорит Хосаму, "он", что истина любви может быть выражена только метафорой;

*"Если лучше скрыть тайну любимого человека, - сказал я,
- Даже если ты рассказываешь эту историю, обязательно
заткни уши,*

Лучше, чтобы тайна любовника была скрыта".

Быть рассказанным через рассказы других любовников. "

Он сказал: "Нет, скажи это открыто и открыто.

Лучше показать, чем скрыть свою преданность,

Приподнимите завесу и говорите открыто.

Я не ношу одежду, когда сплю со своей возлюбленной. "

Я сказал: "Если бы тебе позволили увидеть

возлюбленную обнаженной.

Вы бы больше не существовали, ни ваша грудь, ни талия,

Пожалуйста, не просите того, что вы не можете вынести

Соломинка не выдержит веса горы.

Если бы солнце, освещающее наш мир, приблизилось

хоть немного,

Тогда все было бы сожжено и воспламенилось бы,

Не стремитесь создавать такие проблемы, или

беспорядки, или раздоры,

Отныне никогда больше не спрашивайте о Солнце Тебриза! "

В последующих двадцати пяти тысячах стихов Маснави

имя Шамса редко упоминается, хотя его присутствие мерцает повсюду. Только когда Руми приблизился к его основным разделам, он снова стал настойчивее раскрывать в коде истинного создателя своей поэмы.

Ключевым термином в этих стихах рифмованного разговора между Руми и Хосамом было “серр”, или секрет, который для Руми удобно сочетался с “шер”, или поэзией. (Что далее сопровождалось “шир”, сладостью, напоминавшей ему прекрасную Ширин из персидской любовной поэзии, и так далее.) Он никогда не утруждал себя тем, чтобы назвать свою поэму, известную уже при его жизни как Маснави, или, иногда, Маснави-йе манави, или Духовные Двустиишия. В пылу сочинительства он однажды назвал поэму «Хосамнаме» или «Книга Хосама». Если бы на титул уже не претендовал Аттар, Асрармейм или «Книга тайн» подошли бы. Ибо Руми кружил в своих накапливающихся линиях вокруг своих самых заветных секретов—природы и личности возлюбленного, а также границы между человеческим и божественным.

Руми исчерпывающе играл в своих газелях на двусмысленности персидского местоимения “у”, которое могло относиться либо к “он”, “она”, “оно”, либо к “Богу”. Пол возлюбленной был игрой, встроенной в язык, в которую иногда играли персидские поэты, но Руми особенно использовал ее метафизические путаницы; Действительно ли его стихи были посвящены Шамсу? Или Бог? Восхвалял ли он естественное солнце, человеческое Солнце или вечное Солнце? В «Маснави», которая была скорее поучительной поэмой, он занимался богословскими вопросами, но с той же застенчивой игрой. В “Маснави”, остроумно названном «Кораном на персидском языке», вероятно, суфийским поэтом Джамии два столетия спустя, Руми исследовал близость человеческого к пророческому или божественному. Такая близость казалась особенно дарованной влюбленному

или поэту любви, поскольку Руми играл на тонкой тростниковой флейте, на которой играла Любовь;

*Ты вдыхаешь в меня. Я влюблен в твоё дыхание.
Я-твоя флейта! Я-твоя флейта! Я-твоя флейта!*

Маснави превратился в большую книгу сказок, как и большая часть литературы, с которой Руми вырос в детстве в Хорасане. Ряд историй в его первой книге разворачивается в местах— либо географических, либо воображаемых—его детства. Рабыню увезли от ее ювелира из Самарканда, возможно, во время осады Хоразмшаха. Лев и заяц Калиле и Демне появляются рано, когда заяц обманывает мародерствующего льва, заставляя его броситься за своим отражением в глубокий колодец. Из Агтара Руми переделала несколько историй, таких как индийский попугай, который сбежал из своей клетки в лавке зеленщика, притворившись мертвым. Однако, в отличие от оригиналов, эти рассказы не обрамлены или непрерывны, а связаны или прерваны размышлениями Руми в манере, более близкой к бессвязному стилю суфийского мастера, использующего смесь историй и морали.

Другие истории пришли из воспоминаний Руми о сказках, рассказанных Шамсом, не только тайный импульс поэмы, но и источник большей части ее сырья. Если Руми поддерживал свою близость с Шамсом, вращаясь в сале, он делал это также, пересказывая свои истории. Во время своего пребывания в Конье Шамс особенно любил рассказывать о тщеславном джентльмене, который суетливо приказывал своему парикмахеру выковыривать все седые волоски из его бороды. Парикмахер заметил так много седых волос, что он отрезал всю свою бороду и выложил волосы перед своим клиентом, сказав, по словам Шамса: “Вы их выберете. У меня есть работа”. (В вер-

сии Руми в «Маснави» мораль-это неважность теологического расчесывания волос для любящих Бога.) Или его рассказ о мышонке, который взял поводья верблюда и пошел, воображая, что он загнал зверя своей собственной силой. Руми использовал многие из этих строк и историй, как кусочки цветного стекла или плитки, в своем сложном эпосе, организованном в виде мозаики.

Через год или два Руми закончил первый том «Маснави», пересказав Хосаму случай, рассказанный об Али, племяннике и зяте пророка Мухаммеда, который был на поле боя и собирался нанести смертельный удар неверному рыцарю. Когда Али поднял меч, рыцарь плюнул ему в лицо. Внезапно Али, вместо того, чтобы нанести удар вниз, уронил меч. Этот инцидент, не описанный Руми как притча о ненасилии, является демонстрацией таинственных путей Бога. Суфии считают его образцом мистического святого, подобно Айджуне на поле битвы в Бхагавад-гите, Али видит за пределами простой победы или поражения более широкий божественный образец:

*Я-гора. Он-моя твердая основа.
Как солома, которую раздувает мысль о Нем.
Мое желание возбуждается только Его ветром,
Мной движет только любовь к Нему.
Гнев-правитель королей, но мой раб;
Я привязал гнев под удила моей лошади,
Я обезглавил гнев мечом терпения,
Божий гнев превратился во мне в доброту,
Я погружен в свет, хотя моя крыша лежит в руинах.
Я превращен в сад, хотя и наполнен пылью.*

Руми заканчивает свою первую книгу, возможно, все еще задуманную как целое произведение, с истинным любящим,

любящим Бога, и подчеркивает свою основную тему как религиозную и духовную. В конце концов он цитирует или ссылается на 528 коранических стихов в тысячах строк эпоса.

Когда Руми был поглощен сочинением своего маснави, он ясно осознал огромные изменения, которые он претерпел за два десятилетия, прошедшие после его первых стихотворений, вдохновенных Шамсом Тебризским. Если возлюбленный был зеркалом, в котором влюбленный мог видеть свою душу, поэзия тоже была зеркалом, в котором поэт мог видеть личные отражения. Руми повзрослел, и, как многие поэты, все еще творящие в свои последние годы, он перешел от лирического самозабвения к более классическому и медитативному режиму. Размеренная ясность заменила прежнее божественное безумие. Руми признал и поделился с аудиторией для нового Маснави своим чувством потери своего более мучительного восторга, его поздняя работа была оформлена как более спокойный продукт его заката, а не его восходящих лет:

Когда я впервые начал сочинять стихи, было сильное вдохновение, которое заставило меня сочинять. В то время это было очень эффективно. И теперь, даже несмотря на то, что это вдохновение ослабло и затухает, оно все еще эффективно. Это Божий способ возвращать вещи, пока они растут, и создавать великие эффекты и много мудрости. Тем не менее, даже во время заката это воспитание все еще остается в силе. Тогда титул Владыки Востока и Запада означает, что Бог питает как восходящее, так и заходящее вдохновение.

ГЛАВА 13

«Соловей улетел, потом вернулся»

Вскоре после того, как Руми закончил первую книгу Маснави, около 1262 года, раскрывая свои расширенные возможности как поэта богато одушевленной духовности, производство внезапно остановилось. Жена Хосама умерла, и реакция молодого человека была суровой. Как и у Руми, у Хосама была единственная жена, а не обычный гарем жен, который содержал отец Руми, Баха Валад. Хосам также был особенно преданным мужем. С первых дней их брака он не смотрел на других женщин, на которых мог бы жениться по исламским законам. И он старался избегать бани днем, когда мог заметить, как женщины входят и выходят, вместо этого он шел ночью, когда купались только мужчины.

Смерть его жены заставила Хосама погрузиться в тяжелую депрессию, и он проявил недостаток энергии для выполнения ежедневных задач. Он испытал внутреннюю тьму, которая заставила его уйти. Как Афлаки описал свое состояние, «В своих эмоциях и в своем теле он стал вялым и медлительным. Внутри себя он каждое мгновение испытывал новое настроение и новое недоумение, так что не мог заниматься ничем другим.» Позже Руми описал эту скрытую фазу в своей жизни как ведущую к «духовному вознесению» Хосама.» Во время долгого перерыва эти двое мужчин не навещали друг друга и не разговаривали друг с другом[^]

Столь же разрушительная смерть произошла в середине сентября того же года, что и смерть Алаоддина, который отдалился от своего отца после исчезновения Шамса почти пятнадцать лет назад. Умирая молодым примерно в возрасте тридцати пяти лет, Алаоддин имел детей, которые жили отдельно от мадраса. Он продолжал следовать ортодоксальному пути

учителя и проповедника, подвергая сомнению музыкальные и мистические практики своего отца и смущенный изменениями, произошедшими в семейном наследии, завещанном его дедом, илуми, в свою очередь, так и не простил своего сына за его участие в исчезновении Шиитов и за участие в восстании против него. Он даже не присутствовал на своем вечере. Как Афлаки резюмировал семейную историю, “Начав войну против Мауланы Шамса из Тебриза, он поспешил вступить в союз с мятежными учениками. Говорят, что они ввели его в заблуждение и подтолкнули к этому. Впоследствии, рассердившись на него, Мавлана изгнал из своего благословенного сердца любовь, которую он питал к нему. . И в те дни после смерти Алаоддина он не присутствовал на его похоронах и не молился над ним”. Сообщенное о тяжелом чувстве к его сыну, даже во время его смерти, было суровым и не всегда принималось как точное.

Некоторые объясняли отсутствие Руми на похоронах сына крайним горем, другие восприняли это сообщение как пропаганду против Алаоддина в конфликте между его потомками и потомками султана Валада из-за семейного наследия. Действительно, многие признаки указывали на то, что Алаоддин продолжал поддерживать отношения со своей семьей. Султан Валад написал для своего брата две элегии—если не особенно трогательные четверостишия—и был похоронен на семейном участке, рядом с Баха Валадом и Салахом. За последние годы Руми написал Алаоддину по меньшей мере три письма, в которых называл его “мой дорогой сын”, “свет моих глаз “и” гордость профессоров», умоляя его вернуться домой, где ему самое место, и игнорировать обвинения, выдвинутые против него. Сыновние отношения были натянутыми, но не нарушенными;

Дорогая гордость профессоров и возлюбленная благоче-

стивых, примите приветствие от этого отца и молитесь за него. Я хочу, чтобы вы заглянули в свой щедрый дух и закрыли окно гнева. ... Если кто-то не выполняет свои сыновние обязанности, он никогда не почувствует покоя, и его сердце никогда не станет светлым, даже если он молится и выполняет все свои религиозные обязанности.

Хотя их отношения оставались напряженными в момент его смерти, его отец в конце концов простил Алаоддина за его участие в травмирующих событиях десятилетия сороковых годов. Один школьный учитель рассказал, что однажды сопровождал Руми на посещение гробницы Баха Валада: «После того, как он помолился за своего отца, прочитал за него литании и довольно долго медитировал, он попросил у меня чернильницу и перо. Когда я принес их, он встал, подошел к могиле своего сына Алаоддина и написал двустиишие на побеленной могиле. . . Маулана немедленно простил его и сказал: «У меня было видение, что мой господин Маулана Шамсоддин Тебризи заключил мир с моим сыном, простил его и ходатайствовал за него, чтобы он был принят как один из тех, кого простил Бог.»

В то время как конфликты с Алаоддином были разрешены для Руми после смерти его сына, теологические вопросы, которые разделяли их, продолжали отделять Руми от других видных членов местной общины ученых мусульман. Руми часто оказывался в противоречии как с благочестивыми священнослужителями, так и с другими суфиями. Афлаки описал непрерывную критику его практики среди священнослужителей: «В это время люди выражали так много жалоб и так много сопротивления, издавали фетвы и зачитывали так много глав, запрещающих саму и рабаб, что было бы невозможно описать в целой книге. Он терпел все это из-за своей чрезвычайной доброты, сострадания и великодушия, и он ничего не сказал.»

Несмотря на то, что Афлаки подчеркивал свою великодуш-

ную безмятежность, Руми не всегда был бесстрастен в отношении междоусобных конфликтов, особенно тех, в которых участвовали другие суфии. К 1260-м годам религиозные деятели, известные как “бабы”, которые часто сопровождали туркмен, эмигрировавших из Центральной Азии, стали проводить больше времени в анатолийских городах, привлекая большое количество последователей и княжеское покровительство. Когда султан Рокноддин выбрал одного из этих популярных Баб в качестве своего личного духовного лидера, Руми раздраженно ответил. Его пригласили на церемонию во дворец в честь этого Бабы, но он вошел с простым “Салямом” и сел один в углу. Когда султан объявил о своей клятве верности, Руми, охваченный крайней ревностью, закричал: “Если султан сделал его своим отцом, я возьму другого сына.” Он ушел босиком, даже не потрудившись забрать туфли.

К статусу аутсайдера Руми, даже среди его защитников, добавлялось грубое рабочее происхождение некоторых его последователей. Поскольку многие часто включали описание своей работы в свой титул, имена тех, кто рассказывал о Руми из первых рук, в более поздних отчетах были каталогом разновидностей труда—изготовителя шляп, кожевника, плотника, врача, астролога, мясника, арфиста, а также таких религиозных профессий, как чтец Корана и школьный учитель. На собрании в своем доме Парван пожаловался одному из своих гостей: “Хо - давандгар-король, которому нет равных ... но его ученики очень плохие и сплетничают.” Сторонник Руми услышал это замечание и доложил ему. Видя боль на лицах некоторых последователей, Руми отправил ответ Парвану;

Если бы мои ученики были хорошими людьми, я бы сам стал их учеником. Именно потому, что они были плохими людьми, я принял их в ученики, чтобы они могли превратиться в хороших людей и войти в компанию тех, кто добр и совер-

шает добрые дела.

Даже султан Валад был тронут, комментируя неуправляемый характер растущего корпуса последователей Руми и их отличие в поведении и стиле от более мягких, сдержанных и потусторонних суфиев, которых в те дни повсюду можно было увидеть на улицах Коньи. “Эти суфии, кажется, очень довольны друг другом и разговаривают, никогда не споря”, - заметил он своему отцу. - Но наши товарищи дерутся друг с другом без всякой причины, и они не ладят друг с другом.” Руми ответил: “Да, действительно, Бахаоддин. Если в одном доме тысяча кур, они уживутся вместе. Но два петуха в одном месте не уживаются. Наши спутники похожи на петухов, и именно поэтому они поднимают шум.” Решительно мужественные добродетели, которые восхвалял Руми, были атрибутами движения ахаван, столь же близкими по манере к рыцарским рыцарям Европы, как и к мусульманским суфиям.

Более приятно и с меньшим количеством шероховатостей демонстрировал возвышенные чувства суфизма крестник Ибн Араби, Садроддин Конави, слывший настолько преданным науке, что соорудил хитроумное приспособление, подвешивающее мешок с камнями на веревке над его кроватью; если бы он заснул, занимаясь, и потерял хватку на веревке, камни упали бы на него. В Конье он был известен под почетным титулом шейха аль-Ислама, что делало его своего рода архиепископом среди суфиев, с его хорошо оборудованной суфийской ложей, больше похожей на большой дворец губернатора, изобилующий швейцарами, евнухами и носильщиками. Его жилище сильно отличалось от скромного, продуваемого сквозняками Мадраса Ходавандгара, где едва хватало еды, чтобы прокормить его жителей, и его можно было узнать по импровизированной камере на крыше, где Руми проводил свои одинокие ночи.

Конави был привлечен к систематической мистической мысли и давал очень ценные уроки Парване, когда они вместе плели запутанную паутину теории, в то время как Руми следовал практическому пути любви, обходясь без дамасских знаний своей юности. Между ними может возникнуть напряженность. Сначала Конави не понравился Руми, и один из поклонников Руми высказал обиду на аристократические манеры Конави, сказав, что он чувствует себя так, как будто посещает дом правителя, а не человека из бедности. И все же Руми посоветовал парвану дать стипендию Конави, так как у него на кухне было еще много учеников, которых нужно было кормить. В конце концов между ними возникло тихое уважение, и по крайней мере один раз Руми и Конави были замечены спокойно медитирующими вместе, их молитвенные коврики были обращены друг к другу. Колени соприкасаются. Когда студент подошел во время этой сессии, чтобы спросить Руми: “Что такое бедность?” он не отвечал—он хотел сказать, что молчание само по себе было своего рода бедностью.

Искренность Руми, в сочетании с чарующим очарованием его развивающейся поэзии и заразительностью его послания любви, давала ему свободу от правил, которые другому, возможно, не так легко было бы дать. В какой-то момент Парван подумывал назначить сына визиря Таджоддина кади, или главным судьей Коньи. Молодой человек был сведущ в религиозных законах, но невосприимчив к чарам суфизма, особенно к чарам наименее управляемого из суфиев, Руми. Он согласился принять этот пост на трех условиях: объявление рабаба вне закона; отстранение коррумпированных байфов от суда; и выплачивать судебным приставам стипендию, чтобы они не брали взяток. Парване приняли два последних условия, но не первое, зная, как это отразится на Руми. Когда известие дошло до Руми, он сказал: “Какое благословение, рабаб! И слава Богу,

что рабаб также спас сына Тадждоддина от ловушки быть судьей!?

Председательствующим кади в течение большей части зрелых лет Руми, и поэтому самым влиятельным в его юридической судьбе, которая всегда была в некоторой опасности, был Сераджоддин Ормови, привезенный в Конью сельджуками в 1257 году и продержавшийся на протяжении всех изменений в имперской администрации, в основном из-за поддержки Парвана. Сераджоддину, говорящему на персидском языке, родившемуся в Азербайджане, было уже шестьдесят лет, когда он поселился в Конье, прожив в Мосуле, Дамаске и Египте в составе гражданской элиты. Философ-теолог рационалистической школы, одинаково хорошо себя чувствующий при дворе или в медресе, он особенно подходил для сельджукской должности, поскольку говорил по-арабски, по-персидски и по-турецки и был знаком с еврейскими и христианскими писаниями, а также с исламскими юридическими томами и исследованиями.

Как тщательно обученный логик, сведущий в анализе, Сераджоддин по своей природе не симпатизировал same и некоторым из наиболее нелогичных практик мистиков-визионеров. Он и Руми занимали предсказуемо противоположные позиции по многим вопросам. Получив почетное место на большинстве публичных церемоний, он олицетворял для Руми лицемерие ранга и положения, и Руми считал его ущербным из-за того, что он полагался на тонкости логики. Когда Хосам спросил Руми, что он думает о Сераджоддине, тот ответил: "Он хороший человек. Но он кружит вокруг водопада. Однако, как и в случае с Конави, Руми постепенно развил уважительную дружбу с Сераджоддином.

Как главный судья, Сераджоддин часто должен был выносить решения по вопросам, связанным с Руми. В одном случае

Руми написал ему, чтобы он вмешался, чтобы гарантировать, что дети Алаоддина не будут лишены своего законного наследства. В другой раз Териан, новообращенный грек, спасенный Руми от казни, предстал перед судьей и был обвинен в том, что ходил по городу, провозглашая, что Руми—Бог, что, очевидно, не поощрялось в исламе. На вопрос кади он ответил: “Нет, я сказал, что он Бог - строитель. Разве ты не видишь, как он превратил меня в знающего Бога?” Дело закрыто, он доложил о ходе разбирательства Руми, который улыбнулся и ответил: “Ты должен был сказать: «Позор тебе, если ты не станешь Богом!»”

Решающие решения Сераджоддина касались самы, вопроса духовной жизни и смерти для Руми, который к тому времени отказался от традиционного обучения в пользу обучения с помощью озарений, полученных с помощью таких развлечений в таверне, как музыка, песни и поэзия. По крайней мере один раз группа религиозных ученых в Конье выдвинула официальные обвинения против Руми, настаивая на юридическом решении, напоминающем кади о радикальном характере освобожденной жизни и учения Руми. “Почему необходимо продвигать такого рода инновации и эту практику?” они требовали. Ответ кади был сосредоточен на личности Руми, а не на каком-либо теологическом принципе: “Этот героический человек укреплен Богом и не имеет себе равных в обучении. Вы не должны ссориться с ним. Он-тот, кто знает, как и его Бог”.

Через два года, в июне 1264 года, Хосам наконец оправился от затянувшегося траура и депрессии. Он испытывал предсказуемое желание снова жениться и искал жену. Однако однажды летним утром он проснулся, снова тоскуя по духовной жизни, а также по стихотворению в двести стихах, которое он оставил в своей печали. Так же внезапно, как его одолела усталость, Хосам почувствовал ее освобождение и сразу же отправился в

медресе, чтобы предложить начать снова с того места, где они с Руми остановились, “попросив остаток маснави от светлого сердца шейха.”

Руми оценил Хосама как повзрослевшего и был взволнован его возвращением. Не теряя времени, он продиктовал ему новый пролог, чтобы он записал его на месте, начав снова с начала— на этот раз книги II—с даты и лоска, объясняющего прерывание:

*Свет Божий, Хосамоддин,
Натянул поводья на вершине небес
Во время своего вознесения, ища истину.
Без его весны бутоны не распустились бы,
Когда он вернулся из океана на берег,
Струны арфы Маснави были заново настроены,
Этот Маснави отполировал каждую душу,
Его возвращение было днем начала заново.
Дата возобновления этого великого дара
В шестьсот шестьдесят втором году
Соловей улетел, а затем вернулся
В Виде сокола, охотясь за мистическими истинами.*

Мистик и писец быстро вернулись к своему старому способу работы, а Хосам пересмотрел и добавил гласные знаки. Как подтвердил Афлаки, “До конца книги больше не было никаких задержек. Маулана постоянно читал в непрерывной последовательности, и Хосамоддин записывал это и неоднократно читал вслух то, что он написал, пока работа не была завершена.”

Перестроив струны арфы, Руми также осознал желание, которое он лелеял в течение некоторого времени,—сделать Хосама шейхом своего неофициального ордена. В третий раз Руми возвел избранного спутника в положение, достойное

уважения, положение, которое он сам мог бы занять более естественно. Этот маневр был любящим и страстным, отражением чувств в его сердце, но также и разумным, поскольку он снова поставил барьер между собой и своими последователями, предоставив больше места для мистической абстракции и своей собственной восторженной преданности молитве и танцу. Разница между Хосамом и остальными заключалась в том, что большинство учеников Руми принимали его без особых конфликтов. Хосаму было сейчас сорок лет—почтенный возраст для религиозного лидера—и он годами поддерживал Руми в своей группе молодых людей, привлекая ресурсы и более разнообразную группу последователей.

Конечно, снова прошел мимо султан Валад, который описал переход без каких-либо явных пренебрежительных чувств, поместив шесть лет в единую поэтическую рамку: “Когда Салаходдин покинул этот мир. Шейх сказал: Хосам, Путь Истины, ты-преемник и халиф. Шейх усадил его на место Салаходдина и рассеял свет над его головой. Он попросил всех последователей поклониться ему, и быть смиренными перед ним, и повиноваться всем его повелениям от всего сердца, и насаждать его любовь в своих душах.” Исключением в этой плавной передаче власти была жена султана Валада, Фатема. Она поддерживала в себе ревность и подозрительность своего отца Салаха по отношению к Хосаму, возмущаясь тем, что ее муж не поднялся на руководящий пост, который, по ее мнению, принадлежал ему.

Поклонение Руми своей избранной возлюбленной всегда было вызовом для общины. Шамс представлял особые трудности из-за своего вспыльчивого характера и эксцентричности. Салах, будучи практически неграмотным учителем, опроверг все ожидания школы или суфийской ложи. Хосама хорошо любили и он был прирожденным лидером с юности, но социальный переворот был связан с тем, что пожилой человек уни-

жался перед молодым человеком. И все же смирить себя Руми вопиюще не смог. Однажды, когда группа отправлялась на церемонию в суфийскую ложу, Руми снял молитвенный коврик Хосама с плеча последователя и нес его на своем плече, пройдя весь путь через центр города. Лавочники и прохожие признавали, что этот жест подобает хорошо воспитанному слуге.

Как и в случае с Шамсом и Салахом, Руми довел свою преданность дружбе до экстравагантных пределов. Однажды Парвейн собрал у себя дома министров и видных людей и пригласил Руми, надеясь, что он развлечет его в духовном ключе отборными словами и, возможно, взрывами лирической поэзии и экстатическими танцами. Заметив, что Руми угрюм и молчалив, Парван понял, что он не пригласил Хосама, и послал за ним. Как только он прибыл, его ввели с факелом, Руми спрыгнул со своего коврика на помосте, чтобы присоединиться к нему во дворе дворца, радостно приветствуя его: “Приветствуй мою душу, мою веру, мой свет!” Зная о Парване, который с подозрением относился к преувеличенным комплиментам, Хосам объяснил: “Даже если это неправда, как только Маулана так говорит, это так и в сто раз больше!”

Хосам понимал—как и Салах, в его понимании отражения, — что интенсивность обожания Руми может вдохновить получателя принять вызов.

Большинство более спокойных периодов посещения между Руми и Хосамом, особенно в теплое время года, проходили в Мераме, где у Хосама был сад. Каждый год в последние десятилетия своей жизни Руми проводил сорок дней каждое лето у горячих источников Ильгина, до которых можно было добраться на повозке, примерно в шестидесяти милях к северо-западу от Коньи. Он учил своих учеников в сумерках рядом с лягушачьим прудом. В противном случае он часто останавливался у Хосама в Мераме, поселении, где выращивались сады и

огороды, всего в одной карете или на муле от Коньи. Здесь он устраивал пикник с друзьями и с удовольствием слушал плеск многочисленных водяных колес.

Считалось, что проточная вода успокаивает дух и используется для лечения психически больных в анатолийской больнице, построенной при жизни Руми в Дивриги, оснащенной водотоками, впадающими в бассейны. Однако водяные мельницы по всему Ближнему Востоку также издавали громкие скрипучие звуки. В их бесконечных поворотах и жалобных криках Руми представлял себе влюбленных, тоскующих друг по другу и по воссоединению с Богом;

*Любовники подобны водяным колесам,
Которые день и ночь беспокойно вращаются,
бесконечно стонут.,
Вращение колеса учит тех, кто ищет реку.
Никто не может сказать им, что эта река никогда
не останавливается*

Многие приятные воспоминания последователей Руми связаны с этими уединениями в Мераме, поскольку в остальном он был в основном уединен в Конье. Один рассказывал о том, как группа путешественников из Бухары искала Руми в саду Хосама, и близкая подруга, которая часто засиживалась с ним допоздна, разговаривая с ним, принесла поднос с домашними десертами. “Если бы вы попросили праздничный стол Иисуса, он сошел бы для вас в этом доме”, - сказал Руми, имея в виду историю о том, как Иисус кормил голодных пищей с небес. (Эта женщина “поддерживала постоянную компанию” с другим последователем Руми, который также проводил сеансы самы в своем доме.) Особенно желанным для большой семьи Руми, состоящей из жены и детей от двух браков, а так-

же вдовы и детей Салаха, был белый мед из сада Хосама, который использовался в медицинских зельях. Руми чувствовал себя комфортно в Мераме, и всякий раз, когда он пропадал, что случалось часто, его можно было с наибольшей вероятностью обнаружить молящимся в одиночестве в мечети Мерама.

Однако в течение всех сезонов года, будь то в Конье или Мераме, Руми и Хосам продолжали свою неустанную работу над стихотворением, которое, как представлял себе Руми, могло стать таким длинным, что его пришлось бы нести на сорока мулах. Руми время от времени останавливался в стихотворении, чтобы порадоваться Хосаму. В середине второй книги он остановился, чтобы должным образом оценить его;

*Яви свет Божий, Хисамоддин,
Без тебя ни одно растение не растет в этой сухой почве.*

Хосам мог быть столь же экстравагантен в своих похвалах важности поэта и его поэмы, которой они оба были преданы. Не раз он сообщал, что видел сон, в котором пророк Мухаммед читал Маснави с большим интересом и одобрением.

Написание Маснави не было исключительно постановкой, предпринятой Руми и Хосамом в уединении, хотя это часто было так. Руми также сочинял вместе с собравшимися слушателями, так как устное исполнение было важным качеством его ритмической силы. В отличие от собраний самы, эти сеансы требовали абсолютной тишины, так как извлечение значений из басен и их плетение были деликатной процедурой. В стихотворении подразумевались намеки на случаи, когда свидетели засыпали, в то время как творение развивалось в глубокой тишине изолирующих каменных колонн и тяжелой крыши главного зала. Руми очень хотелось убедиться, что эти декламации не воспринимаются как простое развлечение. Он

считал себя поэтом для своих последователей—немного неискренне, учитывая его мастерство и пожизненную любовь к поэзии:

Когда друзья приходят ко мне в гости, я беспокоюсь, что им будет скучно, поэтому я читаю стихи. Иначе зачем мне иметь какое-то отношение к поэзии? Меня раздражает поэзия. Для меня нет ничего хуже. Я делаю стихи так, как кто-то кладет руку в трюбуху, чтобы вымыть ее для гостей, потому что у них есть аппетит к этому. Вот почему я должен это сделать. Человек должен посмотреть на город, в котором он живет, чтобы увидеть, какие товары нужны людям и какие товары они хотят купить. Тогда люди будут покупать такие товары, даже если они будут самого низкого качества.

Выдавая себя за скромного торговца, торгующего второсортными товарами, Руми также говорил об унижении искусства поэзии религиозными длинными бородами в его родном Хорасане, что, возможно, было правдой в ортодоксальных кругах, но, конечно, не в высоко поэтической культуре в целом, или его отцом, который часто цитировал Саная и других поэтов:

Что же мне делать? В нашей стране и среди нашего народа не было ничего более позорного, чем быть поэтом. Если бы я остался в нашей родной стране и хотел жить в согласии с их вкусами, я бы делал только то, что от меня требовалось, например учил, писал книги, проповедовал, постился и совершал благочестивые поступки.

Даже если поэт поневоле—и самоуничижительный—Руми либо прилагал большие усилия к структуре маснави, либо вся жизнь напряженной интеллектуальной деятельности проявлялась спонтанно. Вторая книга соответствовала структуре первой книги, и обе они задали шаблон для будущих книг. Примерно в 3800 строк второй том почти такой же длины, как

и первый. Оба содержат около дюжины основных историй, которые разбиваются на отступления и упреки и дополняются менее сложными анекдотами. Эти разделы также представлены рубриками в стиле Калиле и Демне, вероятно, вставленными Руми или другими писцами позже, такими как “Как царь испытывал двух рабов, которых он только что купил.” В то время как книга Нилье свелась к одной лаконичной теме. Книга I в общих чертах соответствовала суфийскому жанру «странствий паломника», где душа прогрессирует от боли разлуки с Богом, подобно печальной тростниковой флейте, жаждущей воссоединения, к божественному озарению, испытываемому Али.

Истории второй книги больше сосредоточены на разрыве между видимостью и реальностью, когда духовно неразгаданный всегда ошибочно принимает поверхность за сущность и поэтому поддается болезненным или смертельным моральным ошибкам: суфий оставляет своего любимого осла со слугой, который клянется, что ему не нужны инструкции по уходу за животным, которое почти умирает от пренебрежения; король поручает своего сокола старухе, которая обрезает когти, чтобы попытаться приручить-королевскую птицу. Самым мрачно комичным был рассказ о человеке, который подружился с медведем, который в итоге прихлопнул муху на лице своего друга гигантским валуном:

*Глупец верит, что любовь медведя истинна,
Но его любовь-это гнев, а гнев-это его любовь*

Урок сказки о медведе заключался в осторожности в выборе друга, чье духовное прозрение было совместимо, важный урок для суфиев, выбирающих своих спутников на этом пути.

Следуя своему обещанию в первой книге, Руми включил

личные воспоминания о Шамсе, все они были замаскированы и известны только ему одному или нескольким близким ученикам, таким как Хосам, который присутствовал на первоначальных беседах незнакомца из Тебриза. Только один раз он делает какую-либо прямую ссылку на Шамса:

*Из любви к Притворству я ослабел,
Иначе я дал бы зрение слепым
Свет истины, Хосамоддин*

Тем не менее предпоследняя часть книги II, “История об утятах, выращенных курицей”, полна воспоминаний о Шамсе. Во время своего пребывания в Конье Шамс часто говорил о своей юности как о непонятном мистике с этой аналогией: он чувствовал себя утенком, которого вырастила курица. Как он сказал: “Теперь, отец, я вижу, что океан-моя родина. Если ты принадлежишь мне, или я принадлежу тебе, войди в океан. Если нет, возвращайтесь к своим курам.” Руми универсализировал опыт Шамса, разделяемый всеми мистиками, не имеющими выхода к морю:

*Ты-дитя утки, даже если курица
Держала тебя под своим крылом и вырастила,
Твоя настоящая мать принадлежит океану...
Мы все-морские птицы. Только океан знает наш язык.*

Будучи сам морской птицей, Руми инстинктивно стремился взлететь, и его рефлекс в этих книгах заключался в лирическом крещендо. В первой книге эпическим героем был Али на поле боя. Во втором, следуя каталогу восходящих птиц— соколов, соловьев, попугаев и павлинов,—Руми представляет своего героя, аскета в пустыне. Руми классифицировал Маснави

как «Магазин единства», и его аскет, или мистик, живет за пределами различий, которые смущали искателей в более ранних историях, поскольку он молится в местности без изменений. Руми представлял себе своего одинокого пустынного мистика в отдельном робае:

*За пределами веры и сомнений лежит огромная пустыня
Посреди этой пустыни мы находим экстаз
Когда мистик приходит сюда, он кланяется до земли.*

В кульминационный момент духовной истории группа паломников, несомненно, направляющихся в Мекку, проходит мимо мистика. Хотя земля иссохла и высохла, таинственная одинокая фигура обращается к ним с молитвами, с рук и лица капает вода, одежда промокла. Сбитый с толку паломник просит объяснений, поэтому святой молится Тому, Кто «открыл мне дверь свыше», чтобы открыть природу этого места. Руми в своем самом прозорливом виде описывает затем ливень обильного дождя, дождь любви, который, как он чувствовал, был гарантирован и должен был стать еще более бурной и неортодоксальной темой по мере продолжения стихотворения:

*Пока он молился, появилось прекрасное облако,
Похожее на слона, разбрызгивающего воду из своего хобота.
Внезапно хлынул ливень И осел в канавах и пещерах.
Пока облако продолжало лить дождь, похожий на слезы,
Паломники обратили свои лица к ней*

ГЛАВА 14

Религия любви

Руми жил в обществе условностей, где десятилетиям жизни придавалось определенное значение—считалось, что зрелость наступает в возрасте сорока лет, что он уважал, когда ждал назначения Хосама на руководящую роль, в то время как шестьдесят означали переход к возрасту мудрости, подходящему времени для рассмотрения последних вещей. Почти сразу после завершения книги II, около 1266 года, Руми и Хосам начали работу над книгой III, которая была закончена в 1268 году, когда Руми перевалило за шестьдесят, его собственное последнее десятилетие. Он воспользовался этим подходящим моментом, чтобы выразить свою все более радикальную и личную мудрость в такой же свободной, радостной, уверенной и даже безрассудной манере, как и всегда.

Руми описал своего Маснави как “шкатулку с секретами.” С каждым выпуском расширяющегося незавершенного стихотворения он позволял коробке становиться все более открытой, ее содержимое становилось все более явным и непримиримым. К концу 1260-х годов Маснави стал публичной достопримечательностью и, как и многое о Руми в Конье, генератором дебатов. Ортодоксы были шокированы некоторыми из его теологии, в то время как еще больше критики за его повествование исходили от интеллектуальных суфиев в ложе Конави. Руми описал одну такую невнятность:

*Вдруг дурак, из конюшни,
Ткнул головой, как саркастическая старуха,
Говоря: “Этот Маснави дешев и низок,
Просто рассказы Пророка о том, как следовать.
Никаких упоминаний о более высоких секретах божествен-*

ности,

*Которые заставляют скакунов святых скакать галопом.
Или о многих стадиях отречения,
ступень за ступенью, вплоть до единения с Богом. ”*

Дерзкая защита поэта состояла в том, чтобы сравнить его вдохновенные стихи со Священным Кораном:

*Когда пришел Коран, неверующие были такими же
саркастичными и злыми.*

*Говоря: “Это всего лишь легенды и мифы.
Без какой-либо глубины или возвышенных размышлений
Что-то, что маленькие дети могут понять
Ничего, кроме уроков о добре и зле.*

*История Иосифа и его длинных, вьющихся волос
История Иакова, страсти Зол-это просто и понятно,
и все понимают,*

*Где та экспозиция, в которой теряется интеллект?
Бог ответил: «Если это кажется вам таким простым,
Попробуйте написать одну главу в том же стиле.*

***Пусть духи небес и люди земли Попробуют написать
один стих в этом простом стиле. ”***

Многие защищали Руми и изо всех сил старались не дать ему зайти слишком далеко на опасную территорию и оградить его от самых серьезных обвинений в новаторстве в религиозных вопросах. Руми мало что сделал, чтобы поддержать их полезное дело. Однажды один из спутников сообщил Руми, что, когда его допрашивал подозрительный религиозный ученый, “Почему они называют маснави Кораном?”, он поправил его. “Это комментарий к Корану.” Султан Валад вспоминал: “Мой отец некоторое время молчал, а затем воскликнул:

- Ах ты, собака! Почему это не Коран? Ты осел! Почему это не Коран?

Ты брат шлюхи! Почему это не Коран? Воистину, содержащиеся в словах Пророков и Друзей Божьих не что иное, как свет божественных тайн. Речь Божья возникла из их чистых сердец и излилась на поток их языков. Будь то сирийская молитва или молитва Фатеха Корана, будь то на иврите или на арабском языке.”

Он пришел к убеждению, что вся боговдохновенная речь, включая поэзию маснави, на любом языке или в любом формате, была одинаковой, будь то от живых или мертвых.

Форпостом таких столкновений с традицией был Мансур аль-Халладж, казненный в Багдаде за свои еретические высказывания, самым известным из которых было “Я есть Истина.” В более поздние годы Руми принял Халладжа как личного святого, а его печально известное самоосвящение-как любимое вдохновение для обучения. Защищая, возможно, апокрифическое утверждение суфия, Руми обратился к своему собственному опыту. Он объяснил студентам парадокс Хейли:

Люди думают, что сказать “Я есть Истина” - это претензия на величие, но на самом деле это крайнее смирение. Любой, кто говорит: “Я-слуга Бога”, на самом деле претендует на два существования, свое собственное и Божье, в то время как тот, кто говорит: “Я-Истина», стирает себя и отказывается от своего собственного существования как ничто. Когда он говорит: “Я есть Истина”, он имеет в виду: “Я не существую. Все - это Он. Существует только Бог. Я-полное, чистое забвение. Я ничего не знаю.” В этом больше юмора, чем в любой претензии на величие. В другой раз он одобрительно отозвался об этом замечании, приглашая других принять его:

Каждый, кто проявляет ту или иную форму совершенства и красоты, будь то через действия или слова, и имеет гордость

и благодать, может на самом деле утверждать, в соответствии со своим собственным состоянием и состоянием: “Я есть Истина”!

Фигура Халладжа и его высказывание “Я есть Истина” преследуют последние несколько книг Маснави, как слабый ключ к тайне или девиз для любого знающего мистика;

*Когда Халладж сказал: “Я есть Истина”, и продолжал,
Он душил шею слепых, Когда “Я” исчезает из нашего
существования,
Что остается? Подумайте над этой мыслью.*

Ничто так не возбуждало Руми как мистика и поэта, как созерцание уничтожения и стирания себя и всех мирских деталей жизни, включая потребность в речи и языке. Ему хотелось увести их прочь. Эта экстатическая свобода была воплощена в Халладже, и многие из более изысканных четверостиший Руми робаи, которые он писал в конце жизни, вызывают его:

*Он нырнул в море собственного забвения,
А затем пронзил жемчужину “Я есмь Истина”*

Как ранний арабский суфийский поэт—Руми часто пересказывал притчу Халладжа о мотыльке, привлеченном страстной любовью к пламени,—Халладжа можно было найти тонко смешанным с образами книг:

*Я слуга тех, кто знает себя,
Кто освобождает свои сердца от заблуждений в
каждый момент,
Составляя книгу из своей собственной сущности и черт
И делая название этой книги: “Я есмь Истина.*

Подобно порхающему мотыльку Халладжа, Руми кружил вокруг пламени истин, которые были невыразимы или выражались только большой ценой или опасностью быть неправильно понятыми. Тем не менее, к тому времени, когда он приступил к написанию третьей книги маснави, и в разговорах, записанных писцами, он более открыто и прямо излагал свои сложные секреты. Он ясно чувствовал, что божественное вдохновение универсально и отражается в зеркале сердец живых святых, и он подразумевал, что испытал именно такое жертвоприношение в божественном духе любви. По образцу рассказа о сочинении Корана Мухаммедом, Руми читал свой Маснави в вдохновенном состоянии и представлял себя простым инструментом, таким как тростниковая флейта:

Будьте пусты! Пойте, как флейта, полная страсти.

Будьте пусты! Рассказывайте секреты с помощью ручки.

Руми и Шамс впервые обсудили такие вопросы, когда были в уединении, и сила этих откровений поразительно изменила его жизнь. Однако Шамс был еще более непреклонен в “следовании” за Пророком Мухаммедом, и он решительно отверг Халладжа и его невольный крик: “Я-Истина!” В своих объятиях Халладжа Руми, казалось, вышел за рамки даже Притворства в радикализме своих идей о Боге и человеке. Он больше не стоял в чьей-либо тени, полностью осознав свой собственный голос. Хотя он остался верен суннитской практике, а маснави наполнен мусульманским благочестием, логика воссоединения сердца привела его за пределы конфессий и религий к универсальному видению:

Мечеть в сердцах святых людей

-это место поклонения для всех. Есть Бог.

Он пел о “религии любви”, “религии для влюбленных » и ее смелых последствиях:

*Религия любви находится за пределами всех религий,
Единственная религия для влюбленных-это Бог*

В книге III Маснави он изложил это кредо как можно проще и недвусмысленнее:

*Так как мы поклоняемся единому Богу,
Тогда все религии должны быть едины*

Празднуя любовь и свою религию влюбленных с таким изобилием и свободой, Руми, тем не менее, начал проявлять признаки физического старения и делиться намеками на свое чувство расхождения своего застывшего тела с его вневременным сердцем, умом и душой. Как он писал в книге III Маснави: “Мое сердце-это поле тюльпанов, которое не может быть тронуту возрастом.” Другие части тела были более восприимчивы. Руми подвергал свое тело карательным испытаниям поста и лишений и заставлял себя разрушительными ночными сеансами спонтанного сочинения и молитвы. Из всех воспоминаний, так тщательно собранных о его жизни от его учеников, никто никогда не видел его спящим в своей постели ночью в течение этих десятилетий его жизни. Для той эпохи он достиг ожидаемой продолжительности жизни.

На удивление, в книге II Маснави Руми даже отошел от своей обычной брани против мирских удовольствий и соблазнов чувств. Он размышлял о сильных сторонах своей ушедшей юности, когда весна была в расцвете, а жизнь была розовым садом в полном цвету:

*Молодость-это сад, свежий и зеленый,
Легко дающий листья и свежие фрукты,
Фонтаны силы и страсти, Делаящие зеленую почву тела
Хорошо построенным домом с высоким потолком
Его колонны были прямыми, высокими и стояли свободно.*

Последовавшая за этим карикатура на старость в виде головы лошади, которую втиснули в недоуздок, напротив, была мучительной, поскольку он назвал потерю моральных сил одной из ее слабостей:

*Брови опущены и почти белые,
Глаза тусклые, и мокрое от слез
Лицо сморщено, как спина ящерицы,
Речь исчезла, как и зубы и вкус
Позднего дня, путь длинный, мул хромает,
Магазин в руинах, бизнес рушится,
Корни вредных привычек крепко укоренились,
И теперь силы, чтобы выкопать их, потеряны.*

Руми едва ли был так согбен возрастом, как дряхлая фигура его медитации на стадиях человека, но все же он был отмечен линиями и напряжениями жизни, прожитой с постоянной интенсивностью, даже если ее основными видами деятельности были сочинение, молитва и медитация. Он вполне мог бы подумать о своем учителе Борхане, который стал более беззаботным и радостным в своей повседневной жизни примерно в то же время, когда его тело начало терять свою былую выносливость. В отличие от Борхана, Руми никогда не ослаблял свой режим поста и ежедневной молитвы, хотя он до крайности ослаблял ограничения традиционного благочестивого мышления и догмы. С его походкой старца в сочетании с почти юно-

шеской неконтролируемой энергией, никто в Конье не был даже отдаленно похож на перипатетика Руми.

Последнее десятилетие его жизни также ознаменовалось последним десятилетием того, как Конья сохранила даже видимость независимости в качестве столицы Сельджукской империи. Его самая неотразимая духовная фигура, Руми, чувствовала себя достаточно раскованной, чтобы доверять постоянному свету в центре событий, когда цивилизации рушились и карты перерисовывались, в то время как его коллега в политическом мире—Парван—жил со все более сложные проблемы и действовали с большим отчаянием. Передышка от монгольской угрозы была обещана их первым поражением—египтянами в битве при Айн—Джалуте в Сирии в 1260 году—перемещением мусульманской базы власти из Багдада в Каир. Тем не менее, для Парвана махинации стали более изощренными, поскольку он участвовал в опасной игре, играя с египетскими мамлюками против монголов.

Внутренняя политика в Конье была столь же жестокой. С силой пришла параноя по отношению к Парвану. Он все больше убеждался, что султан Рокноддин, который в последнее время был склонен к по-детски неосторожным речам и бурному поведению, замышляет против него заговор. Поэтому Парван предпринял упреждающую меру, пригласив Рокноддина на банкет в 1265 году, и на его место поставил сына Рокноддина Кайхосрова III, которому было меньше семи лет и который, очевидно, не представлял угрозы. Не желая рисковать, Парван стал наставником и регентом мальчика. Среди тех, кого Парване называли “сплетничающими” последователями Руми, были разговоры о падении Рокноддина как о божественном возмездии за то, что он спамил Руми в пользу более сельских турецких баб.

Каким бы рассеянным ни казался Руми, он все еще был за-

нят своей семьей и все еще сохранял вид нарочитого безразличия к политическим интригам при дворе и в суфийских ложах. В его семейной жизни редкий случай, когда Руми сердился на свою жену, был спровоцирован примерно в это время ее интересом к группе ярких, одетых в шелка путешествующих суфийских дервишей, привлекающих большое внимание в Конье за то, что они ходили по горячим углям, глотали змей, потели кровью, купались в кипящем масле, хлестали себя и издавали животные звуки. Они были членами Рефаи>я

Орден, известный в Европе как “воющие дервиши” за их дикие и громкие выступления самы. Пока Руми была в однодневной поездке в Мераме, группа знатных дам приехала в Керру, чтобы убедить ее поехать с ними в Каратай-мадрас, где дервиши исполняли свою цирковую магию. Когда Руми вернулся в тот вечер, он был зол на нее за то, что она присутствовала на сеансе этой труппы, хотя даже Афалки сообщил, что его расстройство возникло “из-за ревнивого гнева.”

В большинстве случаев, однако, поведение Руми с женой было нежным и ошеломленным, испытание годами Притворства сменилось мягким общением. Керра оставалась суеверной. Когда он приезжал в Илгин летом, она беспокоилась, что он может стать жертвой водяного монстра, который, как полагают, живет под мостом рядом с лугом, которым он наслаждался. “Как чудесно,” пошутил Руми. - Я много лет мечтал встретиться с владыкой этой реки.” По мере того как ее муж становился все более непрактичным, Керра все больше защищала его. Когда Руми пошел в баню, она сказала его спутникам: “Позаботьтесь о Мауляне, потому что он вообще не обращает на себя внимания.” Они принесли ковер и полотенце, чтобы расстелить для него в холодильной камере. Какую бы легкую еду и сон ему ни удавалось есть, это было вызвано ее настойчивостью.

Все дети Руми теперь выросли и ведут взрослую жизнь. Султан Валад был ближе всех, так как оставался рядом с Руми. Его большим разочарованием было отсутствие детей у жены, в то время как Руми также надеялся на внуков из рода Салаха. Малек, дочь Руми и Керры, все еще была замужем за скупым бизнесменом из Коньи, который потерпел неудачу в своих мелких торговых сделках в Сивасе. Руми попытался помочь своему зятю, написав Парвану с просьбой освободить его от высоких дорожных сборов и налогов по пути. Их сын Мозаффар работал в казначействе султана и на государственной службе, пока — к великой радости Руми — не решил надеть плащ суфиев.

Главным центром внимания Руми оставался Хосам, который не только руководил общиной и переписывал стихи и переписку Руми, но и активно участвовал в духовной политике более широкой суфийской общины в Конье, одной из самых ярких в то время в мусульманском мире. Когда шейх другой суфийской ложи умер, Хосам взял на себя руководство этой общиной после кампании по написанию писем от его имени Руми, несмотря на возражения соперников. На инаугурации, после издания королевского указа, из-за продолжающейся оппозиции вспыхнуло насилие, и были обнажены ножи. - Почему эти люди с ослиными хвостами проявляют такую неблагодарность к Божьим благословениям? - спросил Руми, выходя. В конце концов Хосам возглавил еще одну такую ложу в Конье.

Формальностью, более важной для Хосама, чем для Руми, была его принадлежность, как и Шамса Тебризского, к школе юриспруденции Шафии, в отличие от ханафитской традиции. В суфийской практике учитель и его ученик всегда принадлежали к одной и той же школе. Хосам опустил голову и сказал: "С этого дня я хочу принадлежать к ханафитской школе, так как Ходавандгар является последователем Ханафитской

школы.” К тому времени Руми был поглощен своей религией любви и мечтью сердца и мало интересовался такими спорными юридическими вопросами. “Нет, хо!” ответил он. “Что правильно, так это то, что вы остаетесь в своей школе и следуете ей, но вы путешествуете по нашему мистическому пути и ведете людей по нашему пути любви.”

Собрания для бесед Руми, записанных под наблюдением Хосама, продолжались, хотя они часто превращались в дискуссионные группы или сессии вопросов и ответов относительно растущего маснави, когда распространялось стихотворение. Однажды студент попросил объяснить несколько его наиболее запутанных строк:

*О брат, ты-не что иное, как твои мысли,
Все остальное-просто кожа да кости,
Если твоя мысль-роза, ты-розовый сад,
Если твоя мысль-шип, ты-топливо для огня.*

Руми объяснил, что то, что мы видим или слышим, вторично по отношению к более существенной силе мысли, которая является невидимым творцом слов и действий, подобно солнцу в небе:

Хотя солнце в небе постоянно светит, его не видно, если его лучи не ударяются о стену. Точно так же, если нет носителя слов и звуков, лучи солнца речи не могут быть видны. В этих беседах Руми исследовал практическое значение для жизни тех, кто был привлечен к нему и его все более неортодоксальной мадрасе “религии влюбленных”:

Люди по-разному работают на всевозможных работах, ремеслах и профессиях, изучают астрологию, медицину и так далее, но они не успокоились, потому что не нашли того, что искали. Возлюбленного называют деларам, или “тот, кто дает

сердцу покой”, потому что сердце находит покой через возлюбленного. Как же тогда она может обрести покой через что-то другое? Все эти другие радости и цели подобны лестнице. Ступеньки на лестнице-это не места для отдыха, а для прохождения.

удивительным образом отклонившись от просвещенного и неземного тона многих своих замечаний, Руми объявил однажды вечером, что он взвешивал текущие политические трудности с парваном, читая ему лекцию о том, как он умиротворяет монголов, а не объединяется с мусульманскими мамлюками Египта. Очевидно, он не утратил бдительности ни к политике, ни к той стороне себя, которая способна быть вовлеченной и пристрастной:

Все это я сказал Парвану, я сказал ему: “Ты объединился с татарами, которым ты помог уничтожить сирийцев и египтян и таким образом опустошить царство ислама. То, что должно было стать причиной расширения ислама, стало причиной его ослабления. В этом состоянии, которое является страшным, обратитесь к Богу. Подайте милостыню бедному, чтобы Он избавил вас от этого злого состояния, которое является просто страхом.”

Он приберегал особый гнев для студентов, которые, по его мнению, были слишком склонны поддаваться чарам Парвана и его роскошного образа жизни. Особенно раздражала группа, посланная с миссией в Кайсери, которая вернулась, рассказывая о деликатесах и вкусных блюдах, которые они пробовали за императорским столом. - Стыдно товарищам за их преувеличенную похвалу столу, за то, что они гордились и говорили: “Мы ели то-то и то-то». Вы, кто видел прекрасную жирную пищу, встаньте, чтобы посмотреть, что осталось в туалете.”

Стареющий мудрец чаще всего появлялся в восторженном состоянии и был освежающе потусторонним в наблюдениях

по всему городу. Однажды, когда он шел по базару, турок предлагал лисью шкуру на продажу тому, кто больше заплатит, выкрикивая по-турецки: “Делку, делку “лиса”. Руми держался за сердце и кружился, повторяя по-персидски: “Делку? Дель ку?”, что означает: “Где сердце?” Когда турецкий юрист представил ему список сложных юридических вопросов, когда он сидел у рва рядом с воротами Султана, читая книгу, он попросил перо и чернильницу и набросал образцовые ответы, не посоветовавшись ни с какими властями. Он также любил оставлять сообщения в общественных местах. Как он когда-то написал на могиле своего сына и на двери Шамса, он приказал, чтобы стихи, которые он сначала написал чернилами на бумаге, были начертаны на воротах Маленького сада мадраса.

Доброта по-прежнему оставалась для него добродетелью, о чем свидетельствуют многие свидетельства. Когда христианин, опьяненный вином, забрел на сеанс самы, случайно столкнувшись с Руми, некоторые из его последователей толкнули этого человека. “Это он пил вино, - упрекнул их Руми, - но вы ведете себя как пьяные драчуны.” Не позволив своим товарищам очистить бассейн бани от прокаженных и больных, Руми быстро снял одежду, вошел в воду и вылил воду, которую они использовали, себе на голову. Когда вор украл его молитвенный коврик, он послал кого-то выкупить его у него на базаре, чтобы избавить его от смущения. Животные по-прежнему пользовались его добротой, такие как бык, которого некоторые мясники купили, намереваясь зарезать, и которого он убедил их освободить, или дикая собака, которую он спас от избияния на улице Хосама.

Не слишком заботясь о своем здоровье—если не считать того, что полагался на любимый напиток, джулеп из щавеля,—Руми тоже начал добавлять к своей репутации инстинкт естественного исцеления. Когда у любимого ученика была вы-

сокая температура, которую врачи не могли вылечить, Руми растирал зубчики чеснока в ступке и смешивал пасту с едой человека, заставляя его вспотеть и выздоравливать. Для ученика, жалующегося на то, что он слишком часто засыпает, Руми успешно посоветовал: “Добудь маковое молоко и выпей его”. Во время одного из своих летних уединений в Ильгине ученик тяжело заболел. Руми приказал поднять его в постели и отнести в баню, где он погрузил его в центральный бассейн с родниковой водой и несколько раз окунал, пока он не пришел в себя. Метод сработал, хотя, по словам Афлаки, “Ни один умный врач никогда не использовал эту странную форму лечения.”

Руми и Хосам неуклонно и энергично продвигались по составлению книг маснави, причем около двух или трех лет отделяло создание книг III, IV и V, примерно на рубеже десятилетия 1270-х годов. Большая часть духовной жизни Руми после ухода Шамса десятилетия назад была посвящена последним урокам его любимого друга о значении разлуки, которая была тайной в основе их совместной жизни, а также, как объяснил Шамс, центральной в переживании Любви, как человеческой, так и божественной. Подъем и падение в этих более поздних книгах были медитацией на смерть как окончательное разделение, корень стольких страданий.

В книге III Маснави Руми не только идентифицировал себя как беззастенчивый проповедник любви—как он написал в одной газели: “На Праздник Единства приходит Проповедник Любви.” Он также стал рассматривать смерть так же полно, как и любовь, если не как форму любви, по мере приближения к горизонту своей собственной жизни. И все же он сочинял не в фиолетовом стиле печальной элегии—мрачные гимны голубокрылых ангелов в своих плачущих стихах о смерти Шамса

или Салаха. Вместо этого его послание было радостью и освобождением от смерти. Страх смерти был не чем иным, как отражением в зеркале проходящих мыслей:

*Вы бежите от смерти, потому что боитесь,
Но на самом деле вы боитесь себя. Подумайте об этом!
Ваше собственное лицо пугает, а не лицо смерти
Смерть-это лист, но ваша душа-это дерево,
Из которого вырастает Каждый лист, как хороший,
так и плохой,
Каждая скрытая мысль, как приятная, так и уродливая.*

Тенор большей части поэзии Руми в «Маснави» жизнерадостен и трансцендентен. Убежденность, стоящая за этой чувствительностью, зависела от его веры в изменчивые качества мира, так что мысли не воспринимались как фиксированные или неизменные. Душа, дух или даже отношение могут изменить или осветить восприятие всех переживаний. Что касается психологии приближающейся смерти, Руми почти рефлекторно посоветовал ее объятие, а не страх—совет, учитывая время, для себя, как и для всех. Он решил рассматривать “хромающие” физические потребности своего собственного старения как ферментацию вечной любви:

*Бог создал меня из вина любви.
Я все еще та же любовь, даже когда смерть
изматывает меня.*

Как мистик, Руми имел более мощный и убедительный стимул для размышлений о смерти в последних книгах Маснави. Он жил в соответствии с верой в то, что не только невидимый мир более реален, чем видимый, но и что жизнь после смер-

ти-это выход в космическое переживание бесконечно большего света и любви, чем переживание в теле. В третьей книге Маснави Руми поет о смерти как освобождении, в одном домотканом сравнении за другим. Жизнь была похожа на паровую баню, из которой нужно выйти ради своего сердца, или на ношение тесных ботинок в пустыне, или на замкнутое чрево после того, как прошло девять месяцев:

*Зжатый в утробе, как младенец,
Я горю желанием двигаться
Дальше после девяти месяцев.
Если бы моя мать не испытывала родовых мук,
Я мог бы остаться в этой пылающей тюрьме,
Но боли смерти говорят ей об этом.
Пришло время ягненку родиться,
Чтобы он мог пастись на пышных, зеленых полях,
Широко распахнутых чревом, ягненок готов!*

В странной гипнагогической истории о мечети, где любой, кто провел ночь, умрет, и о любовнике, который настоял на том, чтобы провести там ночь, Руми отождествлял себя с сияющим смертью любовником, хвастаясь своим безрассудством перед лицом собственного неминуемого вымирания:

*Он сказал: "Друзья мои, без сожалений,
Я устал от жизни в этом мире,
Я странник, ищущий только боли и ран.
Не ждите смысла от этого странника на дороге,
Я не странник, ищущий свою следующую еду,
Я безрассудный странник, ищущий смерти,
Я не странник, стремящийся заработать деньги.
Но ловкий скиталец, стремящийся пересечь мост,
Чтобы не болтаться по магазинам и рынкам,
А скорее убежать от собственного существования."*

ГЛАВА 15

Брачная ночь

Однажды, когда Руми шел при ярком дневном свете, думая о чем-то другом, его ботинок застрял в грязи. Он просто отбросил яму и пошел босиком. В другое время и в других местах поведение Руми становилось таким же отмеченным рассеянностью, экстатической поглощенностью или свободой, которая приходит с преклонным возрастом и положением; Однажды он был настолько возбужден во время саны, что узел его панталон развязался, хотя он продолжал вертеться только в свободной рубашке, пока Хосам не вскочил, крепко обнял его и накрыл плащом. Афлаки сообщал: “Если бы группа бедных людей просила у него милостыню, он отдал бы им плащ со своей спины, тюрбан с головы, рубашку с тела и обувь с ног - и он ушел бы.”

Еще более радостную реакцию вызвало рождение его внука, ожидаемое с тех пор, как его сын женился на дочери Салаха по крайней мере пятнадцать лет назад. 7 июня 1272 года Улу Ареф Челеби прибыл в жизнь Руми как своего рода чудо. Фатема перенесла много мертворожденных родов или детей, умирающих в младенчестве, и принимала наркотики и совершала насильственные движения, чтобы уничтожить плод, не желая снова подвергаться испытанию родов. Она была убеждена, что ее беременность обречена. Услышав об этих практиках, Руми послал Фатеме сильное послание; “Не делай таких вещей, но держись своей беременностью. Неужели тебе так стыдно за нашу родословную?”

Как только он получил известие о рождении внука, еще до завершения ритуала втирания соли в новорожденного, Руми бросился к постели Фатемы. Он радостно рассыпал золотые монеты по голове матери, благословляя удачу, и спросил, мо-

жет ли он взять ребенка. Получив ребенка от повитухи, он завернул его в рукав своего плаща и унес прочь. Проведя с ним несколько дневных и вечерних часов наедине, Румии в ту же ночь вернул ребенка Латифе, матери Фатемы, с большим количеством золотых монет, связанных в петлю, завернутую в его простыню. Несколько недель спустя, когда ребенок лежал в своей кровати, Руми слегка приподнял покрывало и прошептал: “Аллах, Аллах”, обучая его мантре для молитвы, которой его впервые научил Баха Валад.

Руми также взял на себя ответственность за имя ребенка. Он проинструктировал султана Валада, чтобы его имя было “Фаридун”, первое имя дедушки мальчика Салаха. Но он добавил: “Вы должны обращаться к нему как к Амиру Арефу, как Баха Валад называл меня Ходавандгар, и никогда не называл моего настоящего имени. Пусть мой духовный дар ему будет моим титулом, означающим, что вы можете написать его имя как Джалалоддин Амир Ареф”

Он также отметил это событие стихотворением, которое восходит к его шаблонным свадебным стихам для родителей Фаридуна:

*День, когда он родился от матери, был
Вторник шестьсот семидесятого года-Фаридун!
В восьмой день месяца Аль-Каида,
Через два часа после полуденной молитвы—Фаридун!
Из рода и расы Хосров,
Его любили, как Ширин—Фаридун!
Происходил из знати как по отцу, так и по матери.
Он пришел из Рая, прекрасный ангел—Фаридун!*

Руми наделил его не только духовной родословной, но и персидской, пропитанной эпической любовью к Ширин царя

Хосрова, “прекрасной, как луна”, как он однажды написал о нем.

Чтец маснави—теперь это занятие, как чтец Корана,— рассказал о посещении Руми и Хосама, когда внуку было не больше года. “Внезапно я увидел, что дверь в маленький сад открыта”, - вспоминал он. “Амир Ареф сидел на маленькой повозке, и его учитель тащил его. Маулана встал, перекинул веревку повозки через свое благословенное плечо, потянул ее за собой и сказал: «Я могу быть маленьким бычком Арефа».

Точно так же Хосамоддин встал рядом с Ходавандгаром и схватился за другую сторону веревки, и оба они один или два раза протащили повозку по двору мадраса. Арефа сладко засмеялся и закричал от радости. Ходавандгар объявил: “Быть добрым к маленьким детям—это наследие для Мушмов”. “Затем Руми повторил учение пророка Мухаммеда на арабском языке: «У кого есть ребенок, пусть он сам ведет себя как ребенок».”

Когда Ареф был немного старше, султан Валад часто удивлялся, когда мальчик входил в комнату, так как узнавал манеры Руми в своем сыне. Учитель Корана Арефа вспоминал, что султан Валад сказал ему, когда ребенку было всего шесть лет: “В тот момент, когда Ареф входит в дверь медресе, я представляю, что вошел мой отец. Его грациозная походка, изящная походка и уравновешенные движения в точности повторяют походку моего отца. В юности я постоянно видел своего отца с такими же характеристиками и внешностью, и движения Арефа во время самы точно такие же, как у него”. Сама, по крайней мере, в мадрасе Руми, стала регулярной семейной деятельностью, практикуемой всеми возрастными.

Периоды рассеянности Руми, чередующиеся с глупыми эпизодами игривости во время младенчества его внука, не мешали ему вернуться к работе над книгой VI Маснави, которую он определил в ее Прологе как последнюю книгу. Он

выбрал число шесть, как представляющее в исламской средневековой мысли шесть направлений—четыре стороны света, плюс зенит и надир, которые были своего рода моральной высотой и глубиной:

*О, Жизнь Сердца, Хосамоддин,
Желание Шестой Части сейчас кипит
Из-за твоей магнетической мудрости
Книга Хосама циркулирует в мире
О, Духовный, я посвящаю тебе
Шестую Часть, окончание Маснави.*

Шестая книга пересматривает в своих философских рассуждениях проблемы предыдущих книг с вопросами обучения, особенно дебаты, которые больше всего поглощали Руми, между детерминистским подчинением воле Аллаха, выраженной в мыслях, чувствах, событиях и действиях, и здравым смыслом осуществления личной свободной воли. Как и в других пяти книгах, он вернулся в свое детство за баснями о животных— от Калиле и Демне пришла история о дружбе мыши с лягушкой. Более необычным было то, что в последних двух книгах он все больше полагался на сырой материал, взятый из стихотворений хэзла, в которых фигурировали непристойные, даже непристойные или нецензурные выражения и непристойные сценарии. (Когда Р. А. Николсон позже перевел Маснави на английский язык, он перевел эти разделы в Латии, чтобы избавить широкую публику от материала, который он считал порнографическим.)

В одной из таких историй девушка использует снаряжение осла для своего сексуального удовлетворения, которое Руми представляет как урок о том, как быть в плену у нашей животной природы, а в другой молодой человек в суфийской ложе

каждую ночь строит за собой стену, чтобы предотвратить изнасилование—пример злоупотребления властью в религиозной жизни. Руми иллюстрировал, к ужасу некоторых, что ни один материал не был слишком вульгарным, чтобы быть принятым в богатой вселенной его книги и Божьей мудрости и понимания.

Зная, что он приближается к финалу стихотворения, мысли Руми все чаще обращались к его тайной музе. Шамс Тебриза, человеческое солнце, теперь видимое только в тених, отбрасываемых на стену. В смерти. Шамс слился с вечностью, которая была присутствием Божьей любви, выраженной в этом мире и в мире после смерти. Руми взял на себя эту парадоксальную тайну—солнца и Солнца—в рассказе “Бедный дервиш и полицейский инспектор Тебриза”—ее постановка дает ключ к разгадке. История, растянувшаяся на пятьсот строк, касалась суфийского дервиша, чьи долги всегда оплачивал добрый начальник полиции в Тебризе, пока полицейский не умер, оставив свою свободу скрытой. Дервиш отправляется в “славный” Тебриз только для того, чтобы обнаружить, что его истинным благодетелем был Бог, сокровище, божественное:

*Он дал мне шапку, но Ты-голова, наполненная разумом,
Он дал мне пальто, но Ты-высокая фигура, чтобы одеть,
Он дал мне золото, но Ты-рука для счета,
Он дал мне лошадь, но Ты-разум для верховой езды,
Он дал мне свечу, но Ты-глаза для видения...
Он дал мне дом, а Тебе - небо и землю.*

Пределы, которые должник обнаружил в полицейском инспекторе Тебриза, были теми, к которым пришел Руми, были человеческими пределами Шамса Тебриза—он зажег свечу любви к нему, но Бог наполнил Руми зеркалом, отражающим

пламя от Шамса и других огней.

В течение нескольких сотен строк после завершения “Маснави” и непосредственно перед его окончательным «Рассказом о трех принцах» Руми разражается трогательной литанией, поэмой каталога всего закодированного языка влюбленной Золайхи, скрывая свои чувства к Джозефу, образец красоты в поэзии Руми—история любви египетской леди к еврейскому рабу описана в самом Коране как “прекраснейшая из историй.” Ловкая уловка Золайхи совпала с уловкой Руми в выражении его чувств к Шамсу Тебризскому, которого он часто сравнивал с красивым Иосифом, и была притчей для его поэтической задачи приблизиться к истине, ходя по кругу. Говоря о такой невыразимой любви, Раньше^ верил, что чем длиннее объезд, тем увереннее прибытие;

И когда она сказала: «WCA мягко тает!»

Это означало: “Мой друг был добр ко мне.”

И когда она сказала: «Улук, луна поднимается»

И когда она сказала: “Ива теперь зеленая!”

И когда она сказала: “Листья дрожат”

И когда она сказала: «Как славно поджигает руту!»

И когда она сказала: “Соловей пел для роз”...

И когда она сказала: “Выбейте все ковры!” ...

И когда она сказала: “Хлеб весь несоленый!”

И когда она сказала: “Сферы поворачиваются вспять”...

Когда она хвалила что—то-это означало “Его

сладкие объятия». ”

Когда она обвиняла кого—то-это означало: “Он далеко!”

И когда она складывала сто тысяч имен,

Ее желанием и намерением всегда было имя Джозефа.

Руми вернулся к своему диалогу с Хосамом в книге I. Он

признавался, что все время, пока писал «Маснави», не переставал думать о Шамсе. Точно так же, как Золайха имела в виду Иосифа каждым своим словом, так и Руми имел в виду Шамса каждым словом, стихом и рассказом о маснави. С тех пор как Шамс впервые пробудил свое сердце к преобразующему огню любви, имя этого солнца также вызывало скрытое имя Бога.

Маснави заканчивается на неубедительной ноте, в середине истории. Его заключительная история вполне уместна. История трех принцев, которые влюбляются в портрет китайской принцессы и путешествуют к королевскому двору короля в далекой Азии, имеет общие элементы с первой историей о маснави царя и рабыни Самарканда. Эта история была еще одной, рассказанной ему—и законченной—Шамсом. Учитывая их месяцы уединения, большинство, если не все истории в Маснави, возможно, изначально были просто учением, которое Руми впервые услышал от Шамса и хотел сохранить в своей поэме. Книга VI заканчивается тихой притчей об “окне между сердцами”, без какого-либо крещендо, поэтому эпопея кажется мозаикой с несколькими недостающими фрагментами. Для поэта, которого так мало интересовали названия или рамки, замирать в тишине было достаточно подходящим утверждением. Некоторые, однако, говорили, что Руми просто потерял интерес к диктовке, несмотря на просьбы Хосама и султана Валада, как будто он спустился или поднялся в далекое спокойствие, которое все больше овладевало им.

Осенью 1273 года Руми тяжело заболел. Среди его ближайших сподвижников всегда был известный местный врач, известный как комментатор пятитомной персидской энциклопедии медицинских знаний, основанной в основном на древних греках Галене и Аристотеле. Руми высмеял Галена и его отно-

шение к медицине в целом в книге Ш Маснави, его скептицизм был пророческим, поскольку этот врач не смог диагностировать причину его слабости, кроме обнаружения избытка воды в его боку. Тем не менее, он оставался рядом с Руми, чтобы следить за его состоянием.

Неопределенное недомогание продолжалось неделями и месяцами, поскольку кровать Руми стала центром повышенной озабоченности и беспокойства за его семью, школу и всю Конью. Больше всего была взбешена и расстроена его жена Керра. "У тебя должна быть драгоценная жизнь в триста лет, нет, в четыреста лет, чтобы наполнить мир высшей истиной и смыслом», - умоляла она его. "Почему, Почему?" - ответил Руми. "Я Фараон? Что мне делать с этим миром пыли? Как я могу найти покой и мир в этом мире?" В течение трех дней и ночей он просил, чтобы с ним никто не разговаривал, и он ни с кем не разговаривал. Когда его жена, наконец, подошла к нему, опустила голову и спросила о его проблемах со здоровьем и его боли, он ответил: "Я думаю о своей смерти, которая скоро наступит." При этом замечании она взвизгнула и еще несколько часов билась в истерике.

В начале своей болезни Руми не был полностью прикован к постели и иногда ходил по мадрасу в слабой манере. Неизменной была его уверенность в том, что он умрет, и то, что он готовил близких к этому событию, а также устанавливал его тон с хорошим юмором, если не с откровенным рвением. Когда он вздыхал от боли, ковыляя по двору, его любимая кошка мяукала и выла. - Ты знаешь, что говорит эта бедная кошка?" - спросил Руми. - В нем говорится: "В эти дни ты отправишься на небеса и вернешься на свою исконную родину. Бедный я! Что мне делать?" (Когда этот кот умер через неделю после того, как Руми, его дочь Малек, похоронила его рядом с ним;)

Землетрясения были достаточно распространены в Анато-

лии, но во время этого падения произошло особенно мощное землетрясение, которое последователи Руми интерпретировали как связанное с его состоянием. В шуточной форме Руми согласился, сказав, что земля была он жаждал сочного куска и скоро будет удовлетворен его трупом, но город не пострадает. Он сообщил своим друзьям, что большинство пророков и мистиков покинули мир осенью I или в разгар зимы, “когда земля подобна железу.” Отягощенный беспокойством по поводу затянувшегося долга в пятьдесят дирхамов, он попытался расплатиться золотыми опилками. Когда кредитор простил свой долг, Руми сказал: “Слава Богу, я избавлен от этого ужасного препятствия!”

Вскоре он был заперт в своей комнате, рядом с кроватью стояла кастрюля с водой, в которую он мог опустить ноги и окропить грудь и лоб, так как его начинала мучить сильная лихорадка, Хосам и Султан Валад обычно находились поблизости. Видения и сны изобиловали среди собравшихся, по крайней мере, в более поздних пересказах событий тех дней присутствующими. Хосам рассказал, как они сидели на кровати, положив голову Руми себе на грудь, когда увидели, как перед их глазами материализовался молодой человек. Когда Хосам спросил его имя, он назвал себя Азраилом, Ангелом Смерти. - Какое прекрасное, пронзительное зрение-видеть такое лицо!” - слабо воскликнул Руми.

Один за другим знатные люди города приходили, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Их вел Конави, чья прежняя надменность по отношению к Руми давно исчезла и сменилась восхищенным уважением. Крестник Ибн Араби казался очень встревоженным и начал молиться об исцелении Руми: “Мы надеемся, что выздоровление произойдет. Маулана - душа человечества. Он заслуживает полного выздоровления.” Руми быстро огрызнулся: “Пусть эти слова будут ради тебя! Когда

между любящим и возлюбленным не более чем тонкая рубашка, разве вы не хотите, чтобы рубашка была сдвинута, чтобы свет мог соединиться со светом?”

В другой раз Главный судья Кади Сераджоддин посетил Руми, и его решения в пользу практики самы Руми сыграли решающую роль в том, что он смог безопасно завершить маснави и учить, танцевать и играть музыку во славу своей религии любви. Хосам держал в руке чашку, наполненную лекарственным зельем, в надежде, что Руми выпьет немного. Руми не обратил на это никакого внимания. - Я вложил чашу в руку кади, надеясь, что Мавлана возьмет ее из рук такого великого человека, но он отказался, - сказал Хосам. Когда кади удалился, снова вошел Конави. “Он взял чашу из моих рук и предложил ее Мауляне», - вспоминал Хосам. Сделав несколько глотков, Мавлана вернула ему бокал. - Дружба и доверие между ними углубились, несмотря на их философские разногласия, как между Шамсом и циником Шехабом в Дамаске.

Хосам, как всегда, был там, чтобы скопировать стихи, которые Руми продолжал писать до конца, его ясность сознания оставалась неизменной, за исключением тех случаев, когда лихорадка становилась слишком высокой. Руми хорошо привык читать стихи в экстремальных состояниях, от экстаза в разгар кружения до изнеможения посреди ночи. Его темой на смертном одре была радость смерти, которая стала поводом, к которому он обращался, всегда с посланием о том, что любовь, а не страх-единственный выбор, если вы не хотите потерять единственную жизнь, которая имеет значение. Как патриарх и мистик, достигший некоторой радости и покоя, он смог убедительно спеть о счастье и освобождении смерти в наборе стихотворений, не имеющих себе равных по этой сложной теме:

*Когда вы увидите, как выносят мой гроб,
Не думайте, что я страдаю от боли, покидая этот мир...
Когда ты увидишь мой труп, не плачь,
Я жажду этого времени, и этого воссоединения,
Когда они похоронят меня, не плачь,
Могила-это всего лишь завеса для вечности,
Когда ты увидишь закат, жди восхода.
Зачем беспокоиться о закате или угасающей луне?
Вы думаете, что садитесь, но вы поднимаетесь
Когда гробница заключит вас, ваша душа будет
освобождена.*

Он также прочел строки, которые в конечном итоге будут использованы для надписи I на его могиле. Его тахаллос, или подпись, был Шамсом из Тебриза, который был заменен Хосамом, но такой поворот назад к его первоначальной музе, возможно, был его целью. Руми все чаще вспоминал имя и присутствие Шамса на смертном одре. Его счастье и волнение по поводу смерти стали более реальными, представив ее разрешение как радостное воссоединение с Шамсом, а также со светом солнца и источником того и другого, Богом:

*Не грусти на Божьем празднике,
Мой подбородок закрыт, в могиле, спит
Белый, во рту вкус горько-сладкой любви . . .
Я никогда не успокоюсь, пока моя душа не улетит.
За возвышающуюся душу Шамса Тебризского.*

Обезумев от того, что его отец умер от этой болезни, и проводя бессонные ночи, ухаживая за ним, султан Валад тоже заболел. Как сообщал Афлаки, "Султан Валад чрезвычайно ослабел от безграничной службы, глубокого горя и недостатка сна.

Он постоянно плакал, рвал на себе одежду и причитал. И он совсем не спал.” Руми сказал: “Бахаоддин, я счастлив. Иди, положи голову на подушку и отдохни.” Затем он написал стихотворение, которое соответствовало моменту, эту “последнюю газель, которую сочинил Маулана”, еще раз намекая на Шамса, имя, скрытое в его предсмертных стихах:

*Иди. Положи голову на подушку: Оставь меня в покое.
Позволь мне бродить в ночи, разоренный и страдающий.
Я один в волнах страсти? всю ночь до рассвета
Если хочешь, приходи, смилуйся, будь жесток.
Единственное лекарство от моей боли-это смерть.
Так как же я могу попросить его обуздать мою тоску?
Прошлой ночью мне приснилось, что я видел
старика в аллее любви,
Он махал мне рукой, как бы говоря: “Иди ко мне.”*

Во время отсутствия султана Валада Руми обратился к вопросу о своем преемнике. Фатема продолжала настаивать на том, чтобы ее муж занял традиционно унаследованное положение во главе семьи мадрас и обеспечил место для их сына, Амира Арефа, как своего рода духовной королевской семьи. И снова Руми решительно отверг возможность начать родовую или сформировать более стандартный орден. Некоторые имамы Коньи пришли повидаться с Руми и спросили: “Кто подходит на место Мауланы и кто был избран?” Руми по имени Хосам. Вопрос и ответ повторились три раза. На четвертый вопрос они спросили: “Что вы хотите сказать Бахаоддину Валаду?” Руми ответил: “Бахаоддин-чемпион. Он не нуждается в подтверждении от меня. Ему не нужно хвастаться или предъявлять претензии.” Его старший сын принял это решение, как и раньше, молча, без публичных жалоб.

Никто из оставшихся в комнате не был в состоянии полностью осознать всю длину и ширину обширной жизни Руми. Спутники, которые путешествовали с его семьей из далекого Хорасана, теперь были в основном похоронены рядом с Баха Валадом на семейном участке императорского розового сада. Никто из его детей никогда не видел реки Окс, великого природного водораздела, разделяющего Балхскую область, где он родился, и они больше не могли посещать столицы его юности, Самарканд или Бухару, поскольку они были разрушены монголами как культурные центры, как и Багдад. Его мать осталась похороненной в Ларанде, и могила его первой жены не была включена в число остальных членов семьи. Некоторые из самых близких к нему людей знали замечательных шамов Тебриза, но только Руми понимал природу и масштабы их многомесячной интимной встречи, которая превратила его в середине жизни из уважаемого религиозного лидера в дерзкого мистика и провидческого поэта. Эти переживания держали его фигурой особняком даже в его приближении к смерти. В то время как все вокруг горевали и горевали, он оставался остроумным и безмятежным.

Руми покинул свой круг в согласованной манере с целевыми словами и сообщениями, рассматривая смерть как момент обучения. Он особенно понимал Керру, которая переживет своего мужа на девятнадцать лет и за эти годы станет характерной, эксцентричной фигурой в Конье, выходя из дома только вечером, чтобы пойти в баню, летом надевая меховую шубу из Туркестана с шелковой вуалью на голове, зажигая свечи в дневные часы, но очень востребованная за ее предполагаемые экстрасенсорные способности. - Появится ли кто-нибудь, похожий на нашего Ходавандгара? - безутешно спросила она. - Если есть, то он тоже будет мной, - ответил Руми. И затем он добавил: "У меня есть две привязанности в этом мире, одна к

тебе, а другая к моему телу. Когда я покину свое тело и присоединюсь к миру Единства, моя привязанность к тебе будет продолжать существовать.”

Руми утешил своих спутников именно таким сообщением— эманация духа, который он демонстрировал, будет такой же, как и его присутствие. Такая вера оживляла его подобные отношения с двумя преемниками Шамса, Салахом и Хосамом, которые, как он верил, излучали и вдохновляли дух любви и поэтому были аватарами любви: “Не бойся, когда я уйду, и не печалься, потому что свет Хейли, через сто пятьдесят лет после его смерти, открылся духу Атгара и стал его духовным наставником. В какой бы ситуации вы ни оказались, постарайтесь оставаться со мной и помнить меня, чтобы я мог показать себя вам. Какую бы одежду я ни носил, я всегда буду с тобой.”

В заключение он дал практический жизненный совет: “Я рекомендую вам бояться Бога, как молча, так и публично, не есть слишком много и не говорить слишком много, избегать причинения каких-либо неприятностей или греха, усердно поститься, постоянно молиться, оставить позади все страсти и похоть, терпение перед лицом несправедливости со стороны всего человечества, отказаться от общества глупцов и простых людей и общаться с добродетельными и благородными. Более того, лучший человек—это тот, кто приносит пользу другим людям, а лучшая речь кратка и дает указания.” Он также научил собравшихся молитве, которую они должны запомнить и повторять до конца своей жизни, начиная со слов: “О Господь Бог, я дышу только ради Тебя.”

Услышав окончательность в его тоне, некоторые из присутствующих в комнате, тем не менее, настаивали на том, чтобы он отдохнул, принял лекарство и позаботился о своем выздоровлении. “Мои спутники тянут меня в одну сторону,” вздохнул Руми, - в то время как Маулана Шамсоддин зовет

меня с другой стороны... Ближе всего к его подушке в последние часы был Хосам, его " море, проливающее жемчужины", как он недавно ликовал в Маснави. Повернувшись к Хосаму, его последние слова, по характеру, верные, но причудливые, Руми проинструктировал: "Поставь меня на вершину гробовой ниши, чтобы я мог подняться раньше всех остальных." На закате вечером 17 декабря 1273 года Руми умер в мире, дав неоднократные указания, чтобы эта ночь рассматривалась как его брачная ночь, время радости и счастливого воссоединения с любимой:

Летучие мыши ваших чувств летят в закат

В то время как жемчужина твоей души

катится к восходу солнца

Руми спланировал свой собственный фин-намаз, возродив основной замысел фимерального намаза, составленного для него пятнадцатью годами ранее, - шумную процессию, достойную свадебного торжества, с певцами, музыкантами и танцорами, а также чтецами Корана и имамами. Погребение Салаха было спорным, фимеральным, не похожим ни на одно из виденных в Конье до этого времени. Его проблемы почти не исчезли, особенно шок от смешения радостной музыки и танца с традиционно мрачным религиозным обрядом. Вскоре после смерти Руми Хосам предстал перед судом Кади Сераджоддина, чтобы еще раз защитить рабаб от объявления вне закона, и верховный судья вынес решение в его пользу просто в память о своем друге. Тем не менее в день похорон, казалось бы, вся Конья собралась, чтобы присоединиться к яркой церемонии, специально разработанной для них человеком, которого все считали святой фигурой или даже святым.

Вечером в день его смерти тело Руми было положено на скамью и омыто в соответствии с мусульманской практикой имамом, несколько его спутников помогли налить воду. Рано утром следующего дня гроб вынесли на плечах группы друзей и последователей из мадраса, который был семейным домом в Конье с последних лет жизни Валада. При первом взгляде на простой гроб все мужчины Оныи, независимо от происхождения, обнажили головы среди толпы, в которой было много женщин и детей. Процессию возглавляли чтецы Корана, декламирующие стихи, а также двадцать групп певцов, распевających стихи, сочиненные Руми, и музыканты, бьющие в литавры и играющие на гобоях, трубах и флейтах.

Самым примечательным было спонтанное появление религиозных лидеров из всех других конфессий, практикуемых в городе, а также их участие в *faitlifiil*. Как писал Афлаки, “присутствовали все религиозные общины со своими религиозными людьми и мирской властью, включая христиан и евреев, греков, арабов и турок. Все они в соответствии со своими традициями шли процессией, держа в руках свои книги. И они читали стихи из Псалмов Давида, Торы и Евангелий и плакали.” Султан Валад вспоминал похороны своего отца: “Жители города, молодые и старые, все плакали, плакали, громко вздыхали, жители деревни, а также турки и греки. Они рвали на себе рубашки от горя по этому великому человеку. ‘Он был нашим Иисусом!’ - говорили христиане. ‘Он был нашим Моисеем!’ - говорили евреи.”

Однако это событие было отмечено не только миром и радостью, но и неистовством и насилием. Красота излияния была прервана, когда некоторые последователи Руми попытались оттолкнуть других от религиозной церемонии, которая, по их мнению, принадлежала только им. “Мусульмане не смогли отбиться от них палками, мечами и ударами”, - рассказал

внук Руми об этом событии, которое запомнилось в его семье. “Толпу нельзя было рассеять, и возник большой спор.” Когда Парвану сообщили о беспорядках, некоторые видные монахи и священники были вызваны, чтобы объяснить свое участие. Руми проводил больше времени в греческом, армянском и еврейском районах, чем предполагалось, обучая и беседуя. “Все, что мы читали в наших священных книгах о пророках, мы видели в нем”, - сказал один из них. Греческий священник сказал: “Он был как хлеб. Вы когда-нибудь видели, чтобы голодный человек убегал от хлеба? Ты понятия не имеешь, кем он был на самом деле!”

Из-за долгой паузы, пока спор между конфессиями не был разрешен Парваном, а затем остановки и начала, когда скорбящие сорвали крышку гроба, которую нужно было заменить шесть раз, их истерику лишь частично подавили сельджукские солдаты и полиция, процессия не прибыла на кладбище Розария до заката. Суровость зимнего дня и угасание света усилили чувство печали, охватившее многих суфийских лидеров, близких к Руми, несмотря на утверждающую музыку и поэзию. Они по одному принимали участие в ритуале, известном как “Обряд посещения” прощания с трупом, где церемониймейстер объявлял их имена, как будто посещал королевский двор. Когда диктор назвал имя Конави, он добавил много уважительных титулов. Конави позже признался, что не понимал, что его зовут, так как все перечисленные излияния звучали более подходяще для Руми. Я

В качестве удивительного откровения о близости, возникшей между ними, Руми в одном из своих последних предсмертных пожеланий попросил, чтобы Конави была доверена ведущая роль в похоронной службе чтения последних молитв над его телом перед погребением. Во время чтения этих молитв Конави на мгновение оцепенел от горя В суматохе того дня, когда

некоторые опоздали на кладбище, и, учитывая эмоциональное расстройство Конави, Главный судья Кади Сераджоддин еще раз повторил погребальную молитву или завершил молитву, если горе Конави заставило его просто прервать службу в тусклом свете того раннего вечера, суфийский поэт Эраки сделал свое меткое замечание о Руми: “Он пришел в мир как незнакомец, и он ушел как незнакомец.”

Руми внушал видения, особенно подходящие, так как он был известен как мальчик, который видел ангелов. Один из скорбящих позже рассказал о том, что видел ряды голубых ангелов в тот день на кладбище, и Керра увидела, как ее муж преобразился в ангела с четырьмя парами крыльев. Более сдержанный и точный, Хосам утверждал, что никогда не видел Руми во сне и даже не ощущал его присутствия в течение семи лет после его смерти, пока однажды не встретил его, гуляя в саду Мерам, и Руми просто спросил: “Чуни? - Как поживаешь?” “Больше я ничего не видел,” сказал Хосам. Еще менее сверхъестественным, но наиболее запоминающимся из того, как Руми говорил и видел вещи, был сон вскоре после его смерти его друга Сераджоддина, чтеца маснави, который видел во сне Руми, сторбившегося в углу дома, погруженного в созерцание. Когда чтец спросил его о его жизни на небесах, Руми криво ответил: “Сераджоддин, они не поняли меня в загробной жизни больше, чем они поняли меня в этом мире.”

Послесловие

Всего за шесть лет, прошедших с тех пор, как я проследил путь молодого студента Руми в Алеппо, история напомнила мне о своей жестокой и разрушительной силе. Закончив писать о жизни Руми, я вспомнил свою раннюю, важную встречу в пятницу утром с Себастьяном на тихом крытом базаре Алеппо и задался вопросом, где он может быть. К настоящему

времени гражданская война, начавшаяся почти незаметно в ту неделю сиаме, привела к невообразимой катастрофе в Сирии в масштабах монгольского опустошения во времена Руми. Я поискала и в конце концов нашла карточку, которую протянул мне Себастьян.

Мне не удалось связаться с ним по электронной почте или номеру телефона, написанному от руки на обратной стороне смятой карточки магазина ковров, хотя мне удалось найти Омара на Facebook через общего друга-журналиста. Омар продавал ковры в том же семейном бизнесе, что и Себастьян, и теперь жил как сирийский беженец в Новой Зеландии. Его дядя был шурином Себастьяна, но дядя знал только о том, что в Англии в последний раз видели моего случайного друга. “Мне грустно из-за того, что произошло, - написал мне Омар в столь же пронзительном, сколь и кратком сообщении. - Я хотел бы измениться, но, как ты знаешь, мы не можем.”

Все признаки Руми, возможно, тоже исчезли. Он жил как раз в такое жестокое время разрушения и смуты, едва ли способствующее сохранению тонкой поэзии и духовного учения. Его смерть ознаменовала конец эпохи, и его “окружение” было одновременным с исчезновением утонченной культуры—и доминирующих личностей—его времени и места. В течение четырех лет политическое альтер-эго Руми, Парване, было казнено за измену теми самыми монголами, которые поддерживали его в течение двух десятилетий, падение от ненадежной власти, которое не удивило бы его духовного наставника. В те же годы умер контрапункт Руми Конави, его простая могила в Конье все еще идентифицировалась деревянными сотами гробницы, открытой для воздуха, в соответствии с его пожеланиями. Найдя закономерность в смерти этих трех человек, историк сельджуков Клод Каен написал: “Все те, кто был сформирован политически и интеллектуально в период вели-

колепия Сельджуков, теперь погибли вместе, и прежний блеск исчез вместе с ними.”

Однако потомкам Руми повезло, что лидеры, преданные его наследию, оказались в нужном месте в нужное время. После смерти Хосама через одиннадцать лет после Руми его сын султан Валад, которому наследовал его внук Ареф, в котором Руми души не чаял, стал лидером более формального институционального ордена Мевлеви — “Мевлеви” по — турецки означает “Маулави” - с руководством, передаваемым по-королевски от отцов к сыновьям. Они послали эмиссаров по Малой Азии и Леванту, чтобы пропагандировать братство I. “Большинство этих приказов заканчиваются после взрыва с «захватывающим лидером», - сказал профессор Ахмет Т. Карамустафа, эксперт по суфизму из Университета Мэриленда, рассказал мне об этом в разговоре. “Никто не следит за этим, и это все. Мевлеви оказались довольно успешными.” Ко времени Османской империи Мевлеви стали орденом установления, и шейх Мевлеви, потомок Руми, поручил опоясать любого нового султана церемониальным мечом.

Фортуна повернулась вспять для Мевлеви в Турции с I поправкой 1925 года, разработанной новым светским президентом Кемалем Ататюрком, запрещающей все суфийские ордена, поскольку он боялся их политической власти и не любил их затхлые воспоминания об османском прошлом. Закон запрещал использование мистических имен, титулов или костюмов Мевлеви, конфисковывал имущество и предусматривал тюремное заключение за такую практику. Однако два года спустя, в 1927 году, ложе Мевлеви в Конье, выросшей вокруг гробницы Руми, Зеленого купола, построенного Хосамом на средства Парвана и Гойдзи Хатун, было разрешено вновь открыть в качестве музея, которым она и остается; посетители могут увидеть манекены в мантиях, позирующие в ежеднев-

ном раунде дервиша.

Столь же трудно было искоренить возвышенную кружащуюся медитацию Руми, которой в 1950-х годах было позволено публично появиться под видом народного танца. На его первом “выступлении” в Конье в годовщину смерти Руми в декабре 1954 года присутствовала ученая Аннемари Шиммель, приехавшая из Анкары, где она преподавала. “Поздно вечером нас привели в большой особняк в центре старого города, в котором были расставлены кресла для знатных гостей”, - вспоминала она. “С изумлением мы наблюдали, как группа пожилых джентльменов разворачивала таинственные свертки, из которых появлялись флейты, рабабы, бубны, даже дервишские шапочки и платья ... Впервые за двадцать девять лет мужчины начали исполнять мистический танец вместе... они сразу же вернулись к старому ритму” небесного танца». « В то время как официально исполнители, дервиши, исполняющие кружащийся танец в Конье, теперь широко известны как духовные практики, настроенные на резонанс самы, хотя и в более формальной и элегантно поставленной версии, разработанной Мевлеви в османский период.

Когда я посетил Конью на церемонию поминовения самы в декабре 2010 года, эта общественная реабилитация шла полным ходом, чему способствовали выборы премьер-министра Эрдогана, чья избирательная база была сосредоточена в политически консервативном регионе Конья, известном как “Пояс Корана” Турции. По ошибке свернув не в тот коридор в огромном зале в форме блюда, где проходили церемонии, я был поражен, столкнувшись с охраной с огромным автоматическим оружием. Когда премьер-министр обратился к тысячам собравшихся на это мероприятие, я смог разобрать слова “Руми” и “Турция”, повторенные в тесном сопоставлении. Ходили слухи, что иранский президент тоже будет присутствовать, хотя в

конце концов он так и не появился. (Руми фигурировал в ирано-турецких политических отношениях десятилетиями ранее, когда аятолла Хомейни, сосланный в Бурсу в Турции, прежде чем стать верховным лидером Ирана, по сообщениям, хотел совершить паломничество к могиле Руми, но ему помешали из-за отказа снять свою церковную одежду.)

Такая геополитическая значимость для далекого поэта любви может показаться невероятной. Руми бесконечно предупреждал об опасности заниматься политикой и положением в обществе:

*Животные толстеют от поедания травы.
Люди от власти и славы*

Тем не менее, импульс его слов и поэзии оказался столь же самоподдерживающимся - хотя и столь же маловероятным—как успех его кружащегося танца и Ордена Мевлеви, и его двойное наследие как серьезного святого и поэта мирового класса оказалось мощным. Тысячи изящных двустиший других поэтов, начиная с богатого момента в персидской поэзии—подобно нитям жемчуга, как описал их один из их собственных критиков,— тоже исчезли. Тем не менее, по случайности и преданному замыслу, строки Руми ежедневно воспроизводятся как в оригинале, так и в современных переводах. (Я добавил к плотному потоку ежедневных твитов мои совместные переводы строк его стихов.)

Нити, связывающие нас с его оригинальной поэзией, по крайней мере, столь же хрупки, как и те, что связывают нас с ним как с духовной фигурой, и были столь же подвержены разрыву. Голос Руми впервые прозвучал на Западе, слабо, только в восемнадцатом веке, когда молодой австрийский посол в Стамбуле Жак де Валленбур перевел Маснави на французский

язык. Более долговечными были сорок четыре глазаля, переведенные на немецкий язык Фридрихом Рук-эртом около 1820 года. Один критик резко охарактеризовал перевод Рюккерта: “Это стихотворение пахнет розами.” Гегель восхищался этими стихами за пантеистическую философию, которую, как ему казалось, он обнаружил. Шуберт и Штраус положили несколько песен на музыку в качестве *lieder*. Классический английский ученый - “востоковед” Р. А. Николсон подготовил грандиозный и долговечный перевод шести томов «Маснави», который начал появляться в печати в 1925 году. Его студенты в Кембриджском университете сообщили, что он плакал во время своих лекций маснави. Кабинет Николсона был оформлен в восточном стиле, и он трудился над делом своей жизни, облаченный в длинные суфийские одежды, с высокой круглой шляпой Мевлеви на голове.

Слова Руми нашли отклик в “ухе сердца”—как он выразился— благодаря переводам на десятки языков, хотя и не одинаково. Его стихи были наиболее популярны на индо-Пакистанском субконтиненте с начала четырнадцатого века и в Афганистане, где декламация, вероятно, ближе всего по произношению к собственной речи Руми, поскольку афганский персидский язык почти не изменился со времен средневековья. В то время как Руми в настоящее время популярен в Израиле, его стихи менее популярны в арабских странах, поскольку они связаны с персидским и Ираном. По иронии судьбы, когда ученый Руми Форузанфар учился в молодости в Мешхеде, в восточном Иране, ему было трудно читать тексты Руми, поскольку эта “суннитская поэма « считалась излишним чтением для многих студентов шиитской семинарии.

Что-то от американского сердцебиения всегда ускорялось в Руми, начиная с трансценденталиста Ральфа Уолдо Эмерсона, который перевел строки с немецкого Ракерта:

*Из Рая я Павлин,
Который сбежал из своего гнезда.*

Решающее событие в повышении осведомленности о Руми в Соединенных Штатах произошло в середине 1970-х годов, когда Роберт Блай передал копию научных переводов А. Дж. Арберри поэту Коулману Барксу, сказав: “Эти стихи должны быть выпущены из клеток.” Последовавшее за этим трепетание интерпретаций в свободной американской идиоме было живительным, и часто, когда кто-то говорит, что любит Руми, они имеют в виду версии Баркса. Баркс немного разгорячился из-за того, что не знает персидского языка-он работает с носителем языка или с буквальными английскими академическими версиями. И все же Руми всегда была снисходительной музой. Хотя немецкий поэт Ханс Майнке, умерший в 1974 году, не был таким издательским феноменом, как Лай, он написал более ста од от имени Руми, направляя свой дух, как Руми-Шамса:

*О Руми, с тех пор, как я стал тобой,
Суматоха прекратилась ...
О Руми, с тех пор, как я стал тобой.
Север стал югом, а юг стал севером.*

Я полагаю, что мое страстное желание поговорить с Себастьяном по окончании моего джоумея возникло из потребности еще раз поговорить с ним о его понятии “тайны” Руми, которое помогло мне в моем пути и, к счастью, оказалось столь же важным для поэта-мистика, как и для его читателей и слушателей. Я пришел к согласию с Себастьяном, что тайна была важным компонентом непреходящей силы Руми. Руми говорил

о серре часто и во многих контекстах. Эта завеса тайны была добродетелью и художественным стилем в более широкой культуре того времени. Это была атмосфера, которой дышали суфийские мистики и персидские поэты, когда—любимая метафора Руми для влюбленных— рыба, забывчиво плавающая в океане. Руми, однако, создал безошибочно личную версию, которая резонирует в наше время за пределами других.

Величайшая и наиболее охраняемая тайна в жизни Руми касалась природы его пламенной и преобразующей дружбы с Шамсом из Тебриза, “солнечным светом сердца”. Некоторые объясняют поток страстных любовных стихов, последовавших, когда Шамс исчез из жизни Руми, как вписывающийся в традицию преданности ученика шейху. Тем не менее Руми и Шамс—как и другие свидетели—подчеркивали сложность их отношений, их неспособность соответствовать такой аккуратной модели «учитель-ученик». Хотя никаких свидетельств эротической составляющей не существует, Руми решил говорить об их духовной любви в стиле персидской романтической любовной поэзии, и от переплетения этих двух пришло его мимолетное послание. Наиболее ироничным в его нынешней привлекательности в наш век откровенности и эксгибиционизма является убеждение Руми-особенно в Маснави — в том, что даже имя его любимого Шамса должно постоянно скрываться.

Его поэзия тоже исходила из эстетики тайн. Руми заговорил кодовым тоном. Шамс был светом солнца, но таким же был и Бог, и, говоря о возлюбленном, он также говорил о невыразимом или приближался к невыразимому, поскольку сущность Бога-это любовь. Его акцент на боли разлуки относился как к человеческому, так и к божественному. Вся персидская любовная поэзия была построена из резервуара стоковых изображений: молодой виноносец с черными ресницами; соловей в розовом саду; кипарисы и нарциссы, звезды и луны. Тем не

менее, когда Руми писал о Боге и обращался к Нему, он также писал в традициях мистической поэзии, включая суфиев Востока, а также святого Иоанна Креста или Джона Донна с Запада. Руми согласился бы с Эмили Дикинсон: “Говори всю правду, но говори косо.” Он использовал Шамса в качестве своего тахалло, но также и Молчание, или Хамуш. Самые удачные стихи для Руми были неудачными. Приблизившись к Богу, они погрузились в молчание*

*Объяснения многое проясняют,
Но любовь ясна только в тишине*

Самый практический из секретов для Руми касался его веры. Руми родился в религиозной мусульманской семье и всю свою жизнь следовал запрещенным правилам ежедневной молитвы и поста. Тем не менее, столь же набожные мусульманские суфии, такие как его любимый Халладж, были казнены в прошлые века, и благоразумие и речь в аллюзионной поэзии стали для них чем-то большим, чем просто стилистическое предпочтение. По крайней мере, один раз против Руми были выдвинуты юридические обвинения за использование музыки и танцев в религиозной практике, как и против Шамов за употребление вина. В маснави Руми стал смелее заявлять о “религии любви”, которая выходила за рамки всех организованных религий. Как сказал мне Джавид Моджадедди, который в настоящее время приступил к переводу на английский язык всего Маснави, “Руми резонирует сегодня, потому что люди думают о пострелигии. Он пришел к пониманию мистицизма как божественного происхождения каждой религии.” Руми сказал это тонко, в стихах;

Когда вы обнаружите источник солнечного света...

В каком бы направлении вы ни пошли, это будет восток

Когда я разговаривал с Коулманом Барксом по телефону из его дома в Афинах, штат Джорджия, он согласился с Моджадедди, что сенсационная реакция на его собственные переводы на английский язык в наше время во многом связана с акцентом Руми на экстазе и любви над религиями и вероисповеданиями. “Я действительно верю, что Руми обнаружил, что выходит за рамки традиционной религии”, - сказал Баркс. “Он не имеет никакого смысла делить на разные имена христиан, евреев и Мушм. В тринадцатом веке это было дико, но он сказал это, и его не убили. Должно быть, он сказал это с такой мягкостью и такой властью, что они не могли напасть на него. Никто из фундаменталистов не нападает на Руми. Они просто этого не делают. Они оставляют его в покое, потому что он так любим. В стихах Руми есть музыка благодати, которую люди могут услышать, не физическая музыка, а психическая музыка, которая заставляет их чувствовать экстаз.”

Эти изысканно выверенные идеи и тексты важны для многих читателей сегодня не только из-за их красоты или даже тайны, но и из-за истин, которые они находят полезными в своей жизни. Однажды вечером я ужинал в ресторане в саду в нижнем Манхэттене с Асмой Садик, педиатром медицинского центра Бет Исраэль. Родившись в Пакистане, она говорила о том, что вернулась к своим корням, а также к концепции психического здоровья, прочитав Руми. “Я чувствовала, что Руми подружился со мной,” сказала Асма. “Это было очень странно, но он дал мне связь с чем-то запредельным.” Ее отец читал ей руми в детстве, а также поэтов на урду, и в момент его смерти она нашла утешение в Руми. Она также вернулась к своей религии и Корану, особенно к суфизму, хотя недовольная сестра не заметила связи: “Она сказала мне: «Руми был мягким, умным человеком, гуманистом. Почему вы связываете его с религией?» Переживая трудные времена в своей личной жиз-

ни, она хранила стихи Руми в своем кабинете, чтобы читать их между пациентами; “Мы-общество, влюбленное в любовь, но Я, Руми, принимаю эту любовь глубже и признаю боль за пределами Меня, высшего.”

В конце своих путешествий я осознал ощущение, присутствовавшее с такой же силой, когда я впервые обнаружил Руми в квартире моего друга в Майами два десятилетия назад: текстура голоса. Независимо от того, звучала ли эхом лирика газели, проповеднические рассказы маснави или его импровизированные беседы, Руми передавал срочность и близость, любовь и юмор, а также потребность быть услышанным, даже когда он вращался в тайнах. В том, что я мог бы нюхать или восхищаться в различных переводах, сквозит что-то непреодолимо узнаваемое. В то время как Руми сдержанно делился всеми мельчайшими подробностями своей повседневной жизни, он оставался открытым, любящим, терпимым, искренним и даже исповедальным. Его великое достижение—четко сформулировать звук говорящей души:

*Не говорите так, чтобы вы могли слышать эти голоса,
еще не превратившиеся в слова или звуки*

Благодарности

Большое преимущество в написании о Руми заключается в том, что он ежедневно обновляется своими мудрыми высказываниями и жизненными советами. В самом начале меня поразила одна такая строчка из газели, которая стала стрелкой компаса в путешествиях, как географических, так и литературных, которые занимали меня почти восемь лет: “Сядьте рядом с кем-нибудь с большим сердцем, сядьте в тени дерева со свежими листьями.” К счастью, Руми, как правило, привлекает ученых, кураторов, переводчиков, гидов, преданных, религиозных лидеров, библиотекарей, художников, музыкантов

и близких читателей с большими сердцами. Всем им, которых, в конце концов, слишком много, чтобы назвать их имена, я в долгу благодарности за длительный опыт сидения в тени этого дерева со свежими листьями.

У Руми была большая жизнь, и мир интересов, который вырос вокруг него за более чем восемьсот лет, огромен. Среди моих предшественников в изучении жизни и творчества Руми были писатели и ученые, достигшие таких успехов, что я мог только надеяться, что их вклад, пусть и слабый, отразится на моем собственном языке и мышлении. Современный американский ученый, который наиболее исчерпывающе проголо-совал за Руми,—это Франклин Д. Льюис, заведующий кафедрой ближневосточных языков и цивилизаций Чикагского университета. Его Руми: Прошлое и настоящее, Восток и Запад были моим авторитетным источником для многих фактов из жизни Руми. Я также благодарен профессору Льюису за то, что он нашел время для беседы за обедом, когда был в Нью-Йорке. Из бывших ученых Руми аналогичного уровня я в долгу перед великим редактором Бади аль-Заманом Форузанфаром из Тегеранского университета и яркими книгами по этому вопросу Аннемари Шиммель, в прошлом профессором индо-мусульманских исследований в Гарварде.

Написание этой биографии потребовало многих встреч с экспертами, некоторые из которых были необычайно щедры, игнорируя любой импульс к территориальности в обмене своими знаниями—свидетельство им и, опять же, возможно, Руми. Среди них выделяется ирано-американский романист и эссеист Салар Абдо, содиректор программы Creative Writing MFA в Городском колледже Нью-Йорка. Деля свое время между Тегераном и Нью-Йорком, Салар оказал мне неоценимую помощь в поиске книг на оригинальном персидском языке, которые были недоступны в Соединенных Штатах. Я благодарен

У. Грегори Галлахеру, прилежному библиотекарю ассоциации «Век», за то, что он сохранил оставшиеся неуловимые тексты с помощью межбиблиотечного займа. За другие подобные рекомендации я благодарю: Ахмада Ашрафа, главного редактора «Энциклопедии Ираника» Колумбийского университета; Мохаммеда Батманглиджа, издателя книг Магов; Дика Дэвиса, превосходного переводчика Хафеза и других персидских поэтов; и специалиста по исследованиям Дэвида Смита, ранее работавшего в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Поскольку Руми писал и говорил по - персидски, и большинство временных отчетов о его жизни написаны на персидском языке, а также некоторые из самых увлекательных научных работ, многие из которых до сих пор не переведены, начальная фаза этого проекта включала изучение языка. За то, что я познакомил себя с красотами и особенностями фарси, я в огромном долгу перед писательницей и носительницей персидского языка Мариам И Мортаз, моей первой наставницей. По мере роста проекта росла и ее роль, поскольку она была моим сотрудником по переводам Руми и других источников с оригинального персидского языка, использованного в этой биографии. В I Техасском университете в Остине, где я принимал участие в Летней школе персидского языка в 2011 году, моим талантливым преподавателем был Флейк Этвуд, с которым я впоследствии учился на онлайн-курсе персидского языка для выпускников. В Университете Висконсина в Мэдисоне, где я посещал Институт погружения в арабский персидско-турецкий язык летом 2012 года, я также в долгу перед Сейеде Пуйе Хошхусани, Парване Хоссейни Фахраджи и Мехраком Камахсарвестани. В течение семи лет я также периодически посещал вечерние курсы персидского языка, которые вел Фахиме Гуран Савадкухи в Школе непрерывного и профессионального образования Нью-Йоркского университета. За руководство всеми

этими программами и за наши стимулирующие дискуссии о персидской поэзии за кофе я благодарю уважаемого литературного критика и иранолога Мохаммеда Мехди Хоррами, клинического профессора ближневосточных и исламских исследований в Нью-Йоркском университете.

Путешествие по землям, известным Руми, требует квалифицированной помощи и руководства. Среди тех, кто сделал мои путешествия возможными и наиболее полезными: Программа путешествий Гарвардского музея естественной истории; Дмитрий Рудич в корпорации «МИР» в Сиэтле; и мои гиды Музафар Ибрагимов в Таджикистане, Махмуд Дарьяи в Иране и Узеир Озюрт в Конье, Турция, где мне также показали высоко информированный доктор Наси Бакирчи, заместитель директора Музея Мевланы, и доктор Нури Симсеклер из Сельджукского университета в Конье. Из полезных друзей я хотел бы поблагодарить: Саади Алкуатли за его участие в организации моей поездки в Сирию; за ее советы по путешествиям в Центральную Азию д-ра Эмили Джейн О'Делл; д-ра Роберта Фирма, бывшего посла Соединенных Штатов в Афганистане; Фредерика Эберштадта; Омера Кока за его гостеприимство в Стамбуле и за то, что он представил меня Эсину Челеби Байру, внучке Руми из двадцать второго поколения; и Джошуа У. Ходок. Я также благодарен Ричарду Дэвиду Стори, главному редактору журнала Departures, за заказ статьи "Волшебный мистический тур по Турции."

За интервью, любезно предоставленные лично, по электронной почте или по Скайпу, я хотел бы поблагодарить: Коулмана Баркса; Уильяма Читтика, профессора азиатских и азиатско-американских исследований в Университете Стоуни-Брук, с которым меня любезно познакомил его студент Бехруз Кайджоравари; Кабира Хельминкси; Ахмета Карамустафу, профессора истории в Университете Мэриленда; Джа-

вида Моджаддеди, адъюнкт-профессора религии и директора аспирантуры Университета Рутгерса и переводчика Маснави; Асму Садик, доктора медицинских наук, директора отделение Развивающе-поведенческой педиатрии, Медицинский центр Бет Исраэль; Профессор доктор Келим Эركان Туркмен; писатель-путешественник и лингвист Брюс Ваннелл; и профессор Эхсан Яршатер, основатель Центра иранских исследований, и почетный профессор иранистики Колумбийского университета Хагоп Кеворкян.

За неоценимые постоянные советы по написанию этой книги я хочу поблагодарить мою проницательную подругу и давнюю “первую читательницу” Барбару Хейзер за ее щедрые и характерно проницательные ответы. Я также полагался на двух своих находчивых помощников-исследователей Мариам Рахмани и Джейкоба Денца, а также на картографа Анандарупа Роя для разработки сопутствующих карт. За экспертное прочтение более поздних версий книги я в долгу перед имамом Фейсалом Абдулом Рауфом, председателем Инициативы Кордовы, Джоэлом Конар-Роу и Даниэлем Рафинеджадом. Я не могу представить, чтобы эта книга существовала в ее нынешнем виде без влияния в критические моменты моего редактора в Нагрег Уильяма Стрейкена, а также ранней, смелой и постоянной поддержки моего издателя Джонатана Бернхема и тигра в моем углу, моего агента Джой Харрис, чья страсть к этому проекту никогда не ослабевала.

Имя Руми всегда будет синонимом любви. Он поэт любви и, как он выразился, “проповедник любви”. Нигде любовь не была для меня более реальной во время написания этой книги, чем в моей семье, своего рода команде любви. Я никогда не мог решить, был ли мой партнер, Пол Раушенбуш, Руми в моей жизни или Шамсом, но он, безусловно, был любящим и внимательным сотрудником и попутчиком в создании этой

книги в большем количестве способов, чем я когда-либо мог описать. Чудо любви, счастливо появившееся в последний год существования Тайны Руми, наш сын Уолтер, к настоящему времени создал все новое, включая письменность и чтение, которое происходит на картонных страницах, оживив для нас основную строчку Руми: “Твоя любовь хлопает в ладоши, создавая сотню миров.”

Примечание о транслитерации

Руководящий принцип транслитерации персидских и арабских слов в этой биографии состоял в том, чтобы облегчить трудности читателей-неспециалистов. Персидские слова были переведены на латиницу в соответствии со стандартным иранским произношением сегодняшнего дня. Слова арабского происхождения, вошедшие в английский язык, такие как хиджаб или Кааба, сохранили свое обычное написание. Собственные имена арабских исторических деятелей были транслитерированы в соответствии с упрощенной версией системы, используемой Международным журналом исследований Ближнего Востока. Диакритические знаки были полностью опущены, за исключением библиографических цитат, где использовалась более строгая система транслитерации, которая более тесно связана с названиями статей или книг в библиотечных каталогах.

СЕМЬЯ

Алаоддин Мохаммад. Один из двух сыновей Руми от его первой жены, названный в честь брата Руми.

Бахаоддин Валад, или Баха Валад. Отец Руми.

Фатема Хатун, или Фатема. Дочь Салаходдина, жена султана Валада.

Гоухар Хатун, или Гоухар. Первая жена Руми.

Великая Керра. Мать первой жены Руми; самаркандская ученица отца Руми.

Керра Хатун, или Керра. Вторая жена Руми.

Кимия. В гареме Руми, жена Шамса Тебризского.

Кимия Хатун, или Кимия. Падчерица Руми, дочь Керры Хатун.

Малеке Хатун. Дочь Руми, с Керрой Хатун.

Мгновение Хатун, или Мгновение. Мать Руми, одна из жен Бахаоддина Валада.

Мозаффароддин Амир Алем Челеби. Третий сын Руми, с Керрой Хатун.

Шамсоддин Яхья. Пасынок Руми, сын Керры Хатун.

Султан Валад, или Бахаоддин Мухаммед. Один из двух сыновей Руми от первой жены.

Улу Амир Ареф Челеби, или Джалалоддин Фаридун. Внук Руми, сын султана Валада и Фатимы.

ДРУЗЬЯ

Бадроддин Гоухарташ. Командир крепости, построил мадрас в Конье для семьи Руми.

Борханоддин Мохаккек, или Борхан. Бом в Термезе, наставник Руми, крестный отец и проводник.

Горжи Хатун, “грузинская дама” или Тамар. Благородная женщина, преданная Руми.

Хосамоддин Челеби, или Хосам. Последний любимый спутник Руми; записал Маснави.

Ибнал-Адим. Поэт, историк и дипломат, а также главный учитель Руми в Алеппо.

Садроддин Конави. Крестник Ибн Араби; в Конье преподавал путь мистического знания.

Салаходдин Заркуб, или Салах. Голдсмит, любимый компаньон Руми после Шамса.

Сераджоддин Ормови. Религиозный судья в Конье в зрелые годы Руми.

Шамсоддин, Шамс из Тебриза, или Шамс. Любимый спутник Руми и «лицо солнца»

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ

Аттар. Аптекарь-травник в Нишапуре написал «Конференцию птиц».

Джами. Суфийский поэт Хорасана Накшабанди пятнадцатого века. Хайям, Омар. Математик двенадцатого века из Нишапура, известный своим робайятом.

аль-Мутанабби. Главный арабский поэт одиннадцатого века, пожизненный любимец Руми.

Незами. Придворный поэт в Азербайджане; написал классический романс в куплетах, Лейли и Меджнун.

Рудаки. Говорят, что бухарский поэт-новатор десятого века изобрел форму робая.

Санаи. Из Газны, Центральный Афганистан; адаптированные придворные формы для духовных подданных.

Якут. Мусульманский географ и писатель-путешественник, современник Руми.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Алаоддин Кайкобад II. Сеюк султан (р. 1219-37); пригласил семью Руми в Конью.

Алаоддин Кайкобад II. Сельджукский султан (р. 1246-57). Младший сын Кайхосрова II, мать которого была грузинской принцессой Гойдзи Хатун, умер во время миссии при монгольском дворе.

Аминоддин Микаил. Чиновник сокровищ и вице-король, его жена была ученицей Руми.

Эззоддин Кайкаус II. Сельджукский султан (р. 1246 или 1248-60). Старший из трех сыновей Кайхосрова II, его мать была дочерью греческого священника.

Чингисхан (ок. 1162-1227). Основатель и Великий хан Монгольской империи.

Гиасоддин Кайхосров II, сельджукский султан (р. 1237-46), женат на Гойдзи Хатун.

Гиасоддин Кайхосров III (р. 1264-82), сельджукский султан, основанный, когда ему было не более семи лет, Парваном.

Хулагу-хан (ок. 1218-1265). Внук Чингисхана; завоевал большую часть Западной Азии и возглавил осаду и нападение на Дамаск.

Хоразмшах, Алаоддин Мохаммад, р. Такеш (р. 1200-1220). Правитель Хоразма, в Центральной Азии, в детстве Руми; осадил Самарканд.

Мойноддин Солейман Парвейн («Бабочка»). Государственный деятель и фактический правитель сельджукской Анатолии в период монгольского протектората; женат на Гойдзи Хатун.

Незам аль-Молк. Сельджукский визирь XI века; основал университет Незамийе в Багдаде; покровитель Омара Хайяма и автор руководства по государственному управлению.

Рокноддин, Келидж Арслан IV (р. 1246-64), сельджукский султан. Второй сын Кайхосрова II, его мать была греческой рабыней и наложницей. Очевидно, убит на банкете.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ

Баязид Бестами. Суфий девятого века; пропагандировал “пьяную” Школу суфизма.

Фахроддин Рази из Герата. Мусульманский аналитический философ и проповедник, которого не любил отец Руми.

аль-Газали, Абу Хамед Мохаммад. Светило одиннадцатого века в колледже Незамийе, Багдад; отверг логическую философию в своем Возрождении религиозных наук.

аль-Газали, Ахмад. Радикальный суфийский поэт и мистик, брат Мухаммеда аль - Газали.

аль-Халладж, Мансур. Экстатический или “пьяный” суфий десятого века, казненный в Багдаде.

Ибн Араби. Арабский мистик испанского происхождения; писал мекканские откровения, синтез мистической мысли в эпоху Руми; преподавал в Дамаске и Алеппо.

Джонайд. Суфий десятого века; пропагандировал “трезвую” школу Багдада.

Аббасид. Третий из исламских халифатов, сменивший пророка Мухаммеда, Аббасиды правили в основном из своей столицы в Багдаде в современном Ираке после принятия власти от Омейядов в восьмом веке,

ахавана. Сообщество ремесленников, рабочих и торговцев, подобное ранним гильдиям, с рыцарством и братством.

Айюбид. Мусульманская династия, основанная Саладином и сосредоточенная в Египте, с султанами, часто соперничающими за власть в Сирии и других частях Ближнего Востока,

Баба. Религиозные деятели, часто сопровождающие туркменов, иммигрировавших в Анатолию из Центральной Азии.

халиф. Термин, означающий “заместитель” или “преемник” Пророка Мухаммеда после его смерти, прилагаемый к правящему религиозному лидеру мусульман, караван-сарая.

Придорожная гостиница, также известная как «хан» Суфийская инициатическая практика длительного периода изоляции от мира.

Дервиш. Турецкий вариант персидского слова для тех, кто отрекся от мира, или для бедных в Боге; обычно используется для суфиев, диван. Сборник стихотворений.

фетва. Постановление религиоведа по вопросам исламской юриспруденции, фотовват. Широко распространенное братство в исламе, в состав которого входили некоторые халифы, сочетавшее рыцарскую мораль и набор этических норм с суфийским мистицизмом, а также с оттенком воинственной силы.

газель. Лирические, рифмованные стихи, часто на романтические темы, иногда включающие радиф, или повторяющиеся слова или фразы в конце каждой строки, и обычно не превышающие шестнадцать строк, хадис. Записанные высказывания или учения пророка Мухаммеда.

хадж. Ежегодное паломничество в священный город Мекку, совершаемое способными мусульманами хотя бы раз в жизни.

гарем. Отдельные помещения для женщин и маленьких детей в традиционном мусульманском доме.

хэзл. Похабные персидские стихи с сатирой курса и вульгарным языком I, джинн. Невидимые, озорные духи или джинны.

Кааба. Самая священная святыня в исламе, расположенная во дворе Великой мечети в Мекке, и, как полагают, была построена патриархом Авраамом.

ханека. Суфийская ложа.

Хорасан. Восточный регион бывшей Персидской империи, в-1 ускользящий от большей части современного восточного Ирана, Афганистана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана.

лэйл. Репетитор для детей.

мадраса. Школа или колледж высшего уровня.

мактаб. Начальная школа.

маламатия. Последователи “пути вины”, которые намеренно маскировали свое благочестие неортодоксальной одеждой и поведением.

Мамлюк. Военная или воинская каста, которая поднялась из рядов рабов-солдат, чтобы в конечном итоге контролировать султанаты в Египте и Сирии в тринадцатом веке.

маснави - длинное стихотворение в рифмованных двустихиях, часто на духовные темы; также предпочтительная форма повествования на классическом персидском языке.

михраб. Стенная ниша в мечетях, указывающая направление на священный город Мекку.

минбар. Кафедра в мечети.

Маулана. Титул Руми, означающий “Наш Учитель” или “Наш Учитель». Термин в турецком языке - “Мевлана”, основа названия ордена Мевлеви, нет. Тростниковая флейта.

касида. Более длинная ода, часто хвалебная, но также написанная с элегическим, сатирическим, дидактическим или религиозным содержанием.

кади. Местный мусульманский судья по религиозному праву.

кибла. Направление Мекки, которое является ориентиром для мусульманской молитвы, рабаб. Ребек, или маленький струнный вертикальный инструмент, иногда кланялся, как скрипка.

робай. Стихотворение, состоящее из четырехстрочного четверостишия, часто включающего || короткие, содержательные наблюдения о жизни.

сама. Медитативные сеансы прослушивания музыки и поэзии; иногда в сопровождении кружащегося танца.

Сельджуки. Первоначально один из десятков кочевых тюркских кланов в Центральной Азии, сельджуки пользовались двухвековой властью в центральных исламских землях-Великие сельджуки были “защитниками” халифата Аббасидов в Багдаде, а сельджуки в Анатолии победили византийцев, чтобы основать Сельджукский султанат.

Шариат. Религиозное право, по-разному интерпретируемое в таких суннитских юридических школах, как ханафитская, которой следовали семья Руми, Шафии и Ханбали. шейх. В суфийской традиции-духовный лидер или наставник.

Шииты. Меньшинство ветви ислама считает, что руководство исламом должно принадлежать потомкам семьи Пророка Мухаммеда, начиная с его двоюродного брата и зятя Али. “Шиит” буквально означает “Партия Ах.”

Суфизм. Мистическая ветвь ислама, от корня слова “суф’ или шерсть, возможно, для шерстяных одежд, которые носили ранние суфийские аскеты, отвергающие богатство и мирское.

Суннит. Большинство ветвей ислама, полагая, что руководство исламом по праву передавалось через сподвижников Пророка, следуя “сунне” или примеру Пророка, а не обязательно проживало с семьей и потомками.

тахаллос. Подпись, бирка или псевдоним, используемый поэтом и обычно зарезервированный для последней строки газели, также описываемой как “застежка», удерживающая вместе нанизанные жемчужины отдельных строк в ожерелье.

Омейяд. Второй из исламских халифатов, сменивших пророка Мухаммеда, династия Омейядов правила в основном из Дамаска, начиная с седьмого века, пока не была свергнута династией Аббасидов в восьмом веке.

Карты

Центральная Азия и Ближний Восток в тринадцатом веке нашей эры. Анатолия и соседние земли в тринадцатом веке нашей эры.

Рекомендации

ЦИТИРУЕМЫЕ РАБОТЫ (ПРЯМЫЕ ПЕРЕВОДЫ)

аль-Афлаки, Шамс ад-Дин Ахмад. Манакерб аль-Арефин ред., Тахсин Язичи, 2 тома. (Анкара: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 1959), Ссылка сделана на офсетную перепечатку, 4-е издание (Тегеран: Donya-ye Ketab, 1985/2006).

Баха ад-Дин Валад. Маарэф: маджму'е-йе мава'ез ва сохнана-е Солтан аль - олама Баха ад-Дин Мохаммад б. Хосейн Клятиби-йе Балхи, ред., Бади' аз-Заман Форузанфар. 2 тома. (Тегеран Эдаре-е Колл-е Энтебаат-е 1 Везарат-е Фарханг, 1955 и 1959.) 2-е издание было опубликовано в Тегеране в 1973 году.

Борхан ад-Дин Мохаккек. Маарэф: маджму'е-е мава'ез ва каламат-е Сейед Борхан ад-Дин Мохаккек-е Термези, ред., аз-Заман Форузанфар. 2-е издание. (Тегеран: Markaz-e Nashr-e Daneshgah-e Teliran, издание раздела, 1958'). Впервые опубликовано в 1961 году.

Фаридун б. Ахмад Сепаксалар; Перепродажа-йе Сепаксалар, ред.: Саид Нафиси (Тегеран: Эқбал, 1325/1947); перепечатано как Зендегинаме-йе Маулана Джалал ад-Дин Маулави в 1983 году).

Форузанфар, Бади аль-Заман. Перепродажа dar tahqiq-e ahval va zendegani-ye Mowlana Jalal al-Din Mohammad mashhur be Mowlavi, rev. 4-е издание (Тегеран: Завар, 1978). Впервые опубликовано в 1951 году.

Руми. Диван-и Шамс-и Тебризи После издания Бади аль-Замана Форузанфара, Коллият-и Шамс я Диван-и Кабир, 10 томов. (Телиран: Издательство Тегеранского университета,

1957-67). Ссылка сделана на издание всей серии, перепечатанное Амиром Кабиром в девяти томах, 2535/1977. Диван дает номер для каждого газеля, робая и тайцзи-бэнда.

Fihe ma fih az goflar-e Mowlana Jalal al-Din Mohammad, mashhur be Mowlavi, ed. Бади аз-Заман Форузанфар (Тегеран: Нега, 1389/2010).

Первое издание, опубликованное Амиром Кабиром в 1951 году.

Majales-e sabe'e (Тегеран: Кайхан, переиздание 1994). Первое издание опубликовано в 1986 году.

Мактубат-и Маулана Джалал ад-Дин Руми, ред., Тауфик Собхани (Тегеран: Марказ-е Нашр-е Данешгахи, 1992).

Маснави-йе Манави, ред., Р. А. Николсон в роли Матнави Джалалуддина Руми, Мемориал Э. Дж. У. Гибба, новая серия (Лондон: Luzac & Co., 1925, 1929, 1933). На этих страницах делается ссылка на однотомное издание, впоследствии напечатанное в Иране (Тегеран: Gooya Books, 1386/2007).

Шамс ад-Дин Тебризи. Макалат-э Шамс-э Тебризи, ред., Мохаммад Али Моваххед (Тегеран: Сахами, Энтешарат-э Хоразми, 1990).

Султан Валад. Диван: Диван-и султан Валад, ред., С Нафиси (Тегеран 1338/1959).

Миаснави-йе Валади, энша'и Баха ад-Дин б. Маулана, Джалал ад - Дин Мохаммад б. Хосейн-и Балхи, машхур бе Маулави, ред., Джалал ад-Дин

Хома (Тегеран: Хома, 1389/2010. Вторая печать. Первое издание, опубликованное Экбалом, 1316/1937.) Известен как имя Валад в Иране и как имя Эбтеда в Турции. [Мои переводы написаны в прозе; оригинал был написан в стихотворных куплетах маснави.

ЦИТИРУЕМЫЕ РАБОТЫ (ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ)

Бартольд, У. Туркестан вплоть до монгольского нашествия (Эксетер, Великобритания; Мемориальный фонд Э. Дж. У. Гибба. Впервые опубликовано на английском языке в 1928 году, переиздание 2012 года).

Беннисон, Амира К. Великие халифы; Золотой век империи Аббасидов (Нью-Хейвен и Лондон; Издательство Йельского университета, 2009).

Бобрик, Бенсон. Великолепие халифа; Ислам и Запад в Золотой век Багдада (Нью-Йорк; Саймон 8с Шустер, 2012).

Браун, Эдвард Г. Литературная история Персии; 1000-1290 (Кембридж, Великобритания; Издательство Кембриджского университета, 1969; впервые опубликовано в 1906 году).

Чемберлен, Майкл. Знание и социальная практика в средневековом Дамаске, 1190-1390 (Кембридж, Великобритания; Издательство Кембриджского университета, 1994).

Читтик, Уильям К. Суфийский путь любви (Олбани; Издательство Государственного университета Нью-Йорка, 1983).

Хансен, Валери. Шелковый путь: Новая история (Нью-Йорк; Издательство Оксфордского университета, 2012).

Харви, Эндрю. Путь страсти; Празднование Руми (Беркли, Калифорния; Frog, Ltd. 1994).

Хиртенштейн, Стивен. Безграничный милосердный: Духовная жизнь и мысли Араби (Эшленд, Орегон; Издательство Anqa, 1999).

Карамустафа, Ахмет Т. Суфизм; Период становления (Беркли и Лос-Анджелес; Издательство Калифорнийского университета, 2007).

- Странно, Гай. Земли Восточного халифата: Месопотамия, Персия и Центральная Азия от мусульманского завоевания до времен Тимура (Нью-Йорк; Cosimo Classics, 2010; впервые опубликовано в 1905 году).

_____ Багдад во времена халифата Аббасидов (Нью-

Йорк; Козимо

Классика, 2011; впервые опубликовано в 1901 году).

Льюис, Бернард, редактор и переводчик. Музыка далекого барабана: классические арабские, персидские, турецкие и еврейские стихи (Принстон и Оксфорд: Издательство Принстонского университета, 2011; впервые опубликовано в твердом переплете издательством One-world Publications, 2000.)

Льюис, Франклин Д. Руми; Прошлое и настоящее, Восток и Запад (Oxford: A One - world Book, 2008, пересмотренное издание в мягкой обложке). Впервые опубликовано в твердом переплете издательством Oneworld Publications в 2005 году.

“Чтение, письмо и декламация: Санай и происхождение персидской газели”- (Докторская диссертация. Чикагский университет, 1995).

Моррей, Дэвид. Айюбид и его Мир; Ибн аль-Адим и Алеппо, как описано в Его Биографическом словаре людей, связанных с Городом (Лейден; Э. Дж.Брилл, 1994).

Рыпка, ян. История иранской литературы (Дордрехт-Голландия: Издательство Д. Рейделя, 1968).

Сафи, Омид. Политика знания в преодедном исламе: Переговорная идеология и религиозное исследование (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2006).

Шмиммель, Аннемари. Как сквозь завесу: Мистическая поэзия в исламе (Oxford: Oneworld Publications, 2001, первоначально опубликовано в 1982 году).

Мистические измерения ислама (Чапел-Хилл: Северный университет Каролина Пресс, 1975)

Мир Руми: Жизнь и творчество великого суфийского поэта (Бостон & London: Shambhala Press, stool; первоначально опубликовано как «Я - ветер, ты-огонь»).

Триумфальное солнце (Олбани: Издательство Государственного университета Нью-Йорка, 1993.

Табагабай, Сасан. Отец персидского стиха: Рудаки и его поэзия (Leiden: Leiden University Press, Iranian Study Series, 2010).

Уэзерфорд, Джек. Чингисхан и создание современного мира (Нью-Йорк: Crown Publishers, 2004).

Зарринкуб, А. Х. Шаг за шагом к единению с Богом: жизнь, мысли и духовное путешествие Джалал-ад-Дина Руми, пер. М. Кайвани (Нью-Йорк: Фонд персидского наследия, 2009).

Записи ЭПИГРАФ

XI "Любовь украла." Газель №940.

ПРОЛОГ

2 Маснави. Его полное название «Маснави-йе манави» иногда переводится на английский как "Духовные стихи".*

2 "Внимай этому тростнику." Руми: Поэт и Мистик. Перевод Рейнольда Николсона (Лондон: George Allen and Unwin Ltd., 1950), 31.

4 "Я - черное облако". №183. Мистические стихи Руми. Перевод А. Дж.Арбени. (Чикаго и Лондон: Издание Чикагского университета, 2009), 197.

4 "Ислам в Нью-Йорке!" Глава из моей книги Godtalk: Путешествия по Духовной Америке (Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 2002)!

4 "поэт-бестселлер." Птолемей Томпкин "Руми Правит!" Time Asia 160, № 13 (7 октября 2002 г.) 62.

4 "Выход за рамки представлений о проступках." Сущностный Руми. Переводы Коулмана Баркса с Джоном Мойном, А. Дж.Арбени, Рейнольдом Николсоном (Edison, New Jersey: Castle Books, 1997), 36.

4 "Если вы привыкнете." Знаки невидимого; Беседы Джалалуддина Руми. Введение и перевод У. М. Такстона-младшего (Boston: Shambhala Publications, 1994), Discourse 55, 210.

5 "рай на земле." Газель №1493. Все строки из ghaxals и роботов взяты из Divdn-e Shams-e Tabrizi.

6 "Ум-это караван-сарай". Маснави, V, 3644; 3646.

7 "зовет меня с другой стороны." Афлаки, Манакерб аль-аре-

фин. III, с. 579, 589.

8 “Если ты посетишь мою могилу”. Газель № 683.

8 “Никто не понял.” Афлаки, III, с. 333, 400.

ГЛАВА 1: «В ВСПЫШКЕ МОЛНИИ ОТСЮДА ДО ВАХША»

11. “Во вспышке молнии». Маснави, IV, 3319.

11. “Это ангелы.” Афлаки, III, с. 1, 73.

11. “Давайте прыгнем.” Там же, III, с. 2, 74.

12. “Любовь-твой отец.” Газель №333.

12 “без имени.” Робай №1143.

12 “Мой Джалалоддин.” Афлаки, III, с. 2, 74.

13 “злой характер . . .” Баха, Маарэф, 2:62.

13 Вахш. Уравнение Вахша со средневековым городом Левканд, недалеко от современной деревни Сангтуда, установлено в V. Minorsky, *Hudud ai-‘alam: Translation and Commentary* (London; E. J. W. Gibb Memorial Series, New Series, XI, 1970), 359, 361. Его выводы подтверждаются Бартольдом, «Туркестан вплоть до монгольского нашествия», 69, и Дж. Марквартом, *Eransahr nach der Geographic des Ps.Moses Xorenanec I, Abh.kgl. Ges.Wiss.Геттинген, Фил.-hist. K. LI.NJ Bd III, Nro. 2, 1901, 232-34, 236, 299, 303*. Маркварт пишет, что “как это часто бывает у арабов, название страны [Вахш] было перенесено [на то, что, должно быть, считалось ее столицей [Левканд]” (299). Эти исследования цитируются Фрицем Мейером, *Баха-и-Валад: Grundzuge seines Lebens и seiner Mystik* (Leiden; E. J. Brill, 1989), 15, сноска 7, исследование, в котором впервые было установлено, что Вахш является домом Баха-Валада между 1204 и 1210 годами. Мейер делает вывод, что если Минорский прав, то Вахш находился на тридцать восьмой параллели широты. Франклин Д. Льюис в *Руми; Прошлое и настоящее, Восток и Запад* (Оксфорд; A Oneworld Book, 2008, пересмотренное издание в мягкой обложке), 47, далее указывает местоположение средневекового Вахша/Левканда недалеко от современной де-

ревни Сангтуда, Таджикистан, на восточном берегу реки Вахшаб, примерно в шестидесяти пяти километрах к юго-востоку от Душанбе, в тридцати пяти километрах к северо-востоку от Курган-Тюбе, в пятистах километрах от Китая.

13. “очень плодородный.” Гай Ле Стрэндж, Земли Восточного халифата; Месопотамия, Персия и Центральная Азия от мусульманского завоевания до времен Тимура (Нью-Йорк; Cosimo Classics, 2*010, впервые опубликовано в 1905 году), 438.

14 “твой сладкий аромат.» Газель №12.

14 “религия влюбленных.” Маснави, II, 1770

14 “Если он турок или таджик”. Газель № 58.

14 “Почему божественный свет.» Газель №332.

15 «Радостный принц.» Маснави, II, 989.

15 “Аллах, Аллах, Аллах”. Афлаки, III, сек. 159-61, 250-51.

16 “свет Божий.» Фихе ма фих. Дискурс 2, 25.

17 “Это возбуждение.” Баха, 1;381.

г 17 “Может быть, как утром.” Баха, 1;327.

18 “Обними Бога.” Баха, 2;28.

18 “Я начал задаваться вопросом.” Баха, 2; 138.

18 “Иногда я чувствую.” Баха, 1;374.

18 “Султан аль-Олама.” Баха, 1; 188-89.

18 “отклоняющийся.” Баха, 1;82.

19 “бесполезно.” Там же.

19 “Но я не нашел.” Энциклопедия ислама, Новое издание, том 2, С-Г, 1965, С. В. “Фахр ад-Дин аль-Рази.”

19 “Этот философ». Маснави, IV, 3354.

20 Дневник. Известный как Маареф или “Намеки», этот журнал хранился у Руми, затем был переписан и распространен в частных библиотеках ордена Мевлеви в Конья и Стамбул на протяжении семи веков. Когда иранский редактор Руми Бади аль - Заман Форузунфар получил рукописную копию в Тегеране в 1950-х годах, он был достаточно впечатлен, чтобы опубликовать критическое издание. Он высоко оценил “элегантность выражения” Баха Валада как “один из лучших при-

меров поэтической прозы” на персидском языке [Льюис, Руми, 85]. А. Дж.Арберри, переведя двадцать разделов на английский язык, нашел его персидский язык “удивительно прекрасным и красноречивым» [Арберри, Аспекты исламской цивилизации, 228]. Для немецкого ученого Руми Аннемари Шиммель текст был “довольно странным”, но видения “поразительными” [см. Аннемари Шиммель, Триумфальный сын: Исследование работ фалалоддина Руми (Олбани: Государственный университет Нью-Йорка, 1993; впервые опубликовано в 1978 году FineBooks Ltd, Великобритания), 398].

20 “Бог вдохновил меня». Баха, 2:138.

20 “Я буду.» Баха 1:354.

21 “Ты, брат.” Также переводится как “Твоя сестра-шлюха.” См. Афлаки, III, с. 417, 451.

22 “большой сборник рассказов». Руми. Антология Руми, пер. Рейнольд А. Николсон (Oxford: Oneworld Publications, 2000), Введение, xxiii.

22 “Пойди спроси Калиле.” Маснави, I, 899.

22 “Вы, должно быть, читали». Маснави, IV, 2203.

23 “Никто никогда не видел.” Фердоуси, Шахнаме: Эпос о персидских царях, пер. Ахмад Садри (Нью-Йорк: The Quantuck Lane Press, 2013), 347.

23 “поджигает мир.” Газель №975.

23 “Везде, где вы найдете гнев.” Газель №2198.

24 “Когда благоухание вашей милости.” Газель №690.

24 “Герой дает деревянный меч.” Газель №27.

25 “Это пришло мне в голову”. Баха, 1:360.

ГЛАВА 2: САМАРКАНД

26 “1212.” Иоланда Кроу, “Самарканд”, Энциклопедия ислама, Том VIII (Лейден: Э. Дж.Брилл, 1993), 1033. Возможные даты, предложенные в другом месте для осады Самарканда, которая фиксирует присутствие Руми и его семьи в городе, - 1211 или 1213 год.

26 “В этом месяце.” Газель №2344.

27 “вечно ясный”. Абуль-Фида, цитируемый в Афзал Икбал, Жизнь и творчество Мухаммада Джалал-уд-Дина Руми (Нью-Дели: Китаб Бхаван, 2003), 29.

28 “У нее бился пульс.” Маснави, I, 167-70.

29 “Поразительные цифры.” Ибн Хавкал, цитируемый в книге У. Бартольда «Туркестан вплоть до монгольского нашествия» (Эксетер, Великобритания: E. J. W. Gibb Memo-rial Trust. Впервые опубликовано на английском языке в 1928 году, переиздание 2012 года), 91.

29 “Разложите бумагу.” Газель №1.

30 робай. Ибн Сина (Авиценна) в главе о поэтике в своем «Мантик аль - шифа’ упоминает альтернативную возможность того, что робаи могли иметь греческое происхождение. См. А. М. Дамгани, “Персидская суфийская литература на арабском языке», в Наследии о суфизме: Том I: Классический персидский суфизм от его истоков до Руми (Оксфорд: Oneworld, 1999), 53, fn. 35.

30 “Сахар». Маснави, III, 3863.

30 “Смерть великого человека.” Газель №1007.

30 “Теперь возбуждает запах.” Перевод автора с персидского текста, в Сасан Табатабай, Отец персидского стиха; Рудаки и его поэзия (Лейден: Leiden University Press, Iranian Study Series, 2010), 31.

30 “Теперь пробуждается аромат сада и садовника.” Газель №2897. (Цитируется по Усману Хадиду, “Трансформер”, The Friday Times, еженедельная газета «Паки-Стан», том 25, № 16, 31 мая—6 июня 2013 г., 24.)

31 “Мы были в Самарканде.” Фихе ма фих. Дискурс 44, 195.

31 “Слово-это стрела.” Газель №3073.

32 “Объединяйтесь”. Маснави, IV, 3289.

32 “Кто-то сказал.” Фихе мафия. Дискурс 41, 180.

32 “Он пошел.” Афлаки, III, с. 246, 321.

33 “машет руками.” Афлаки, IV, с. 84, 681.

33 высокий уровень грамотности. О мусульманской грамотности, библиотеках, школах и колледжах в период Аббасидов в отличие от Европы см. Эдмунд Берк III, "Ислам в центре: технологические комплексы и корни современности», Журнал всемирной истории, том 20, № 2 (июнь 2009) 177-82.

33 "Эта встревоженная мать". Маснави, VI, 1433.

34 "Держись подальше." VI, 1436-37.

34 "Сначала." Фихе мафия. Дискурс 30, 151.

35 заботьтесь о природе. Мутазилиты одобряли такое учение. Му - тазила была исламской теологической школой, подчеркивающей рациональное мышление над священным прецедентом; они утверждали, что Коран был создан или написан, а не был вечным или всегда сосуществовал с Богом.

35 "Мнения." Маснави, III, 1542-^3.

36 "Самый умный мальчик." Ил, 1526-28.

36 "Твоя любовь." Болен, 551.

36 "Окно." VI, 3198.

37 "Пламя" 111,3102-03.

37 "Некоторые наслаждаются". Дискурс 43, 187.

38 "Удивительно." Маснави, III, 1858-59.

38 "Эта несравненная." Ил, 1871.

39 "всегда хефтинг." Афлаки, II, с. 1, 58.

39 "Вперед!" Маснави, II, 1319.

39 "умение спорить." Фихе мафия. Дискурс 25,129.

39 "совсем как стакан." Борхан, Маарефи 14.

40 "Близость." Маснави, III, 549-50.

40 "идеальный святой." Афлаки, IV, с. 84, 680.1

40 "Когда Бог берет." Баха, 1:354.

41 "из Рима в Хорасан." Рубаи №1910.

41 ритм. Согласно легенде, персидско-арабские поэтические метры перекликаются с различными узорами шагов верблюда.

41 "Пьяно тянет." Газель №302.

42 “Наши голоса.” Газель №304.

ГЛАВА 3: НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

43 “Шелковый путь.” Я в долгу за эту характеристику Шелкового пути перед Валери Хансен, *The Silk Road; A Netl) History* (New York; Oxford University Press, 2012), 5-7.

45 “С тех пор, как я пришел.” Газель №1373.

46 Конференция птиц. Оригинальное название-Мантек аль-тайр.

46 “Твой сын.” Уильям С. Гиттик, *Суфийский путь любви* (Олбани: Издательство Государственного университета Нью-Йорка, 1983), 2.

46 Книга тайн. Оригинальное название-Asramame.

46 “потерять голову». Дж. Т. П. Де Брюйн. *Персидская суфийская поэзия; Введение в мистическое использование классических стихотворений* (Лондон; Routledge, 1997), 107.

47 “уникальный Аттар.” Газель №824.

47 “запах Аттара.” Газель №24.

47 “Все, что захочешь.” Газель №2634.

47 Санаи. Критику истории о внезапном обращении к суфизму и полном отказе от придворной поэзии как упрощения фактов см. Франклин Д. Льюис, “Чтение, письмо и декламация: Санаи и происхождение персидской газели” (Докторская диссертация. Чикагский университет, 1995).

47 Сад Истины. Оригинальное название-Хадикат аль-хакике.

47 “Королевская дорога”, цитируемая в книге Дж. Т. П. де Брюйна “Сравнительные заметки о Санаи и Аттаре « в Наследии суфизма. Том I, изд., Леонард Льюисон (Оксфорд; Oneworld, 1999), 371.

48 пародировано. См. Маснави, II, 2617 ff

48 “Аттар был душой.” Султан Валад, *Диван*, 240.

48 “Кто бы там ни был, Дипляфлаки, III, с. 430, 458.

48 “Будь то в Нишапуре.” Перевод Эдварда Фицджеральда на персидских поэтах, избранный и отредактированный Пи-

тером Вашингтоном (Нью-Йорк; Everyman's Library, 2000), 16.

49 "купание в его поту», цитируемое в «де Брюйне», Персидская суфийская поэзия, 12.

- Говори по-персидски." Маснави, III, 3842.

50 "кибла лица друга», цитируемая в Annemarie ScMmmel, The Triumphal Sun (Albany: State University of New York Press, 1993), 292.

51" В дождливый день». Цитируется в книге Бенсона Бобрика «Великолепие халифа: ислам и Запад в золотой век Багдада» (Нью-Йорк; Саймон & Шустер, 2012), 71-72.

51 "молодые дьяконы." Цитируется в книге Ги Ле Стрэнджа «Багдад во времена халифата Аббасидов» (New York: Gosimo Classics, 2011; впервые опубликовано в 1901 году), 212.

52 "Бухара-это шахта." Газель №2168.

52 "Откажись от искусства и логики». Маснави, III, 1146.

52 "Ваш Багдад." Газель №344.

52 "Жена бедуина», Маснави, I, 2716-17, 2719.

52 "жаркое солнце." Маснави, III, 1041.

52 "Евфрат, Тигр и Окс будут горькими." Газель №214.

54 тюрбан. См. Маснави, IV, 1578-79.

54 Возрождение религиозных наук. Оригинальное название-Эхья олум ад - дин.

54 "Если бы он обладал." Афлаки, III, с. 128, 219.;

55 "Термин." Ахмет Т. Карамустафа, Суфизм: Период становления (Беркли и Лос-Анджелес: Издательство Калифорнийского университета, 2007), 7.

55 "Мы действительно сотворили." Коран интерпретирован, переведен А. Дж. Арберри (Нью-Йорк: Пробный камень, 1955), том 2. 234

55 Рабия. Руми цитируется, рассказывая эту историю Рабии, в Афлаки, III, с. 331, 397

56 "Я есть Истина." Оригинал на арабском языке-это и аль-Хакк.

56 "В мире." Газель №731.

- 56 “Человек, путешествующий.” Фихе мафия. Дискурс к; 63.
- 57 “складываю несколько штук.” Фихе ма фих. Дискурс 61, 244.
- 57 “Скажи, что есть кто-то.” Фихе мафих, Дискурс 43, 190.
- 58 “Слава.” Маснави, V, 3224.
- 58 “Когда ты внутри.” Маснави, II, 1768.
- 59 Побивание камнями дьявола. Этот ритуал включает в себя бросание камешков в три столба, которые, как считалось, символизировали сатану, который, как считалось, трижды пытался убедить Авраама послушаться Божьего приказа и принести в жертву своего сына Измаила.
- 59 “рынок, полный фруктов.” Путешествия Ибн Джубайра, переведенные Роландом Бродхерстом (Нью-Дели: Гудворд, переиздано в 2011 году, впервые напечатано в 1952 году), 103.
- 59 “стал отличным рынком.” Там же, 188.
- 59 “женские вуали.” Там же, 132.
- 59 “сплоченность.” Цитируется в W. M. Thackston Jr. *Signs of the Unseen* (Boston and London: Shambhala, 1999), 67, fii. 111.
- 59 Вистинг Каабы. Фихе ха фих. Дискурс 14, 80.
- 59 “Ах ты». Газель №648.
- 59 “Мне нужно.” “Рабия « в раннем исламском мистицизме: суфии, Коран, Мираж, поэтические и богословские труды, переведенные, отредактированные и с введением Майкла А. Селлса (Нью-Йорк и Махва, Нью-Джерси: Paulist Press, 1996), 157.
- 60 “Пилигрим целуется.” Газель №617.

ГЛАВА 4: “ОГОНЬ УПАЛ В МИР”

- 61 “Огонь.” Газель №2670.
- 62 “интермедия». Амира К. Беннисон, Великие халифы: Золотой век империи Аббасидов (Нью-Хейвен и Лондон: Издательство Йельского университета, 2009), 203.
- 63 “Слава Бору!” Foruzanfar, *Zendegi-ye Mowlana faldl al-Din mashur be Mowlavi*, 43, fn. 2. В то время как версия Foruzanfar помещает историю в Сирию, биограф Ибн Араби утверждает

ет, что такая встреча, скорее всего, была бы в Малатье. См. Stephen Hirtenstein, *The Unlimited Merdfier: The Spiritual Life and Thought of Ibn Arabi* (Ashland, OR: Anqa Publishing, 1999), 188.

63 Мекканские откровения. Оригинальное название - Fotuhat-e makkiye.

63 "Хорошо." Афлаки, III, с. 444, 470.

64 "Сумасшедший." Маджнун-это прозвище, буквально означающее "одержимый джинном".

64 "Меджнун." Газель №947.

65 "День и ночь." Газель №2670.

65 "Некоторые из них". Дискурс 14, 80.

66 Чингисхан. Я обязан полной историей вторжений Чингисхана Джеку Уэзерфорду, Чингисхану и созданию современного мира (New York: Crown Pubhshers, 2004).

66 "готов к войне." Ала Ад Дин Ата Малик Джовайни. История завоевателя мира, Т. I, перевод Джона Эндрю Бойла (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958), 81.

66 "опустошил целый мир.» Там же, 80.

66 "созерцал." Там же, 98.

66 «означает». Маснави, лУ, 3791.

66 "Они пришли." Джовайни, 107.

67 "весь народ." Там же, 129. gj "Дикие звери." Там же, 131.

68 "голос боли", цитируемый и переведенный с Конференции птиц Аннемари Шиммель, как сквозь завесу, 53. Шиммель работал с: Аттар, Мантик ут-таир, ред. М. Джавад Машкур (Тегеран: Китабфируш-и Тегеран, 1962), 287.

68 "Но для». Цитируется в Le Strange, Земли Восточного халифата, 401-2.

68 "стерто». Цитируется в книге Эдварда Г. Брауна» Литературная история Персии», том 2 (Кембридж, Великобритания: Издательство Кембриджского университета, igbg; впервые опубликовано в 1906 году), 432.

68 "объявление." Там же, 427:

69 "Этот период." Аннемари Шиммель, Триумфальное

солнце: Исследование работ Олкалалоддина Рурни (Олбани: Издательство Государственного университета Нью-Йорка, 1993; впервые опубликовано в 1978 году), 9.

70 "Пока все." Газель №1764.

70 "Если ты боишься." Газель №1609. •

71 "Сегодня." Тарджи-группа №24, в диване

72 "Небо." Газель №1092.

72 "В родах». Маснави. Больной, 3560-61.

73 "Бог способен." Фи-ма-фи. Дискурс 24, 125

73 "Если только ребенок." Газель №1156. .

74 "Войны подобны боям». Маснави I, 3435-36 74 "Они раскаялись." Афклаки, I, с. 47, 46.

74 "инструктор." Маджалес-э-сабе, 62.

75 "Волшебник." Там же, 108.

76 Наджмоддин Рази. Полное сравнение карьеры Наджмоддина Рази и Баха Валада см. в Meier, Baha'-'i Walad, 41-42.

76 "Как ребенок." Газель №1372.

ГЛАВА 5: КОНЬЯ

77 "Пойдем." Газель №2905.

78 "Бахаоддин" Афлаки, III, с. 148, 236.

79 опасный дракон." Цитируется в книге Тамары Талбот Райс «Сельджуки» (Лондон; Темза и Гудзон, 1961), 17а,

79 "приукрашивание." Там же, 71.

80 "Я так много молился." Газель №903.

80 "Если ты превратишься во льва." Газель #гао.

81 "На всех дорогах." Фихе мафия. Дискурс 9, 54,

81 "Ночью." Маснави, VI, 2381-83.

82 "Розовый сад." Газель №1339. Конечно, весна, возможно, была любимым временем года для всех персидских поэтов, и изображение сезона было стандартным топосом во всей лирической поэзии.

82 Деяния мистиков. Оригинальное название-Манакерб

аль-арефин.

82 “Религиозный.” Афлаки, I, с. 21, 28-29.

83 “приятный и вежливый.” Там же, 29.

83 “самый ученый.” Борхан ад-Дин аз-Замуджи, Татим аб-Мутааллим; Тарик ат - Тааллум; Наставление ученика: Метод обучения, пер. Г. Э. Фон Грюнебаум и Теодора Абель (Нью-Йорк; King's Crown Press, 1947), 28.

83 “простодушный.” Афлаки, I, с. 36,39.

85 “язык», “трость” А. Х. Зарринкуб, Шаг за шагом к единению с Богом: жизнь, мысль и духовное путешествие Халал-ад-Дина Руми, пер. М. Кайвани (Нью-Йорк: Фонд персидского наследия, 2009), 61.

85 “Подождите, пока.” Афлаки, I, с. 54, 52.

86 “После траура.” Султан Валад, Валаднаме, 195-96.

86 “Он ясно слышал». Афлаки, I, с. 34, 38.

86 “Самый эффективный.” Баха, I: 152.

87 “Борханоддин.” Афлаки, II, с. 22, 71.

87 “Твой отец.” Там же, с. 1, 56.

88 “Так и есть ... Если вы не знаете». Борхан, Маареф, 10, 18.

89 “Печать Бога”. Маснави, IV, 1923. К этому времени Платон стал стандартным символом мудрости в персидской поэзии.

89 “Неважно.” Там же, VI, 4144.

90 “Они сказали.” Fihe ha fiḥ Дискурс 55, 229.

90 “Сайед Борханоддин.” Там же, Дискурс 60, 242.

90 “Путь». Борхан, Маареф, 14.

90 “корень духовной радости”. Дискурс 21, 113.

90 “Фараон». Борхан, Маареф, 26 лет.

91 “Я есть Истина.” Маснави, II, 305.

92 “Бог Всемогущий». Борхан, Маареф 26. gz “И тому подобное.” Султан Валад, Имя Валад, 198.

ГЛАВА 6: “Я ВСЕ ВРЕМЯ СЛЫШАЛ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ИМЯ”

- 93 “Я продолжал слышать.” Робай №15.
- 93 “класс в тюрбане.” Дэвид Моррей, Известный Айюбид и его Мир; Ибн аль-Адим и Алеппо, как описано в Его Биографическом словаре людей, связанных с городом (Лейден; Э. Дж.Брилл, 1994), 125.
- 94 “Я раб». Газель №3049.
- 95 “безграничная компиляция.” Моррей, Известный Айюбид, 10. g6 “врожденные поэтические способности.» Там же, 181.
- 96 “пьеса.» Музыка далекого барабана; Классические арабские, персидские, турецкие и еврейские стихи, переведенные и представленные Бернардом Льюисом (Принстон и Оксфорд; Издательство Принстонского университета, 2001), 68
- 96 “Сердце.” Там же, 69.
- 96 “Мы можем посмотреть.” Газель №2266.
- 97 “страж.” Моррей, Знатный Айюбидец, 150 Лет.
- 97 “В тот день». Маснави, VI, 777, 782, 784. g7 “Ты был там?” Там же., 795.
- 98 “Скорбь.” Там же, 802.
- g8 “В моей юности.” Афлаки, III, с. 218, 301.
- 99 “Не смотри” Цитируется в книге Майкла Чемберлена «Знание и социальная практика в средневековом Дамаске», 1190-1390 (Cambridge, UR; Cambridge University Press, 1994), 129-30.
- 99 “Я безумно влюблен.” Газель №1493.
- 101 “вспыхнуло». Цитируется в книге Майкла Чемберлена «Знание и социальная практика», 155.
- 101 “его имя.” Там же, fh. 25.
- 102 “Когда наш Цезарь.” Газель №1921.
- 103 “Тоньше.» Борхан, Маареф, 14 лет.
- 103 “пост элиты.” Там же, 20.
- 103 “Не ешьте солому». Маснави, V, 2473-74; 2477.

- 103 "Поздравляю!" Газель №2344.
104 "затягивание." Газель №2307.
104 "скрытая сладость." Газель №1739.
104 "Во время челле" Маснави, V, 1445-46; 1448
105 "Когда он проснулся." Там же, 1449-50.
105 "В тот момент», Там же, 1453-54*
106 "Какое-то безумие." Афлаки, II, с. 4, 61.
106 "» Там же, II, с. 5, 61.
106 "О, дитя." Там же, II, с. 12, 65.
106 "Итак, я пришел." Там же, II, с. 23, 71.
106 "Этапы." Фихе маджих. Дискурс 10, 62.
107 "Если ты уколешься." Цитируется в Zarrinkub, Шаг за шагом, 91-92.
107 списков. См. Читтик, Суфийский патли любви, 2, а также "Мавлана Джалаладдин Мухаммад Руми «Аднана Карайсмаилоглу в книге» Руми и его суфийский путь любви», ред., М. Фатих Читлак и Хусейн Бингул (Сомерсет, Нью-Джерси: The Light Publishing, 2007), 50.
108 "Секундочку." Афлаки, III, с. 14, 90. Отчасти из-за описания Афлаки иногда предполагалось, что она была христианкой, хотя никаких доказательств не существует.
108 "После сегодняшнего дня." Там же, III, с. 15, 93.
109 "Бог показал." Фихе ма фих. Дискурс 19, 103.
109 "Женщина." Маснави, I, 2437.
110 "Дорогой сын Бахаоддин." Руми, Мактубдт, Письмо 64, 142.
110 "Я говорил." Фихе ха фих. Дискурс 22, 115.
111 "Теперь, когда он встал." Султан Валад, Имя Валад, 199.
111 "десять тысяч." Там же.
112 Ловушек славы. Как писал Эндрю Харви в книге "Путь страсти: Празднование Руми «(Berkeley, CA; Frog, Ltd. 1994), 20-21; « Свирепость и точность более поздних атак Руми на умственную гордость и жажду славы показывают, насколько глубоко он знал и понимал опасности того и другого."

112 “В течение некоторого времени.” Робай №15.

ГЛАВА 7 ЛИК СОЛНЦА ЭТО ШАМС ИЗ ТЕБРИЗА”

115 “Лик солнца.” Газель №310.

115 Шамсоддин. Поскольку шамс по-арабски означает “солнце”, его имя можно перевести как “Солнце веры” или “Солнце Тебриза”.

115 “Паранде.” Афлаки, IV, с. 3, 615.

115 “Разве ты не идешь?” Шамс, Макалат, 141.

116 “Мой тюрбан.” Робай №1884.

116 “Первые слова.” Шамс, Макалат, 685; [Читтик, 2 10; Льюис, Руми, 155], Сепасалар рассказывает, что их встреча произошла в маленьком магазинчике тебазара, где они часами смотрели друг на друга, прежде чем заговорить. См. Serahsalar, Перепродажа Serahsalar, 127

117 “Был Баязид.” Афлаки, IV, с. 8, 618-19.

117 “упал в обморок.” Там же, 620.

117 “увидел завесу». Султан Валад, имя Валад, 43.

1x8 “Для влюбленных.” Маснави, III, 3847. хх8 “После этого». Афлаки, IV, с. 9, 620.

119 “Я уже держался.” Газель №2669.

«Я помню Мауляну.” Шамс, Макалат, 690.

119 “Салам». Там же, 290.

119 “С первого дня.” Там же, 752.

119 “Мне нужно, чтобы это было ясно.” Там же, 686.

120 “Передо мной». Там же, 730.

120 “Поехали.” Там же, 302.

120 “Трактирщик.” Газель №310.

120 “Где твой собственный?” Шамс, Макалат, 744-45.

120 “Не читай!” Афлаки, IV, с. 13, 623.;

120 “ - твердо приказал он.” Афлаки, IV, с. 12, 623.

120 “Это не так.” Там же, с. 14, 623.

121 “Это тот самый человек.” Там же, с. 15, 624.

121 "Как печально." Льюис, Музыка далекого барабана, 71 год. Шамс цитирует половину строки аль-Маарри: "Высокие места будут заработаны в меру усердия", Макалат, 466.

121 "путаница". Макалат, 301.

122 "и отец, и сын." Мактубдт, Письмо 130, 224.

122 "Я редко говорю». Макалат 290.

123 "У него прекрасные манеры." Афлаки, IV, с. 38,636.

123 "У него есть два способа говорить." Макалат, 104.

123 "Практика есть практика." Там же, 612-13.

123 "претендовал на любовь." Там же, 231.

123 "Когда твоя любовь." Робай №616.

124 "Когда все частицы." Газель №1295.

*24 "Мы будем искать». Султан Валад, Имя Валад, 195.

124 история жизни. Позже Шамс wruld публично сослался с Руми на прошлые инциденты, но, по-видимому, эти комментарии были лишь краткими ссылками на фон, которым они более полно обменялись между собой в частном порядке.

т аг "район розария." Маснави, VI, 3107-8.

125 "возвышается." Макальдт, 369.

125 "величайший." Там же, 822.

126 "Вина." Там же, 625-26.

126 "Ты не сумасшедший." Там же, 77.

126 "ангелы." Афлаки, IV, с. 82, 680.

126 "порча." Макдлат, 625-66.

126 "женоподобный». Доулатшах-э Самарканди, Таз Керрат аш-шо'дра, изд. Мохаммад Аббаси (Тегеран; Барани, 1337/1958), 216.

127 "Книга суфия». Маснави, II, 159.

127 "Там были люди." Макальдт, 641.

127 "Там были дервиши." Там же, 687.

127 "С такой любовью." Там же, 677.

128 "Раньше у меня было». Афлаки, IV, с. 81, 679.

128 "Они выбрали всех". Макалдт, 278-79.

128 "Раньше ты приходил." Там же/729.

- 129 "Если Абу Ханифа." Там же, 304.
129 "Я ищу." Афлаки, IV, с. 4, 616.
130 "Когда вы увидите." Маснави, III, 3753.
130 "Шейхли Мохаммад». Макдлат, 120. О вероятном отождествлении "Шейха Мухаммеда" с Ибн Араби см. Омид Сафи: "Встретились ли два океана?" Журнал Общества Мухиддина Ибн Араби, том. 26 (1999): 55- 88.
130 "Он был горой». Макдлат, 239.
130 "Ты трескаешься." Там же, 239.
131 "Он был сострадательным." Там же, 299.
131 "Наш караванный вожак." Газель №463.
131 "жемчужина». Макдлат, 304.
131 "интеллект." Там же, 82.
131 "Для меня-смерть». Там же, 286.
132 "Я бы сказал." Там же, 635-36.
132 "Тисман" Там же, 641.
132 "Хотя Шехаб», там же, 225-26.
132 "Вы спрашиваете." Там же, 295.
133 "Сначала." Там же, 249.
133 "Всякий раз, когда вы кого-то видите." Там же, 713-14.
133 "в роме». Там же, 760.
135 "Керра Хатун." Там же, 315.
135 "обучение и знание." Цитируется по Льюису, Руми, 135.
- алхимия, астрономия." Афлаки, IV, с. 18, 6255.
135 "возлюбленный." Цитируется в Zarrinkub, Шаг за шагом, 131.
137 "Будь среди." Макалат, 721.
137 "Когда я один" Там же, 761.
- Иногда Любовь." Газель №2231.
138 "Мир." Маснави, V, 1039.
138 "Всякий раз, когда я пишу." Газель №1593.
138 "взошло солнце". Макалат, 223.
38 "будьте подобны бедным." Там же, 778.
138 "Я останавливаюсь." Макалат, 761 год.

- 139 "Мир." Газель №1095.
140 "Мы встречались." Макалат, 93-94.
140 "Ғм так счастлив." Там же, 189.
140 "Первый." Там же, 779.
140 "Бог еще не сделал этого." Там же, 777.
140 "Я хотел." Там же, 219.
140 "Теперь вода." Там же, 142.
140 "Сейчас руб." Там же, 300.
141 "В переулке." Там же, 646.
141 "Цель." Там же, 628.
141 "В присутствии." Фихе ха фик. Дискурс 20, 109.
141 "Я не почитаю." Макалат, 691.
142 "В каком месте." Афлаки, III, с. 38, 121-22.
142 " - Это вино." Там же, IV, с. 41, 639.
143 "Что у тебя есть». Там же, IV, с. 89, 683.
143 "Один из них утверждает." Макалат, 306.
144 "Прелесь." Там же, 736.
144 "ослы" Там же, 641.
144 "Кто это?" Султан Валад, Имя Валад, 44.
144 "У Мауланы есть». Макалат, 74.
144 "Ғм все одного цвета." Там же, 106.
144 "Я только обеспокоен." Там же, 319.
144 "высокомерно." Там же, 774.
145 "Только ты." Афлаки, III, с. 237, 314.
145 "Во времена Меджнуна." Фихе ха фик. Дискурс 15, 87.
145 "Ғм pot». Макалат, 774.
145 "В день Воскресения." Афлаки, IV, с. 80, 679.
146 "Ты молчал." Робай №1143.

ГЛАВА 8: РАЗДЕЛЕНИЕ

- 147 "Все удивлялись." Валаднаме, 43.
147 "Его птица." Там же, 47.
148 "Потому что." Афлаки, IV, с. 26, 630;
148 "Пожалуйста, имейте в виду". Макалат, 783.

148 “Когда тебя здесь нет.” Газель №1760.

148 сонет. Великий историк иранской литературы Ян Рыпка пишет о “поразительном сходстве с сонетом” газели, “самом истинном и приятном выражении лирики, особенно эротической и мистической, но также и медитативной и даже панегирической”. Ян Рыпка, История литературы Хамы (Дордрехт-Холланд; D. Reidel Publishing Company, 1968), 94-95.

149 “О ты, свет.” Газель №1364.

150 “Солнце Истины.” Афлаки, IV, с. 24, 629.

150 “С этого момента.” Газель №1760.

151 “Это замечательно». Макалат, 340.

152 “Если бы они сказали.” Ихид., 756.

152 “Я помню.” Там же, 340.

152 “Такая молитва.” Там же, 766.

152 “Когда я был в Алеппо.” Там же, 118.

153 “работа.” Там же, 766.

153 “Когда я нашел.” Вайаднаме, 49.

153 “Поцелуй Валада.” Афлаки, IV, sbc. 105, 695.

153 “Все спутники.” Там же, 696.

153 “Когда ты пришел». Макалат, 773.

154 “Товарищи, вперед». Газель №163.

154 “Это запрещено.” Афлаки, IV, с. 105, 696.

155 “На этот раз.” Фихе ха фих. Дискурс 19, 106.

155 “Эти люди.” Там же, 105.

156 “и никто не знал”. Цитируется в книге Аннемари Шиммель «Мир Руми: жизнь и творчество великого суфийского поэта» (Бостон и Лондон; Издательство «Шамбала Пресс», 2001; первоначально опубликовано под названием «Я - ветер, ты-огонь»), 18.

156 “Со своей красотой.” Робай №352.

156 “Мое солнце и луна.” Газель №633. jgy «Сердце». Макалат, 610.

157 “Терпеть.” Там же, 260. jg8 “В книге.” Газель №327. jgS

“Они чувствовали себя ревностными.” Макалат, 72. jg8 “Маулана стала.” Перепродажа-йе Сепаксалар, 132.

158 “Я бы хотел.” Макалат, 353.

159 “Если это правда.” Там же, 757’

159 «Чистый и красивый.” Афлаки, IV, с. 43 641.

160 “Потому что была зима.” Перепродажа-йе Сепаксалар, 133.

160 “сказал Шамсоддин. - Афлаки, IV, с. 39, 637.

160 “Я спросил Бога”. Макалат, 347,

462 “Это его учебное время.” Макалат, 623.

162 “Второй сын.” Перепродажа-йе Сепаксалар, 133.

163 “Ты видел.” Макалат, 198.

163 “, - повторил он.” Перепродажа-йе Сепаксалар, 133. ‘

163 “сердце преследовало меня». Макалат, 803

163 “Тот, кого я люблю.” Там же. 219.

164 “ - сказал кто-то.” Там же, 74.

164 “Мне становится скучно.” Там же, 740.

164 “Я не могу винить.” Там же, 803.

165 “Однажды.” Афлаки, IV, с. 43, 641.

165 “При разговоре.” Газель №2179^

167 “Я был неспокоен.” «Макалат, 351

168 “Танец” Там же, 623.

168 “Если сможешь.” Там же, 163-64.

169 “Был Маулана.” Там же. 773.

169 “Вся моя жизнь». Цитируется в несколько ином переводе Уильяма; С. Читтик, “Введение переводчика», Me & Rumi: Автобиография Шамса-и Тебризи (Луисвилл, Кентукки: Fons Vitae, 2004), xiv.

169 “Всю мою жизнь.” Газель №1768.

170 “Он сказал? Валаднаме, 54.

170 “Я не могу». Макалат, 334.

171 “Как ни Мауляна.” Там же, 742-43.

171 “Я так расстроился.” Там же, 696.

171 “Быть способным” Там же, 187.

- 172 “Бахаоддин.” Перепродажа-йе Сепаксалар, 134.
172 “Когда Шамсоддин.” Валаднаме, 54.
172 “Маулана взревел».* Перепродажа-йе Сепаксалар, 134.

ГЛАВА 9; “Я ГОРЕЛ, Я ГОРЕЛ, Я ГОРЕЛ»

- 173 “Я сгорел.” Газель №1768.
173 “шейх.” Путешествия Ибн Баттутаха, ред., Тим Макин-тош-Смит (Лондон: Пикадор, 2003), 106.
173 “Впоследствии.” Там же, 107.
173 “его милостивое присутствие.” Перепродажа Сепаксалар, 134.
174 “день или два”. Валаднаме, 54.
175 “Перформанс». Перепродажа-йе Сепаксалар, 65 лет.
175 “пел.” Газель №1641.
175 бубен. Газель №2083.
175 “Иногда.” Газель №302.
175 “День и ночь.” Валаднаме, 58.
176 “Маулана». Афлаки, IV, с. 92, 686.
176 “Ночная одежда черная.” Газель №2130.
176 “кровавый.” Газель №2807.
176 “весь в крови.” Газель №144.
176 “Этой земли нет.” Газель №336.
177 “Когда вода.” Газель №2514.
177 “Они хотят убивать.” Афлаки, IV, с. 91, 684.
178 “Отношения”. Шиммель, Мир Руми, 22.
178 “более взаимный». Джанет Афари, Сексуальная политика в современном Иране (Кембридж, Великобритания: Cambridge University Press, 2009), 98.
179 “Однажды.” Афлаки, IV, с. 51, 647.
179 “Во время.” Перепродажа-йе Сепаксалар, 134.
179 “положив голову». Валаднаме, 60.
180 “В третий раз.” Газель №1493.
181 Обман сатаны. Оригинальное название - «Аль-талбис Иблис», написанное Ибн аль-Джаузи (1201 год н. э.). Более

полное обсуждение см. Али Асани, «Музыка и танец в творчестве Мавланы Джалал ад-Дина Руми», Исламская культура, 60:2 (апрель 1986): 41.

181 этап. Я обязан анализу поэзии Руми о Шамсе с точки зрения таких этапов Аннемари Шиммель, особенно ее главе «Руми и метафоры любви» в книге «Как сквозь завесу: мистическая поэзия в исламе» (Oxford: Oneworld Publications, 2001, первоначально опубликованная в 1982 году), 86-90.

182 «С тех пор, как я есть». Газель №1621.

182 «Я дал ему». Газель №600.

182 Газель «Джалалоддин» №1196.

183 «Молчи.» Газель №1621.

183 «Одна ночь.» Газель №757.

184 «Не один.» Газель №1081.

185 «Назовите имя.» Газель №2807.

185 «Интересно.» Газель №677.

186 «Говори.» Газель №2056.

186 «вероятно, так оно и было.» Льюис, Руми, 167,

186 «свет.» Газель №1526.

187 «Этого недостаточно.» Газель №2768.

187 «Ты говоришь от имени Бога.» Газель №1310.

188 «Когда я ушел.» Газель №2968.

188 «Рубашка Джозефа.» Газель №997.

189 «Если бы мои глаза.» Газель №2893.

190 «благочестивый человек.» Валаднаме, 57. иго «Каждый рассвет.» Газель №2152.

191 «горячо любил.» Афлаки, V, с. 13 714.

191 «в себе самом.» Валаднаме, 61.

191“, - сказал Он.” Там же, 63.

192 «сын.» Руми, Мактубат, Письмо 1, 59.

192 «ангельские качества.» Там же, Письмо 23, 91.

193 «Так же, как вода.» Газель №232.

194 «Этот несчастный.» Афлаки, III, с. 307, 376

195 «Моя доброта.» Фихе ха фих. Дискурс 15, 8г

- 195 "Он пошел." Валаднаме, 62.
 196 "В каждом веке». Маснави, II, 815-16; 819-30.
 196 "Я постарел." Газель №207.
 197 "однажды." Афлаки, IV, с. 110, 700.
 197 "Они чувствуют" Там же, Больной, с. 297, 362.
 197 "Утро встает." Газель №879.
 198 "Это была его одежда." Афлаки, IV, с. 93, 687

ГЛАВА 10: "В ПРОШЛОМ ГОДУ В КРАСНОМ ПЛАЩЕ ... В ЭТОМ ГОДУ В СИНЕМ"

- 201 "В прошлом году." Газель №650.
 201 "Когда Салаходдин." Перепродажа-йе Сепаксалар, 135.
 202 "Я прошел дальше». Афлаки, V, с. 3, 705.
 202 "Как Маулана." Там же.
 203 "Я вижу так много." Там же, V, с. 15, 715.
 203 "Нет." Там же, V, с. 11 712.
 203 "Эта охота на льва." Газель №594.
 203 "В прошлом году." Газель №650.
 204 "Благодать." Газель №1397 - 202 "В конце." Газель №1210.
 205 "эшк бази" Афлаки, V, с. 7, 711; Джон О'Кейн переводит персидский как "любовная игривость" в своем переводе Афлаки, Подвиги знающих Бога (Leiden: E. J. Brill, 2002), 495.
 205 "Это случилось со мной». Фихе ха фих. Дискурс 20, 111.
 206 "найеб". Обсуждение Салаходдина и позиции найеба см. Льюис, Руми, 207.
 206 произнесение проповедей. В другом рассказе в Афлаки окончательность отказа Руми от проповедей представляется спорной: "Он больше никогда не брался проповедовать. По словам других, он продолжал проповедовать, но не последовательно." Афлаки, III, с. 86, 172.
 206 "сказал Он." Валаднаме, 66.
 206 "Посвятите себя." Там же.
 207 "Слов." Афлаки, V, с. 18, 718.
 207 "Опять зависть." Валаднаме, 73.

- 208 “ничего.” Фихе Та фик. Дискурс 21, 112.
209 “Без зеркала.” Робай №1552.
209 “Я-зеркало.” Газель №38.
209 “Возьми похлебку.” Фихе ха фик. Дискурс 49, 209.
210 “Посмотрите на это лицо.” Валаднаме, 67.
210 “Если вы станете.” Там же, 106.
211 “День и ночь.” Там же, 108.
211 “Они расстроены.” Там же, 78.
211 “Когда эта новость.” Там же, 77.
211 “с их лицами.” Афлаки, V, с. 20, 719.
211 “Фатема-мое право.” Там же.
212 “из-за крайности.” Там же, V, с. 19, 719.
213 “Да будут благословения.” Газель №236. аJg 213 “Танец.”
Газель №31,
213 “Его знание.” Бади аз-Заман Форузанфар, “Некоторые замечания о поэзии Руми», *Mawlana Rumi Review*, vol. 3 (2012); 183-84. SLA “Однажды.” Афлаки, III, с. 458, 483-84.
215 “Если мой дорогой сын.” Мактубат, Письмо 56, 132-33.
концерт “Из - за белого.” Там же, Письмо 6, 69=-70.
216 “Они собирали.” Афлаки, V, с. 30, 727.
216 “мое дорогое дитя.” Мактубат, Письмо 29, 98.
216 “мой красноречивый.” Там же, Письмо 45, 117-18.
217 “Пусть эта свадьба.” Газель №2667.

ГЛАВА 11: ПАДЕНИЕ БАГДАДА

- 218 Халиф Аббасидов. Он был преемником по прямой линии от пророка Мухаммеда, хотя и не по крови.
219 папа и император. См. Weatherford, *Chinghis IGian and the Making of the Modern World*, 180.
220 “Когда в году». Афлаки, III, с. 112, 202.
220 “в мешке.” Там же, III, с. 113, 205.
220 “О, искатели.” Таки ад-Дин ибн Аби аль-Юср, “[Со-жженный дотла]», в Багдаде; Город в стихах, пер. и Эд. Рувим Смир (Кембридж, Массачусетс; Издательство Гарвардского

университета, 2013), 155.

220 “потеря для королевства « Аль-Маджд аль-Нашаби, “[Поседение волос ребенка]», там же, 154.

221 “Теперь, если не есть.” Там же, III, с. 112, 203.

221 “Депутат.” Маснави, I, 2685.

222 “Татарские войска.” Газель №1839.

222 “налоги и верблюды.” Мактубат, Письмо 42,114.

222 “Во время вашего отсутствия.” Там же, Письмо 61 139.

224 “Как бы.” Афлаки, III, с. 37, 118.

225 “Я слышу.” Там же, III, с. 82, 165.

225 “День и ночь.” Фихе мафия. Дискурс 2, 24.

226 “Со своей стороны». Афлаки, III, с. 217, 299.

227 “премодем « Омид Сафи, Политика знания в премодемном исламе; Переговорная идеология и религиозное исследование (Chapel Hill; The University of North Carolina Press, 2006), 129.

228 “Все в порядке.” Афлаки, III, с. 374, 425.

228 “Я хочу тебя». Там же, Илл, с. 384, 432.

228 “совсем один.” Там же, III, с. 468, 490.

229 “мой брат». Мактубат, Письмо 36, 104.

229 Инсе Минарели. Аннемари Шиммель описала скорописные архитектурные надписи как “начало нового искусства.” Шиммель, Мир Румис, 7.

230 “народ.” Фихе ха фих. Дискурс 22, 115.

230 “Твое царство». Мактубат, Письмо 102, 188.

231 “Я хотел.” Там же, Письмо 28, 97.

231 “Даже несмотря на это.” Афлаки, IV, с. 83, 680.

232 “Пойдем, пойдем.” Там же, V, с. 17, 718.

232 “Для сноса.” Там же, V, с. 23, 721.

232 “Он согласился.” Валаднаме, 113.

232 “- сказал Шейх.” Там же, 115.

233 “Гавриил и крылья.” Газель №2364.

234 “С тех пор.” Афлаки, III, с. 147* 233.

ГЛАВА 12 “ПОЙ, ФЛЕЙТА!”

- 235 “Пой, флейта!” Робай№1271.
235 “Человеческое существо.” Фихе ха фих. Дискурс 1, 23.
236 “как тонкий». Афлаки, III, с. 204, 290.
236 “Посмотри на Мауляну!^^ Там же, III, с. 99, 188.
236 “ - Это наша религия.” Там же, III, с. 459, 484.
237 “Маулана.” Там же, III, с. 296, 361.
238 “Это неприлично.” Там же, III, с. 542, 555.
238 “Бу!” Там же, III, с. 148, 234.
238 “Малеке.” Там же, III, с. 249, 323.
238 “Почему ты ударил». Там же, Илл, с. 344, 406.
239 “Господи, подожди меня». Там же, Илл, с. 68, 153-54
239 “Почему ты бьешь?” Там же, II, с. 34, 116.
239 “счастливый союз.” Там же, III, с. 100, 190.
239 “Вонь.” Там же, III, с. 166, 258.
240 “Опасность.” Фихе ха фих. Дискурс 1, 22.
240 “Как моя слава». Афлаки, III, с. 138, 226.
241 “Сделай себя худым». Маснави, I, 1545-46.
241 “Слова похвалы.” Там же, I, 1855.
241 “Я начал потеть”. Афлаки, III, с. 325, 394.
241 “несчастье.” Там же, VII, с. 14,800.
241 “Я не держусь.” Там же, III, с. 404, 441.
242 “Я никогда этого не делал.” Там же, III, с. 330, 395.
242 “Однажды утром.” Газель №649.
242 “Коллекции.” Афлаки, VI, с. 3, 740.
243 “Слушайте тростниковую флейту.” Маснави, I, 1-4. Альтернативным переводом последней строки этого раздела было бы: “Страстное желание снова соединиться вместе.”
244 “Из любопытства.” Там же, I, 6-9.
245 “Когда Хосамоддин.” Афлаки, VI, с. 2, 738.
245 “Ты-луч». Маснави, IV, 1.
246 “Уже рассвело.” Там же, I, 1807-9.
246 “Однажды Маулана». Афлаки, III, с. 544, 556.
247 “Мухаммед». Маснави, Я, Введение в прозу.

- 247 «путь любви». Там же, I, 13.
 247 «Это лучше секрет». Маснави, I, 135-42.
 249 «Ты дуешь в меня». Робай №1273.
 249 «Ты выбираешь их». Макалат, 180.
 250 «Я-гора». Маснави, I, 3797-801.
 251 «528 коранических стихов.» Франклин Льюис приводит эту статистику из выступления Форузанфара на фестивале ЮНЕСКО в Руми. См. Льюис, Руми, 291.
 251 «Когда я только начал.» Фихе мафия. Дискурс 53, 221.

ГЛАВА 13: «СОЛОВЕЙ УЛЕТЕЛ, ПОТОМ ВЕРНУЛСЯ»

- 252 «Соловей». Маснави, II, 8.
 252 «В своих эмоциях.» Афлаки, VI, с. 3, 743.
 252 «духовное вознесение.» Маснави, II, 4.
 253 «Ведя войну.» Афлаки, VI, с. 18, 766.
 253 «мой дорогой сын.» Мактубат, Письмо 7, 71.
 254 «Дорогая гордость профессоров.» Там же, Письмо 67, 146.
 254 «После того, как он помолился.» Афлаки, III, с. 510, 523.
 254 «В это время.» Там же, III, с. 69, 154.
 255 «Если султан.» Там же, III, с. 59, 147.
 255 «Ходавандгар.» Там же, III, с. 46, 129.
 256 «Эти суфии.» Там же, III, с. 362 416.
 257 «Что такое бедность?» Там же, III, с. 190, 278.
 257 «Такое благословение.» Там же, III, с. 361, 415.
 258 «Он хороший человек.» Там же, III, с. 352 412.
 258 «Нет, - сказал я.» Там же, III, с. 185, 274-75.
 259 «Почему должен быть такой вид.» Там же, III, с. 83, 165-66.
 259 «запрашиваю остальное.» Там же, VI, с. 3, 743.
 259 «Свет Божий». Маснави, II, 3-8.
 260 «Дальше некуда». Афлаки, VI, с. 3, 744.
 260 «Когда Салаходдин.» Валаднаме, 116.
 261 «Добро пожаловать, душа моя.» Афлаки, VI, с. 20, 770.

262 “Влюбленные подобны водяным колесам.” Маснави, VI, 911-12.

262 “Если бы вы спросили.” Афлаки, III, с. 381, 431.

263 “постоянно находился в компании.” Там же, III, с. 591, 601.

263 “Приди от Бога”. Маснави, II, 2282.

264 “Когда друзья.” Фихе ха фих. Дискурс 15, 89.

264 “Что такое я?” Там же.

265 дюжина основных историй. Я обязан за понимание структуры Маснави Джавиду Моджадедди, “Введение», Маснави: Книга вторая (Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2007).

265 “Дурак верит.” Маснави, II, 2130.

266 “Из любви к Шамсу.” Маснави, II, 1122-23.

266 “Теперь, отец, я вижу.” Макалат, 77.

266 “Ты-дитя.” Маснави, II, 3766-67; 3779.

266 “Магазин единства.” Там же, VI, 1528.

267 “Невероятно.” Робай №395.

267 “открыл дверь». Маснави, II, 3803.

267 “Когда он молился.” Там же, II, 3805-7.

ГЛАВА 14: РЕЛИГИЯ ЛЮБВИ

268 “религия любви.” Руми говорит о “религии любви” в Газели № 195 и Газели № 232: “Разум озадачен религией любви.” Он использует персидское слово для обозначения религии» дин « в Газели №195 и арабское слово “мазхаб” в Газели № 232.

268 “шкатулка секретов.” Маснави, III, 2.

269 “Вдруг дурак.” Там же, III, 4232-35.

269 “Когда Коран.” Там же, III, 4237^3,

270 “Почему они звонят». Афлаки, III, сек, 805, 891.

270 “Люди думают.” Фихе мафия. Дискурс 10, 58,

271 “Все, кто выставляется.” Афлаки, III, с. 196, 284.

271 “Когда Халладж». Маснави, VI, 8095.

271 робай. О том, что роба были написаны позже в жизни Руми, см. Харви, «Путь страсти», 54.

- 271 "Он нырнул." Робай №422.
271 "Я - слуга." Робай №717.
272 "Будьте пусты!" Газель №1739.
272 "Мечеть." Маснави, II, 3111.
273 "религия любви." Там же. II, 1770.
273 "С тех пор, как мы поклоняемся". Там же, III, 2124.
273 "Мое сердце." Там же, III, 2935.
274 "Молодость-это сад." Маснави, II, 1217-19.
274 "Брови опускаются." Там же, II, 1223-26.
276 "из ревнивого гнева." Афлаки, V, с. 16, 717.
276 "Как чудесно." Афлаки, III, с. 598, 608.
276 "Позаботься о Мауляне." Там же, III, с. 43, 126.
277 "Почему эти люди." Там же, VI. sec. 12, 755.
277 "Я желаю с этого дня." Там же, VI, с. 14, 759.
277 "О брат." Маснави, II, 277-78,
278 "Хотя солнце." Фихе мафия. Дискурс 52, 218.
278 "Люди работают." Там же, Дискурс 14, 79.
279 "Все это я сказал." Там же, "Производство", 18.
279 "Позор товарищам." Афлаки, III, с. 441, 468.
279 "Дели." Там же, III, с. 292, 356.
280 "Он-тот самый." Там же, III, с. 291, 356.
280 "Выдержка." Там же, III, с. 256, 330.
280 "Нет умного доктора." Там же, III, sec. 549, 563.
281 "На Фестивале единства." Газель №202.
281 "Ты бежишь от смерти". Маснави, III, 3441-43.
282 "Бог сотворил." Газель №683.
282 "Зажатый в утробе". Маснави, III, 3556-59.
283 "Он сказал: «Друзья мои». Там же, III, 3946-48.
283 "Смерть, болезнь ее когтей". Там же, III, 3984.
883 "Птица." Там же, III, 3977-3980.
884 "Когда вы услышите." Там же, V, 1736-40.

ГЛАВА 15: БРАЧНАЯ НОЧЬ

- 285 “Если группа». Афлаки, III, с. 253, 32[^].
- 286 “Не делай». Там же, VIII, с. 3, 826.
- 286 “Фаридун.” Там же, VIII, с. 5, 828.
- 286 “День.» Там же, VIII, с. 5, 829; поскольку стихотворение не появляется в большинстве копий Дивана Руми, султан Валад также был зачислен в качестве его фактического автора.
- 287 “красивый.” Газель №16.
- 287 “Внезапно.” Там же, VIII, с. 9, 832.
- 287 “Момент.” Там же, VIII, с. 15, 838.
- 288 “О, жизнь сердца». Маснави, VI, 1-3.
- 289 “славно.” Там же, VI, 3109.
- 289 “Он дал мне шапку». Там же, VI, 3126-28, 3150.
- 289 “прекраснейшая.” Сура XII, 1.3. Толкование Корана, пер. А. Дж.Арберри, т. I, 254.
- 290 “И когда она сказала:” Маснави, VI, 4023-27; 4030; 4032-33.
- 290 история о трех принцах. См.Отчет Шамса, Макалат, 246-47.
- 291 “окно между сердцами.” Там же, VI, 4916.
- 291 “Вы должны были». Афлаки, III, с. 565, 579.
- 292 “Я думаю.” Там же, III, с. 566, 580.
- 292 “Знаете ли вы». Там же, Илл, с. 567, 580.
- 292 “когда земля.” Там же, III, с. 368, 420.
- 292 “Слава Богу.” Там же, III, с. 568, 581.
- 293 “Как превосходно.” Там же, III, с. 579, 587*
- 293 “Есть надежда.” Там же, III, с. 569, 581.
- 293 “Я поставил чашу». Афлаки, III, с. 582, 594*
- 294 “Когда вы видите.” Газель №911.
- 295 “Не грусти.” Газель №683.
- 295 “Султан Валад.” Афлаки, III, с. 579, 589.
- 295 “последняя газель.” Там же, III, с. 579, 590.
- 295 “Иди.” Газель №2039.
- 295 “Кто подходит.” Афлаки, III, с. 578, 586.
- 296 “Там появится.” Там же, III, с. 571, 583.

- 297 Не бойтесь.» Там же, III, sec 570, 58а.
297 «Я рекомендую.» Там же, III, sec 574, 584.
297 «О Господи Боже.» Там же, III, с. 575, 585.
297 «Мои спутники.» Там же, Ил., с. 579, 589.
297 «море, проливающее жемчужины». Маснави, VI, 1999.
298 «Место мне». Афлаки, III, с. 573, 584.
298 «Летучие мыши.» Маснави, II, 47.
299 «Все религиозные.» Афлаки, III, с. 580, 592.
299 «Народ.» Султан Валад, Валаднаме, 124-25.
299 «Мусульмане.» Афлаки, III, с. 580, 592,
300 «Он был похож.» Там же, III, с. 580, 593.
300 «Он пришел.» Афлаки, III, с. 333, 400.
301 «Чуни? Там же, III, с. 588, 598.
301 «Сераджоддин.» Афлаки, III, с. 587, 597.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

- 302 «Мне грустно.» Омар, сообщение в Facebook автору, 3 июня 2015 года.
303 «Все это.» Клод Каен, Доосманская Турция; Общий обзор 0/ материальная и духовная культура и история с. /071-1330.
304 «Большинство из них.» Ахмет Т. Карамустафа, в беседе с автором. 15 мая 2015 года.
305 «Поздно вечером», Шиммель, Мир Руми, 195-96.
306 «Животные толстеют». Маснави, VI, 290.
307 коллаборационизм. Я сотрудничал с ирано-американской писательницей Мариам Моназ над переводами стихов Руми, опубликованных в Twitter под заголовком #Секреты Руми.
308 «Это стихотворение пахнет розами* \$cfik Сап, «Руми учится на Западе», в романе «Ром и его суфийский путь любви», ред., М. Фатих Ситлак и Хусейн Бингул (Сомерсет, Нью-Джерси: The Light Publishing, 2007), 98.
309 «ухо сердца.» Глвал №837.
310 «Из рая» Тематические записные книжки Ральфа Уол-

до Эмерсона, том 2 (Columbia, MO: University of Missouri Press, 1992), 48; идентифицирован как перевод строк Руми в Льюисе, Руми, 570.

311 “Эти стихи должны быть». Коулман лаэт, “Выпуская птиц в воздух», в книге Роберта Блая «В этом мире», ред., Томас Р. Смит и Джеймс П. Ленфестев (Миннеаполис: Университет Мирмесота Прес; 2011), 268.

312 “О Руми.” Цитируется в переводе Мехмета Ондера, опубликованном в книге “Руми учится на Западе” в книге «Руми и его суфийский путь любви», ред., Citlak and Bingtil, 100.

313 “солнечный свет сердца.” Газель №968.

314 “Скажи всю правду.” Стихотворение № 1263. Стихи Эмили Дикинсон, том 2, изд., Р. У. Франклин (Кембридж, Масачусетс: Belknap Press of Harvard, 1998), том 2, 1089.

315 “Объяснения.” М[^]navi, I, 113.

316 “Руми резонирует.” Джавид Моджадедди, в беседе с автором, 11 июня 2015 года.

317 “Когда вы обнаружите.” Маснави, II, 45-46.

318 “Я действительно верю.” Коулман лаэт в беседе с автором, 31 июля 2015 года.

319 “Я чувствовал себя другом.” Асма Садик, в беседе с автором, 12 июня 2015 года.

320 “Не говори.” Маснави, III, 1305.

Бред Гуч

СЕКРЕТ РУМИ

**ЖИЗНЬ СУФИЙСКОГО
ПОЭТА ЛЮБВИ**

Подписано в печать 20.10.2021. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Tj.
Усл. печ. л. 23. Тираж 300 экз. Заказ № 234.

ООО "ЭР-граф".
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com